

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Доржиев Найдан-Жаргал Будажапович

Кяхтинская таможня в борьбе с контрабандой (1727–1917 гг.)

5.6.1 – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
А.М. Плеханова

Улан-Удэ – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	18
1.1. Историография проблемы.....	18
1.2. Источниковая база исследования.....	53
ГЛАВА II. КЯХТИНСКАЯ ТАМОЖНЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ.....	66
2.1. Условия и причины создания Кяхтинской таможни	66
2.2. Кяхтинская торговля в конце 1720-х – начале 1750-х гг.: причины роста контрабанды.....	83
2.3. Кяхтинское приграничье во второй половине XVIII в.: незаконный товарный оборот в обстановке торговых кризисов	99
2.4. Таможня в Кяхте как объект отдельного таможенного регулирования в 1800–1862 гг.: контрабанда в условиях трансформации российско-китайской торговли.....	115
ГЛАВА III. ОТ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ: КОНТРАБАНДА В КЯХТИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В 1862–1917 гг.	144
3.1. Незаконный оборот товаров через границу в условиях порто-франко в Забайкалье (1862–1900 гг.).....	144
3.2. Восстановление Кяхтинской таможни: организационные трудности, борьба с нелегальной торговлей и коррупцией (1900–1911 гг.)	166
3.3. Контрабанда в кяхтинском приграничье в условиях реформ таможенного управления и вызовов военного времени (1911–1917 гг.)	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	226

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Активное развитие взаимоотношений России с Китаем и Монголией обусловлено как современной геополитической ситуацией и поворотом российской внешнеполитической стратегии на Восток, так и давней историей их контактов, в том числе торговых. В преддверии 300-летия основания Кяхты и заключения Кяхтинского трактата исследование различных аспектов этих взаимосвязей приобретает особенную актуальность.

Установление первых взаимовыгодных экономических соглашений между странами привело к созданию в приграничье особых зон, где должны были осуществляться все легальные торговые операции. Одной из таких зон на территории России стало кяхтинское приграничье, сформировавшееся в результате заключения в 1727 г. двух российско-китайских соглашений – Буринского и Кяхтинского. Практически одновременно с основанием Кяхты, ставшей на долгие годы главными торговыми воротами России в Китай, была учреждена Кяхтинская таможня. Ее деятельность регламентировалась отдельными постановлениями, указами, тарифами, содержание которых напрямую зависело от текущей геополитической ситуации и состояния отношений между странами. В этой связи важно исследовать зависимость таможенного и торгового законодательства от условий актуальных международных соглашений. Договоры между странами – от ранних русско-китайских актов первой половины XVIII в. до соглашений 1912–1913 гг. и военных ограничений 1914–1917 гг. – задавали правовые рамки для развития торговли, определяли порядок пограничного обращения товаров и тем самым напрямую влияли на практику контроля и масштабы нелегального торгового оборота – контрабанды.

Термин «контрабанда» закрепился в российском законодательстве только в XIX в., до этого закон оперировал описательными категориями – тайный или потаённый провоз, утаённый товар и т.д. При этом предмет регулирования, а именно – запрещённое или сокрытое от пошлинного обложения перемещение

товара через границу – остаётся неизменным и по сей день. Контрабанда в кяхтинском приграничье с момента появления была не столько отклонением от нормы, сколько чувствительным индикатором состояния русско-китайской торговли. Анализ ее специфики позволит углубить представление не только об экономической жизни региона, но и торговом сотрудничестве между странами.

Маршруты и сезонность контрабанды показывали реальные логистические практики торговли, а не только формально предписанные порядки, ее всплески и спады демонстрировали реакцию на изменения международно-правового режима и внутреннего регулирования. По динамике направлений и интенсивности контрабандных потоков видно, как торговые пути смещались от караванных маршрутов к железнодорожным узлам, где формировались «узкие места» контроля и какие социальные группы были вовлечены в незаконный товарооборот. Масштабы и номенклатура контрабандных товаров отражали ценовые разрывы по обе стороны границы и эффективность действия тарифных стимулов. Учет задержаний, состав конфискованного товара и применяемые способы сокрытия отображали реальную картину происходящих в трансграничье процессов: от изменений в легальном обороте и эффективности таможенных мер до влияния межгосударственных соглашений на повседневную практику торговли. В связи с этим, выявление динамики, характера и специфики контрабандной деятельности позволяет получить более полное представление об экономических и социальных процессах, сформировавших кяхтинское приграничье.

Именно в имперский период отечественной истории шел процесс становления централизованной таможенной системы и ее активной трансформации, приведший к интеграции таможен на востоке Российской империи в общую структуру, сформировались различные практики противодействия контрабанде и механизмы взаимодействия таможни с военными и гражданскими властями. Обращение к историческому опыту борьбы с нелегальной торговлей имеет особую актуальность и значимость, так

как позволяет определить вклад отдельных ведомств в формирование системы противодействия контрабандной деятельности, дает возможность лучше понять логику принимаемых управленческих решений, создает прочную основу для анализа эффективности мер государственного контроля и оценки результативности проводимой таможенной политики, помогает осмыслить долгосрочные тенденции в развитии таможенной системы страны.

Актуальность анализа деятельности Кяхтинской таможни, направленной на борьбу с контрабандой, обусловлена возможностью проследить, какое влияние оказывали глобальные институциональные изменения на правоохранительную часть работы отдельно взятой таможни, а также оценить степень эффективности применявшихся мер контроля в условиях трансформации государственной таможенной системы.

Степень разработанности темы. Отечественную историографию, представленную, во-первых, исследованиями, посвященными анализу российской таможенной системы и становлению отдельных таможен на территории страны; во-вторых, трудами, в которых авторы рассматривают историю русско-китайской торговли, параллельно затрагивая контрабанду как её неотъемлемую часть; в-третьих, работами, предметом исследования которых является феномен контрабанды в приграничной торговле, в том числе кяхтинской, можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. Основанием для подобной периодизации служит в первую очередь разница методологических подходов, отличия в предмете, проблемном поле и ракурсе исследований.

В дореволюционный период были заложены основные подходы к изучению таможенной политики России и торговых отношений с Китаем. Исследователи проанализировали эволюцию таможенных тарифов и общие принципы протекционизма, обозначили контрабанду в кяхтинском приграничье как серьезную проблему и в то же время неотъемлемую часть торгового процесса. Авторы выявили основные причины ее возникновения – высокие пошлины, наличие государственных монополий и запретов, а также привели

первые примеры злоупотреблений со стороны таможенных служащих. Однако для дореволюционной историографии характерно рассмотрение контрабанды лишь как фонового явления, сопутствующего торговле или дипломатическим отношениям. Отдельного предмета исследования таможенная борьба с ней не составляла.

Советская историография, несмотря на идеологическую заданность, внесла важный вклад в изучение темы за счет расширения источниковой базы. Работы, созданные в этот период, позволили существенно углубить знания о механизмах нелегальной торговли, ее масштабах и участниках, но контрабанда по-прежнему оставалась «тенью» исследований российско-китайской торговли или таможенной политики в целом, не становясь самостоятельным объектом анализа.

В современной историографии деятельность Кяхтинской таможни стала отдельным объектом исследования. Учеными был проанализирован организационно-штатный состав таможни, ее материально-техническое обеспечение, нормативно-правовая база функционирования. Важным достижением стало рассмотрение контрабанды не как случайного феномена, а как устойчивого элемента приграничной экономики, обусловленного особенностями дальнего пограничья, слабостью контроля и вовлеченностью в нелегальный оборот всех слоев местного населения.

В последнее десятилетие особенно заметно изменение тенденций в изучении и выявлении специфики контрабанды. Все больше исследователей фокусируются на региональном компоненте, в связи с чем выросло число работ, посвященных деятельности Кяхтинской таможни и приграничной нелегальной торговли. Это позволило реконструировать повседневную практику борьбы с контрабандой, а также выявить противоречия между общеимперским законодательством и местными реалиями. Исследователями убедительно показано, что государственная политика унификации таможенного дела часто вступала в конфликт с традициями приграничной торговли, порождая коррупцию и новые формы нелегального провоза товаров.

Зарубежная историография также вносит важный вклад в изучение российской приграничной политики, рассматривая её в широком контексте международных отношений и геополитических интересов. Основное внимание зарубежных авторов сосредоточено на дипломатической составляющей русско-китайских и русско-монгольских связей, анализе торговых соглашений. Особую ценность представляют труды монгольских ученых, в которых раскрываются вопросы правового регулирования контрабанды и таможенного обложения с позиции соседнего государства, а также работы китайских авторов, позволяющие увидеть динамику торговых отношений через призму цинской политики запретов и ограничений.

Благодаря усилиям многих поколений отечественных и зарубежных исследователей накоплен богатый, отличающийся значительной полнотой и разнообразием материал, характеризующий деятельность Кяхтинской таможни. Однако специального исследования, посвящённого её правоохранительной функции в сфере пресечения нелегального перемещения товаров, до настоящего времени не предпринималось. Сложившиеся историографические традиции, создав надёжный фундамент для подобной работы, вместе с тем оставили в ней заметные пробелы, ограничиваясь либо узкими хронологическими рамками, либо анализом отдельных сюжетов. Имеющиеся публикации, как правило, фокусируются на конкретных видах нелегальной продукции или на отдельных эпизодах нарушений. При этом отсутствует углубленный анализ эволюции способов тайного провоза товаров в ответ на ужесточение таможенного режима, равно как и объективная оценка действенности применявшихся мер противодействия.

Подробный анализ историографии проблемы представлен в первом параграфе первой главы диссертации.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики деятельности Кяхтинской таможни в имперский период, направленной на борьбу с контрабандой. Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать основные периоды, тематические направления и существующие пробелы в изучении противоконтрабандной деятельности;
2. Систематизировать выявленные источники, отражающие исторический опыт борьбы с контрабандной деятельностью в кяхтинском приграничье, и определить их ценность;
3. Определить условия, предпосылки и причины учреждения Кяхтинской таможни в контексте установления и развития российско-китайских отношений;
4. Дать оценку ранним формам контрабандной деятельности в кяхтинском приграничье и способам противодействия ей в 1720–1750-е гг.;
5. Раскрыть специфику борьбы с нелегальной торговлей в условиях дипломатических кризисов и периодических закрытий кяхтинского торгового пути во второй половине XVIII в.;
6. Охарактеризовать деятельность Кяхтинской таможни, направленную на борьбу с контрабандой в период особого государственного контроля за кяхтинским приграничьем в 1800–1862 гг., определить изменения в ассортименте нелегального оборота и охарактеризовать меры противодействия «потайному провозу»;
7. Выявить динамику незаконного оборота товаров в условиях режима порто-франко в Забайкалье в 1862–1900 гг. и определить роль отдельных государственных структур в охране границы от перемещения нелегальных товаров;
8. Раскрыть организационные трудности восстановления Кяхтинской таможни в 1900–1911 гг. и специфику борьбы с нелегальной торговлей в условиях смены логистических маршрутов;
9. Дать характеристику таможенному контролю в кяхтинском приграничье в условиях глобальных внешних и внутренних потрясений 1911–1917 гг.

Объектом диссертационного исследования выступает деятельность Кяхтинской таможни, направленная на борьбу с контрабандой; **предметом** – способы и механизмы противодействия нелегальной торговле, применяемые Кяхтинской таможней в имперский период, с учетом меняющихся геополитических условий функционирования российско-китайской границы, правовых норм регулирования внешней торговли и таможенных тарифов, организационной структуры и кадрового состава таможенной службы, ассортимента контрабандного товара, логистических практик нелегальной торговли и социального состава ее участников.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1727 по 1917 гг. Нижняя граница обусловлена основанием Кяхты в 1727 г. и учреждением Кяхтинской таможни, что ознаменовало начало формирования пограничного торгового режима, а также его административного надзора. С этого момента контрабанда стала объектом систематического контроля со стороны государства, а борьба с ней – важным направлением деятельности Кяхтинской таможни. Верхняя граница связана с революционными событиями 1917 г., которые ознаменовали окончание имперского периода отечественной истории и привели к кардинальным изменениям в системе управления государственными учреждениями, в том числе в сфере таможенного надзора.

Территориальные рамки исследования охватывают приграничное пространство Юго-Западного Забайкалья, совпадающее с современным приграничьем Республики Бурятия и Монголии. Выбор данных территориальных рамок обусловлен формированием здесь линии таможенных застав и постов, подведомственных на протяжении всего имперского периода преимущественно Кяхтинской таможне. В территориально-административном отношении Кяхтинская таможня изначально входила в состав Сибирской губернии, затем Иркутской, образовавшейся в 1764 г., в 1851–1863 гг. была частью Кяхтинского градоначальства, а с 1863 г. – в составе Забайкальской области. За этот период Кяхтинская таможня была подведомственна разным

государственным структурам, последней из которых стало Читинское таможенное инспекторство, образованное в 1912 г.

Источниковая база. Для проведения исследования был привлечен широкий круг источников, различных по происхождению и специфике воспроизведения действительности. По типу и информационному содержанию использованные данные были объединены в несколько групп: международно-правовые акты, законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические сведения, периодическая печать, материалы личного происхождения. Привлекались как опубликованные источники, так и архивные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственных архивов Республики Бурятия (ГАРБ), Иркутской области (ГАИО) и Забайкальского края (ГАЗК). Привлечение широкого корпуса источников способствовало достоверному отражению динамики контрабандной деятельности и борьбы с ней в кяхтинском приграничье.

Подробный анализ источниковой базы исследования представлен во втором параграфе первой главы диссертации.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования является модернизационный подход, который рассматривает эволюцию государственных институтов, включая таможенную систему, с точки зрения перехода от традиционных форм хозяйствования и управления к более рациональным, бюрократизированным и централизованным моделям. Согласно данному подходу, деятельность Кяхтинской таможни и формирование методов борьбы с контрабандой понимаются как важный элемент модернизации государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в. Использование модернизационного подхода позволило проследить, каким образом изменения во внешнеполитическом курсе, реформирование торговых отношений, развитие транспортной инфраструктуры в ходе экономической модернизации и усложнение механизмов государственного контроля влияли на трансформацию таможенной практики.

Данный подход помог охарактеризовать постепенный переход от локальных и слабо регламентированных форм противодействия контрабанде к более централизованной, нормативно закреплённой и профессионализированной системе таможенного надзора.

Важное место занимает институциональный подход, который позволил рассмотреть Кяхтинскую таможню как институт, функционировавший в рамках конкретной правовой, административной и экономической среды. Применение институционального анализа помогло выявить особенности нормативно-правового регулирования, специфику взаимодействия таможенных, пограничных и полицейских органов, а также механизмы контроля и пресечения контрабандной деятельности.

Пространственный (региональный) подход использован для анализа специфики приграничья Юго-Западного Забайкалья как особого пространства взаимодействия России, Китая и Монголии. Эти территориальные особенности определяли направления торговых потоков, характер нелегального оборота и эффективность мер таможенного контроля.

Исследование построено на принципах историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассматривать деятельность Кяхтинской таможни в динамике и в контексте постоянно меняющихся внешне- и внутривнутриполитических, экономических условий. Следование принципу объективности отразилось в попытке всестороннего анализа разнообразной источниковой базы, опоре на конкретные исторические факты для выявления доминировавших на разных этапах исследуемого периода способов и механизмов борьбы с контрабандой.

Привлечение проблемно-хронологического метода позволило определить структуру диссертации и последовательно проанализировать ключевые этапы развития таможенной службы и механизмы борьбы с контрабандой. Использование историко-генетического метода помогло установить причины возникновения контрабанды и ее дальнейшего роста, охарактеризовать эволюцию мер противодействия нелегальному обороту товаров. При помощи

сравнительно-исторического метода выявлены общие и специфические черты функционирования Кяхтинской таможни и её борьбы с контрабандой путем сопоставления её деятельности с практиками других таможенных учреждений Российской империи. Применение статистического метода позволило проанализировать количественные данные о масштабах нелегального оборота, объёме изъятых товаров, числе правонарушений, что дало возможность дать объективную оценку эффективности принимаемых мер.

Использование комплекса методологических подходов, принципов и методов исследования обеспечило углубленное изучение правоохранительной деятельности Кяхтинской таможни и позволило выявить исторический опыт борьбы с контрабандой, имеющий значимость для анализа эволюции системы таможенного контроля Российской империи.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– на основе анализа значительного массива разнообразных источников, включая ранее не введенные в научный оборот материалы Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края, показана специфика исторического опыта борьбы с контрабандой Кяхтинской таможни на протяжении длительного периода – со второй четверти XVIII до начала XX в.;

– выявлена зависимость внутреннего таможенного законодательства от условий межгосударственных соглашений и определено их влияние на формирование системы противодействия нелегальной торговле;

– разработана периодизация деятельности Кяхтинской таможни и борьбы с контрабандой на территории кяхтинского приграничья, основанная на изменениях международных отношений, трансформации форм торговли и эволюции нормативно-правовой базы таможенной службы; охарактеризованы ключевые этапы, отличающиеся изменениями в правовом регулировании торговли;

– определены изменения в ассортименте контрабандной продукции в кяхтинском приграничье на протяжении второй четверти XVIII – начала XX в.,

зависящие не только от спроса и рыночной конъюнктуры, но и обусловленные особенностями внешней и таможенно-тарифной политики, а также спецификой организации таможенного контроля;

- дана характеристика способов и механизмов борьбы Кяхтинской таможни с контрабандой, эволюционировавших от простейших форм до технически усовершенствованных;

- выявлены факторы, определявшие эффективность мер борьбы с контрабандой, включая развитие инфраструктуры и транспортной логистики, реформы таможенных органов и изменения в системе пограничной охраны;

- определены причины частых злоупотреблений служащими, в числе которых были материальная нужда, слабый государственный надзор за деятельностью таможни в связи с удаленностью региона от центра;

- установлены способы поощрения таможенных служащих в борьбе с контрабандой, в основе которых лежал денежный стимул и социальные гарантии.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Деятельность Кяхтинской таможни по борьбе с тайным провозом товаров в имперский период освещена в исторической науке не в полной мере. Опора на накопленный опыт изучения проблемы и широкий комплекс источников позволяет выявить способы и механизмы противодействия нелегальной торговле, оценить эффективность применявшихся мер в условиях трансформации государственной таможенной системы.

2. С XVII в. наряду с установлением российско-китайских дипломатических и торговых контактов формировались экономические и правовые основы приграничного торга. Государственная монополия на продажу наиболее прибыльных товаров (пушнина, ремень) при почти полном отсутствии административного контроля границ привели к распространению контрабанды ещё до учреждения таможенного надзора.

3. Международные правовые акты – от Буринского и Кяхтинского трактатов 1727 г. до Кяхтинского трехстороннего договора 1915 г. – ключевым

образом влияли на таможенное законодательство и практику функционирования кяхтинского приграничья. Изменения в отношениях России с Китаем, а затем и Монголией воздействовали на порядок пропуска товаров, интенсивность легальных и теневых потоков, провоцируя всплески контрабанды и корректировку практик контроля со стороны таможенных служб.

4. Контрабанда на протяжении второй четверти XVIII – начала XX в. являлась устойчивым элементом кяхтинского приграничья. Её динамика определялась состоянием отношений между странами, ценовыми различиями на рынках России, Китая и Монголии, особенностями тарифной политики и возможностями пограничного контроля.

5. Механизмы борьбы с контрабандой, под которыми подразумевается совокупность административных и правовых практик, включающих порядок выявления правонарушений, процедуру досмотра и конфискации товаров, практику возбуждения дознаний, систему взаимодействия таможи с пограничной стражей, местной администрацией, казачьим войском, формы применения наказаний и взысканий, видоизменялись на протяжении исследуемого периода. Деятельность Кяхтинской таможи эволюционировала от разрозненных, ситуативных мер к более системным формам правоохранительной практики. Эффективность противодействия ограничивалась как объективными факторами (протяжённость границы, условия международных соглашений), так и субъективными (кадровые проблемы, коррупция, круговая порука, низкое жалование).

6. Периодизация борьбы с контрабандой в кяхтинском приграничье включает два периода, отражающих уровень развития нормативно-правового регулирования и организационной структуры таможенной службы, влиявший на эффективность противодействия нелегальной торговле.

Первый период (1720-е – 1862 гг.) – учреждение и развитие таможенного контроля в условиях становления кяхтинского торгового узла российско-китайских отношений. Включает три этапа.

Первый этап (1720–1750-е гг.) примечателен учреждением таможни и организацией первых мер противодействия нелегальной торговле. Деятельность Кяхтинской таможни ограничивалась элементарными мерами, включая досмотр. Недостаточность этих мер привела к необходимости клеймения товаров и внедрения первых технических средств для усложнения нелегального промысла.

Второй этап (вторая половина XVIII – начало XIX в.) характеризуется ростом нелегального оборота на фоне расширения русско-китайской торговли, периодических кризисов, приостановок торгового и пересмотра договоров. Нелегальный оборот стал устойчивым элементом приграничной экономики, а меры борьбы зависели от состояния двусторонних отношений.

Третий этап (1800–1862 гг.) отличается реформированием таможенно-тарифной системы и усложнением нормативно-правового регулирования. Правоохранительная деятельность таможни приобрела более системный характер, но её эффективность оставалась ограниченной из-за протяжённости границы и организационных проблем.

Второй период (1862–1917 гг.) – существенное изменение торгового и таможенного режима – также включает три этапа.

Первый этап (1862–1900 гг.): в связи с введением порто-франко таможня в Кяхте ликвидирована, самой восточной стала Иркутская, что существенно ослабило контроль за нелегальным оборотом. Если ранее контрабандой считались товары, утаенные от пошлин, то теперь – только запрещенные к ввозу/вывозу, поэтому основными предметами незаконного промысла стали алкоголь (ввоз) и необработанное золото (вывоз).

Второй этап (1900–1911 гг.): восстановление Кяхтинской таможни, смещение центра нелегального оборота и экономической активности в зону железнодорожного сообщения, усиление борьбы с контрабандой, принявшей более организованный и регулярный характер.

Третий этап (1911–1917 гг.) характеризуется нестабильностью пограничного режима в связи с Синьхайской революцией, пересмотром

соглашений, военными ограничениями в годы Первой мировой войны и революционными событиями 1917 г. Противоконтрабандная деятельность Кяхтинской таможни велась в условиях повышенной нагрузки и сокращения ресурсов, что снижало эффективность сложившихся механизмов контроля.

7. Товарный ассортимент контрабанды менялся в зависимости от государственной торговой политики. В разные периоды доминировали различные товары: пушнина – в XVIII в.; чай, драгоценные металлы, алкоголь, промышленные товары – в XIX – начале XX в. Это свидетельствует о прямой зависимости нелегального оборота от таможенно-тарифной политики, развития транспортной инфраструктуры и рыночного спроса.

8. Исторический опыт правоохранительной деятельности Кяхтинской таможни ценен для понимания модернизации таможенного управления Российской империи. Кяхтинская модель демонстрирует, как внешнеполитическая конъюнктура, правовые реформы, инфраструктурные изменения и кадровая политика влияли на способность органов контроля противодействовать нелегальному обороту на восточных границах.

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в расширении научных представлений о взаимосвязи межгосударственных отношений, таможенной политики и нелегальной торговли, пополнении знаний о специфике трансграничной экономики, динамике торговых отношений между Россией и Китаем, а также Монголией, историческом опыте борьбы с контрабандой. Результаты исследования раскрывают механизмы функционирования государственных институтов контроля в Российской империи в XVIII – начале XX в., а также позволяют рассматривать борьбу с контрабандой как один из индикаторов модернизации системы государственного управления и административного контроля на дальних рубежах империи.

Практическая значимость. Материал диссертации может быть востребован при подготовке учебных пособий, спецкурсов по истории российско-китайских и российско-монгольских отношений, истории

Забайкалья. Результаты исследования могут служить основой для дальнейших изысканий по теме таможенного регулирования и противодействия контрабанде, приграничного взаимодействия, а также истории трансграничья России, Китая и Монголии.

Степень достоверности и апробация исследования. Основные теоретические положения и выводы исследования представлены в докладах на XV международном семинаре «Актуальные проблемы сотрудничества России, Китая и Монголии в современном мире: история, экономика, культура, экология» (Улан-Удэ, 2023), X международном Сибирском историческом форуме (Красноярск, 2023), международной научной конференции «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.» (Улан-Удэ, 2023).

Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в восьми научных статьях. Пять работ опубликованы в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК, из которых одна – в рецензируемом журнале, входящем в международную базу данных Scopus.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав (в первой главе два параграфа, во второй – четыре, в третьей – три), заключения и библиографического списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография проблемы

Отечественная историография, обозначенной в настоящем исследовании проблемы, условно делится на три периода: дореволюционный, советский и современный. Основанием для подобной периодизации служит разница методологических подходов, отличия в предмете, проблемном поле и ракурсе исследований.

Помимо хронологической периодизации в историографии темы выделяются отдельные тематические блоки: 1) исследования, посвященные анализу таможенной системы Московского царства и Российской империи в целом, а также становлению отдельных таможен на территории страны; 2) труды, в которых авторы рассматривают историю кяхтинского торгового дела, параллельно затрагивая контрабанду как её неотъемлемую часть; 3) работы, предметом исследования которых является феномен контрабанды в приграничной торговле, в том числе кяхтинской, причины возникновения и способы тайного провоза, а также механизмы борьбы с ней.

Дореволюционная историография представлена исследованиями, посвящёнными истории становления таможенных органов и анализу таможенной политики Московского царства, а затем и Российской империи. В их числе выделяется работа К.Н. Лодыженского, который стал первым исследователем, изучившим развитие таможенной системы Российского государства на протяжении длительного периода – с середины XVII в. до середины XIX в.¹ Работая в Министерстве финансов, К.Н. Лодыженский участвовал в составлении нескольких таможенных тарифов в конце XIX в. Его труд наполнен подробностями, которые детально раскрывают причины

¹ Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб: Тип. В.С. Балашева, 1886. 322 с.

изменения тарифов и их суть. Несмотря на масштабность исследования, К.Н. Лодыженский уделил крайне мало внимания «азиатским» тарифам. К примеру, в шестой главе, где исследователь анализирует таможенную политику в царствование Елизаветы Петровны, о Сибирском тарифе, опубликованном в 1761 г., он практически ничего не сообщает, ограничиваясь лишь несколькими предложениями: «Тариф 1762 г. для сибирских таможен; этот тариф был близок к тарифу 1757 года. Но вообще, пошлины, взимавшиеся по азиатской торговле, были гораздо ниже, чем те, которые были установлены по европейской торговле»¹. О Кяхтинском тарифе, принятом 15 марта 1800 г., автор не упоминает, хотя к этому времени масштабы кяхтинского торгового и сумма взимаемой местной таможенной пошлины были значительными. Тем не менее, благодаря практическому опыту, полученному К.Н. Лодыженским во время работы в главном финансовом ведомстве государства, его труд изобилует важными статистическими сведениями, в том числе об объёмах ввоза и вывоза товаров, номенклатуре наиболее востребованной импортной и экспортной продукции, а также не столь очевидными, но не менее полезными данными, к примеру, о количестве выпускаемых ассигнаций и их достоинстве в серебряных монетах².

В работе В. Витчевского благодаря широте охваченных вопросов дано развёрнутое представление о динамике экономического развития России с XVIII до начала XX вв.³ Исследователю удалось проследить взаимосвязь между развитием промышленности, внутренней и внешней торговли, проанализировать влияние на эти отрасли методов государственного регулирования, сравнить таможенные тарифы России с другими странами. Исследование хронологически охватывает два столетия, но основной акцент автор сделал на XIX в. Преимущественное внимание В. Витчевский уделил анализу экономического сотрудничества с западными странами, а состояние

¹ Там же. С. 95.

² Там же. С. 163.

³ Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого и до наших дней. СПб: Издание Д.А. Казицына и Ю.Д. Филипова, 1909. 362 с.

азиатской торговли в начале XIX в. ограничил фразой: «С Японией и Китаем торговые сношения были завязаны при помощи посланных туда торгово-дипломатических миссий»¹, хотя к этому времени караванные экспедиции в Цинскую империю были уже отменены, и основная доля российско-китайского экономического сотрудничества приходилась на приграничную торговлю в Кяхте и Маймачене.

Работа М.Н. Соболева имеет более узкие хронологические рамки по сравнению с предыдущими трудами². Основной упор в ней сделан на исследовании специфики таможенного регулирования и его сравнении с таможенной политикой других стран. В работе детально изучена динамика пошлинного обложения наиболее востребованных товаров – железа, чугуна, угля, чая и др. По мнению автора, в основе таможенной политики в исследуемый период лежали интересы государства, «которое, как самодовлеющее учреждение, стремилось извлекать из таможенных пошлин наибольший доход»³. По уже сложившейся к тому времени традиции, автор в ходе изучения таможенной системы России обошел вниманием деятельность Кяхтинской таможни, хотя и отметил, что в некоторых регионах страны под воздействием особых местных условий таможенная политика имела свои особенности⁴.

К работам, содержащим оценку таможенной политики страны в сравнении с опытом других держав, можно отнести труд выдающегося русского ученого Д.И. Менделеева «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»⁵. Будучи убежденным сторонником протекционистской политики, Д.И. Менделеев был привлечён к разработке таможенного тарифа,

¹ Там же. С. 33.

² Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск: Типо-лит. Сибирского тов-ва печатного дела, 1911. 850 с.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Менделеев Д.И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб: Тип. В. Демакова, 1892. 730 с.

опубликованного в 1891 г. В своей работе автор дал развёрнутый комментарий принятому тарифу и привел обоснования по таможенным ставкам на отдельные виды товара.

Изучение опыта таможенного регламентирования привело многих исследователей к выводу о наличии двух вариантов развития внешней торговли – в русле протекционизма и фритредерства. Поиск российским правительством оптимальной модели таможенной политики отражен не только в вышеперечисленных трудах, но и в работах С.И. Никольского¹, Я.А. Новикова², М.И. Кази³. Так, Я.А. Новиков в работе с ёмким названием «Протекционизм» заключает: «все отрасли промышленности, которые возникают в силу естественных экономических условий, ни в какое время не нуждаются в охранительных пошлинах»⁴. Указанные работы также объединяет попытка авторов осмыслить промышленный переворот в России, начавшийся в XIX в., и выявить взаимосвязь с таможенным регулированием государства.

Деятельность Кяхтинской таможни и её регулирование с помощью законов, таможенных уставов и тарифов не выступали отдельным предметом исследования дореволюционных авторов, а изучались лишь в контексте торговых отношений с Китаем. К примеру, в работе экономиста А.К. Корсака «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем»⁵ приведены крайне важные сведения, касающиеся не только кяхтинского торгового дела, но и контрабандной деятельности. Им выявлены и проанализированы причины роста контрабанды пушнины в кяхтинском приграничье, организационные проблемы казённых караванов, из-за которых они не могли конкурировать с частными купцами: «комиссар же караванный получал их (пушнину) от сибирского приказа из рук присяжных ценовщиков, назначавших им иногда

¹ Никольский С. О внешних таможенных пошлинах. М.: Университ. тип. (Катков и Ко), 1865. 124 с.

² Новиков Я.А. Протекционизм. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 292 с.

³ Кази М.И. По поводу таможенной войны с Германией. СПб: Типо-лит. С.Ф. Яздовского и Ко, 1893. 67 с.

⁴ Новиков Я.А. Протекционизм. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. С. 91.

⁵ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 445 с.

такие высокие цены, что едва за полцены можно было продать их»¹. Работа А.К. Корсака охватывает временной промежуток с середины XVII в. до середины XIX в., особенный же акцент сделан на первой половине XIX в. – времени расцвета кяхтинской торговли.

К работам, предметом исследования которых является русско-китайская торговля, можно также отнести «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту», написанный по инициативе старшин кяхтинского купечества к открытию Всероссийской промышленной и художественной выставки, состоявшейся в 1896 г.² Авторы работы не скрывали, что при ее написании они «руководствовались» в том числе и трудом А.К. Корсака, из-за чего обе имеют схожие черты. Хронологические рамки исследования расширены и охватывают период с середины XVII до конца XIX вв. (до 1894 г.). В работе красной нитью проходит мысль о важности местной торговли и необходимости её государственной поддержки. Авторы сокрушаются об упущенных возможностях, которые казна могла получить при должном содействии торговому капиталу: «Следовательно, если бы вместо разрешения ввоза кантонского чая, своевременно приняты были действительные меры против контрабанды и установлено было постепенное понижение пошлины с кяхтинского чая, тогда ввоз его бы увеличился и мог бы достигнуть до 20 млн фунтов в год и свыше»³. В работе практически не затрагивается деятельность Кяхтинской таможни, не исследуется контрабанда в приграничье, содержится лишь упоминание о том, что тайный ввоз-вывоз товаров вредил местной торговле.

Середина XIX в. в истории кяхтинской торговли оказалась крайне турбулентной в силу геополитических потрясений, происходивших в Цинской

¹ Там же. С. 32.

² Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту // Издание кяхтинского купечества. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. 90 с.

³ Там же. С. 72.

империи. Правительство Российской империи было вынуждено отвечать на вызовы времени и реформировать торговлю с восточным соседом. Исследование Н.К. Крита «Будущность кяхтинской торговли»¹ как раз посвящено тому периоду кяхтинского торгова, когда произошли существенные изменения: отменена меновая торговля, узаконен вывоз драгоценных металлов, разрешён ввоз кантонского чая из западных границ державы, введена 50-вёрстная беспошлинная зона для местной торговли, а таможня из Кяхты была переведена в Иркутск. В работе Н.К. Крита исследованы в первую очередь чайная торговля и специфика доставки чая из Китая сухопутным путём на главные российские рынки. Практически не упоминается контрабандная деятельность, но зато приведены ценные сведения о работе таможни и её взаимодействии с купцами.

К работе, рефлексирующей над кардинальными изменениями кяхтинского торгова в начале 1860-х гг., следует отнести сочинение И.А. Носкова «Кяхтинская торговля за последние восемь лет»². В ней автор сокрушается по поводу того, что разрешённый к ввозу кантонский чай медленно убивает кяхтинскую торговлю и способствует распространению контрабандного дешёвого и некачественного чая в России. На наш взгляд, поверхностным выглядит мнение автора о способе борьбы с тайным ввозом-вывозом товаров: «чайную контрабанду всегда возможно было остановить при честном и неупустительном испытании обязанностей лицами, поставленными для наблюдения за этим»³.

Интересный взгляд на развитие российско-китайского сотрудничества представлен Е.И. Сычевским⁴. Автор в первую очередь фокусируется на описании дипломатических и приграничных отношений между странами в

¹ Крит Н.К. Будущность кяхтинской торговли. СПб: Тип. Арт. дел В.М., 1862. 101 с.

² Носков И.А. Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб: Тип. тов. Обществ. польза, 1870. 18 с.

³ Там же. С. 5.

⁴ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. 292 с.

очень непростой период – с подписания Нерчинского договора в 1689 г. до 1769 г., когда после длительного закрытия сторонам удалось договориться о восстановлении кяхтинского торгового дела. Основными источниками работы Е.И. Сычевского стали международные договоры, законодательные акты, а также различные инструкции, отчёты, письма, доклады, указы, предназначенные для высокопоставленных чиновников, занимавшихся преимущественно администрированием кяхтинской торговли. Благодаря подобной документации автору удалось представить интересные сведения о деятельности таможен и местной контрабанде. К примеру, Е.И. Сычевский приводит донесение Кяхтинской таможни коменданту В. Якоби о размерах пошлины, взысканной с мелких и крупных купцов в октябре 1748 г.¹ В ещё одном донесении, на этот раз капитана Остякова в Канцелярию пограничных дел, зафиксировано участие китайцев в кяхтинской контрабанде, занимавшихся, преимущественно, распространением алкогольной продукции в торговой слободе². В «Исторических записках» Епифана Ивановича сохранены тексты некоторых указов, касавшихся кяхтинской торговли, к примеру, Указа от 31 января 1767 г. (отсутствует в Полном собрании законов Российской империи), в котором полковнику И. Кропотову даются рекомендации для пресечения тайного провоза товаров за границу, в том числе поручение изучить маршруты, по которым провозится контрабанда и при возможности учредить там заставы³. Сведения, представленные Е.И. Сычевским, крайне ценны, потому что об этом периоде деятельности таможни, в том числе и контрабандой деятельности, сохранилось мало информации. Схожей по предмету исследования получилась работа Н.Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год»⁴. Автор опирается

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 269.

⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. 565 с.

на документы Московского архива Коллегии иностранных дел, в которой работал сам.

Большой интерес представляет работа Х.И. Трусевича «Посольские и торговые сношения России с Китаем»¹. В ней автор не просто описывает состояние торговли между странами, а делает это в динамике сложных и очень запутанных дипломатических отношений России и Китая, особенно во второй половине XVIII в., когда приграничный торг часто закрывался из-за разных недоразумений. Х.И. Трусевич, анализируя статистические данные и многочисленные законодательные акты, касавшиеся кяхтинского торга, пришел к выводу о том, что политика, направленная на установление государственной монополии на самые востребованные товары, оказалась неэффективной и способствовала распространению контрабанды: «Запретительная система и самоторжие – вещь обоюдоострая... находя полную возможность провезти меха через границу без ведома правительства, русское купечество наводняло Китай тайно этим товаром»². В труде упоминаются злоупотребления работников таможни (к примеру, директором Кяхтинской таможни Владыкиным, на которого жаловались купцы в 1758 г.). Х.И. Трусевич оценивал таможенную политику России как препятствие, мешающее торговле в Кяхте. Анализирует исследователь и контрабанду в кяхтинском приграничье, приводя в пример множество случаев злоупотребления и халатности служителей таможни. Основные причины широкого распространения тайного ввоза-вывоза товаров Х.И. Трусевич видел во множестве запретов в торговле и огромных по размеру пошлинах.

Примечательна работа В.К. Андриевича «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года», в которой автор дал последовательное описание основных событий, происходивших в Забайкалье и

¹ Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. 306 с.

² Там же. С. 134.

в Приамурье¹. Рассматривает он и кяхтинскую торговлю, в том числе деятельность местной таможни. Анализируя правительственные указы и сравнивая штаты сибирских таможен, исследователь пришел к выводу о том, что уже к середине XVIII в. Кяхтинская таможня была самой крупной и важной с точки зрения государственных интересов в Сибири: «очевидно, что торговля с Китаем ценилась правительством более, чем со всею Сибирью»². Изучая законы, касающиеся борьбы с контрабандой, В.К. Андриевич фиксирует причины распространения контрабанды в кяхтинском приграничье, в том числе находит прямую взаимосвязь между запретительными мерами государства и распространением тайной торговли китайским табаком. По мнению автора, китайский табак, называемый «шар», начал распространяться контрабандным путём во многом из-за того, что табачный сбор был отдан на откуп московскому купцу Матвееву: «Эта монополия развила в Забайкалье контрабандную торговлю китайским табаком»³.

К работам, в которых для изучения кяхтинской торговли в качестве основного источника использовались правительственные указы, можно отнести исследование М.Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах»⁴. Кяхте посвящена вторая книга третьего тома, которая называется «Торговля с Китаем, монголами и калмыками при Кяхтинском форпосте». Данный труд представляет собой в большей степени историко-экономическую энциклопедию с детальными сведениями по отдельным темам. В своём исследовании М.Д. Чулков затрагивает деятельность таможни, анализирует различные инструкции и предписания, которыми регламентировалась её работа. Вызывают интерес представленные автором копии межведомственной документации, в частности, Определение от Коммерц-коллегии 1766 г., являвшееся детальной инструкцией для переезда

¹ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года. СПб: Военная тип. (в здании Главного Штаба), 1887. 237 с.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 203.

⁴ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах. М.: Университетская тип. Н. Новикова, 1785. 739 с.

Кяхтинской таможни в Селенгинск. Перенос таможни расширял возможности контрабандистов, что беспокоило чиновников, в связи с чем в инструкции было написано: «опасно, чтоб при тех же не случилось и вовсе утаённых и купленных у жительствоющих между Кяхтою и Стрелкою товаров»¹. Подобными документами наполнено «Историческое описание» М.Д. Чулкова, благодаря чему во многом складывается детальная картина работы Кяхтинской таможни.

Более предметно о проблеме контрабанды пишет ранее уже упомянутый И.А. Носков, но уже в другой своей работе «Кяхта: о кяхтинской торговле чаем»². Обеспокоенный глобальными изменениями, происходившими в кяхтинском торге, автор бьёт тревогу, так как неконтролируемый поток контрабандного чая, ввозимого в том числе и через западную границу России, значительно ущемлял интересы кяхтинских купцов. Делая небольшой экскурс в историю экономического сотрудничества между Россией и Китаем, подкреплённый статистическими данными, И.А. Носков напоминает, что Кяхта имеет не только значение торговой слободы, но и основного посредника в отношениях между странами.

Наиболее полное и обширное исследование чайной торговли в дореволюционной историографии представлено в работе А.П. Субботина³. Отдельная глава в ней посвящена контрабанде чая: «До перевода таможни в Иркутск чайная контрабанда считалась на Кяхте не преступлением, а напротив того, довольно почетным промыслом»⁴. Анализируя причины распространенности нелегальной торговли, А.П. Субботин, как и другие исследователи, выделяет высокие пошлины, слабый контроль обширных границ, пособничество таможенников и местных жителей. Несомненным преимуществом работы является анализ чайной контрабанды на разных

¹ Там же. С. 335.

² Носков И.А. Кяхта: о кяхтинской торговле чаем. Иркутск: Иркутская публ. б-ка, 1861. 30 с.

³ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других странах. Производство, потребление, и распределение чая. СПб: Тип. Северного Телеграфного Агентства, 1892. 706 с.

⁴ Там же. С. 580.

участках границ Российской империи. При этом, описывая широкими мазками историю чайной торговли, автор порой допускает неточности. К примеру, по поводу ранних экономических сношений между странами А.П. Субботин пишет, что «До возникновения Кяхты чай шел уже по этому пути через китайскую торговую слободу (Маймачен)»¹. В действительности же торговая слобода на китайской стороне была основана примерно в одно время с Кяхтой.

Схожей по специфике является работа А.Ф. Губаревич-Радобыльского, первого управляющего Кяхтинской таможней, после ее восстановления в 1900 г.² В исследовании автор сфокусировался на анализе чайной торговли на рубеже XIX–XX, отмечая трансформацию роли слободы в связи с развитием железнодорожных и морских путей сообщения. А.Ф. Губаревич-Радобыльский акцентирует, что на протяжении длительного времени Кяхта была ключевым узлом чайной торговли, превратившись к началу XX в. в звено региональной торговли китайским напитком.

Таким образом, в дореволюционный период исследователи уделяли значительное внимание изучению исследуемой проблематики. Опубликованные работы того времени имеют между собой множество схожих черт. В трудах, посвященных истории таможенного регулирования, практически не затрагивалась деятельность сибирских учреждений, в том числе Кяхтинской таможни. Отчасти это объясняется тем, что ее функционирование регламентировалось отдельными тарифами, которые выделяли ее на фоне других таможен. Более внимательно к деятельности Кяхтинской таможни подходили исследователи, предметом интереса которых были либо торговые, либо дипломатические взаимоотношения между Россией и Китаем. В этих трудах отражена проблема нелегальной торговли, получившей широкое распространение в приграничье. Отдельных же работ, посвященных исследованию контрабанды и выявлению ее особенностей, специфики борьбы с ней Кяхтинской таможни, в дореволюционный период опубликовано не было.

¹ Там же. С. 457.

² Губаревич-Радобыльский А.Ф. Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России. СПб: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. 174 с.

Советская историография не изобилует значительным количеством работ, направленных на исследование истории таможенной политики имперского государства. Среди подобных изысканий следует выделить труд Н.Н. Шапошникова «Таможенная политика до и после революции», в котором особо отмечена губительная для экономики преемственность «огульной охраны всех отраслей производства»¹. Во многом эта работа посвящена изучению таможенной политики дореволюционной России и её сравнению с начальным советским периодом. Н.Н. Шапошников отмечает, что на протяжении всей истории таможенная политика России была протекционистской, при чем в разные периоды – в разной степени. Отрицательно оценивая характер сложившейся системы, автор, тем не менее, находит в отдельных таможенных тарифах положительные стороны: «Конечно, возможно, в отношении некоторых видов сырья наша таможенная политика выходила за пределы разумного покровительства, но самую мысль поддержать путём таможенной охраны и усилить добычу отечественного сырья нельзя не признать правильной»². Работа сфокусирована на подробном изучении таможенных тарифов (за исключением имеющих отношение к азиатской торговле); о деятельности таможен и о способах их борьбы с контрабандой – информация незначительная.

Примечательна работа И.М. Кулишера «История русской торговли», в которой автор не только изложил основные этапы развития российской торговли, но и затронул причины распространения контрабанды, к сожалению, преимущественно по западной границе. Несмотря на тарифы 1766 и 1782 гг., в которых пошлины на большинство товаров были значительно понижены, И.М. Кулишер фиксирует, что «контрабандный привоз на западной сухопутной границе по-прежнему процветал»³. Следующий «взрыв» тайного провоза исследователь отмечает в первой половине XIX в., когда были приняты

¹ Шапошников Н.Н. Таможенная политика до и после революции. Ленинград: Тип. им. Володарского, 1924. С. 3.

² Там же. С. 22.

³ Кулишер И.М. История русской торговли. СПб: Изд-во Атеней, 1923. С. 236.

несколько тарифов, не только повышавшие пошлины, но и расширявшие перечень запрещенных к ввозу и вывозу товаров. Яркий пример, который приводит в своей работе И.М. Кулишер, повышение пошлин на ткань, из-за чего контрабандный оборот значительно увеличился: «конфискованных хлопчатобумажных изделий было продано в 1840–1843 гг. на 343 тыс. руб., а в 1844–1847 гг. на 404 тыс. руб.»¹.

В советский период, как и в дореволюционный, деятельность Кяхтинской таможни и борьба с контрабандной нашли более детальное отражение в трудах, посвященных российско-китайским торговым и дипломатическим отношениям. К таковым относятся работы Б.Г. Курца. Одна из них – «Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст.» – посвящена в большей степени экономическому аспекту сотрудничества и детальному изучению караванной торговли, которую сооружали в Китай раз в несколько лет². Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляет другая работа Б.Г. Курца – «Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях», в которой, в отличие от других работ, часть исследования посвящена изучению сотрудничества в «докяхтинский» период. Благодаря этому складывается понимание, что многие традиции кяхтинского торгового и контрабандной деятельности были заложены ещё до основания торговой слободы. Работа содержит множество ранее неопубликованных материалов из архивов, в том числе Архива Департамента таможенных сборов (фонды которого хранятся в Российском государственном историческом архиве) и Московского главного архива Министерства иностранных дел (Государственный архив древних актов). Привлечение этих материалов позволило автору констатировать, что в период закрытия кяхтинского торгового в середине XVIII в. правительство санкционировало развитие «тайной торговли с китайскими купцами: «Якобию в 1764 г. даже было приказано способствовать этой тайной торговле, но только следить за тем, чтобы пошлина была

¹ Там же. С. 308.

² Курц Б.Г. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст. Киев: [б. и.], 1929. 76 с.

непременно взыскиваема»¹. В работе практически отсутствуют сведения, касающиеся Кяхтинской таможни, но при этом содержится информация о контрабандной торговле, в особенности пушниной, причины которой Б.Г. Курц также раскрывает в своём труде.

Е.П. Силину благодаря привлечению обширной источниковой базы (периодические издания, законодательные акты и ранее неопубликованные документы Государственного архива Иркутской области), удалось составить наиболее полную картину экономической жизни кяхтинского приграничья в XVIII в.² Автор ввел в оборот архивные материалы, проливающие свет на историю нелегальной торговли, содержащие примеры задержания нерадивых купцов, пытавшихся тайно провезти товар через границу. Так, Е.П. Силин рассказывает о Николае Бречалове, которого задержали с пушниной в 1748 г., когда торговля ею с китайцами была ещё запрещёна: «за неё Бречалов получил от китайских купцов разные ткани, стоившие по таможенным расценкам 6088 руб.»³ Основываясь на анализе дела предпринимателя А. Шелехова, автор отмечает, что в контрабандной деятельности купцам часто помогали таможенные служащие: «Шелехов считал, что штраф наложен на них неправильно, так как промен состоялся с согласия таможенных служителей»⁴. Факт того, что на далекой границе империи процветала нелегальная торговля, в которой принимали участие таможенники, не кажется чем-то исключительным, но благодаря материалам Е.П. Силина можно составить представление о её масштабах и механизмах. В исследовании содержится множество статистических сведений об объёмах торговли в Кяхте. Также, как и исследование А.К. Корсака, работа Е.П. Силина изобилует отсылками к законодательным актам, анализируя которые автор выявляет причины популярности контрабанды. К примеру, из-за тайного ввоза ревеня из Китая

¹ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 94.

² Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 50.

государство теряло значительные средства, в связи с чем правительство начало активно издавать указы, часто дублирующие друг друга, о государственной монополии на торговлю корнем и серьёзных наказаниях за его контрабанду. Исследователь анализирует и деятельность Кяхтинской таможни, выделяя в числе методов ее борьбы с контрабандой расширение штата сотрудников, увеличение количества застав и усиление досмотра. Безусловно, «Кяхта в XVIII веке» Е.П. Силина – содержательный, весомый труд о развитии российско-китайских взаимоотношений в кяхтинском приграничье.

Особое внимание кяхтинской торговле, как центральному пункту российско-китайского экономического сотрудничества, уделяет М.И. Сладковский, подробно рассматривая ассортимент товаров, масштабы обмена, участие купечества, а также влияние государственной политики на развитие торговли¹.

Работы Ш.Б. Чимитдоржиева фокусируются, в первую очередь, на общей характеристике торговли между странами, но при этом в них затрагивается контрабандная деятельность, ставшая обыденностью кяхтинского приграничья, описываются случаи пособничества бурят нелегальной торговле в 1760-е гг., когда официальный торг был закрыт, раскрывается содействие ряда влиятельных монголов, в том числе лам, нелегальной торговле с российскими купцами². Автор отмечал, что китайский дзаргучей³ находился в дружественных отношениях с русским пограничным комиссаром, и вместе они, зная о предстоящих актах тайного ввоза-вывоза через кяхтинскую границу, на местах заранее скрывали следы таможенных нарушений⁴.

¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). Москва: Наука, 1974. 439 с.

² Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. 233 с.; Он же. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 241 с.

³ Дзаргучей – специальный чиновник в Маймачене, назначавшийся на должность сроком на три года. В сферу полномочий дзаргучея входило решение пограничных вопросов и поддержание контакта с российскими пограничными властями.

⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. С. 36–40.

А.Н. Хохлов раскрывает методы борьбы с контрабандой уже с китайской стороны. За купцами Поднебесной велся строгий контроль благодаря билетам, которые им выдавали в Пекине. Билет проверялся в Урге и Кяхте, в случае его отсутствия провинившегося ждало наказание – заточение в деревянную колодку, 40 ударов бамбуковой палкой и конфискация половины товара¹.

Е.Л. Беспрозванных, поэтапно прослеживая процесс присоединения Приамурья, начиная с первых русских поселений и до окончательного урегулирования границы по Айгунскому и Пекинскому договорам, не обходит стороной и тему кяхтинского торгового дела, приводя следующие данные: «В 1760 г. поступления от этого торгового дела составили 20,4% всех таможенных сборов России, а в 1775 г. – 38,5 %»². По мнению автора, угроза закрытия кяхтинского торгового дела со стороны Цинских властей являлась одной из причин осторожной политики России в отношении р. Амур.

Среди работ, предметом исследования которых является контрабанда, следует выделить труд Б.М. Угарова «Международная борьба с контрабандой», в котором автор связывает распространение тайного ввоза-вывоза товаров с установлением государством таможенных барьеров³. Исследование содержит краткий обзор эволюции таможенных органов в дореволюционный период, во многом же оно посвящено сравнению государственной политики, направленной на борьбу с контрабандой, в социалистических и капиталистических странах.

Таким образом, в советский период исследователи продолжили изучение истории таможенного дела в стране. Появились работы, направленные на сравнение таможенной политики и методов борьбы с контрабандой не только отдельных стран, но и политических блоков. Благодаря вводу в научный оборот неопубликованных архивных материалов расширились знания о российско-

¹ Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е гг. XVIII – 50-е годы XIX в.). М.: Мысль, 1982. С. 118.

² Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середина XIX в. Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1986. С. 177.

³ Угаров Б.М. Международная борьба с контрабандой. М.: Международные отношения, 1981. 216 с.

китайских взаимоотношениях, кяхтинской торговле и специфике местной контрабандной деятельности. Но, как и в дореволюционный период, тайный ввоз-вывоз товаров в кяхтинском приграничье так и не стал предметом отдельного исследования.

В *современной историографии* проблема контрабанды в кяхтинском приграничье и способов борьбы с ней местной таможни находит достаточно широкое освещение, особенно в сравнении с предыдущими периодами.

На первом этапе – в 1990-е – начале 2000-х гг. – различные аспекты функционирования таможенной системы России чаще всего анализировались в научных статьях, а история её становления и развития представлена в монографиях, а также в диссертациях. Так, в статье В.Н. Захарова даётся общее представление о системе таможенного регулирования в XVII в., содержится описание устройства вертикали управления таможенными учреждениями, отмечается особая роль Приказа Большой казны в этой структуре¹. М.М. Шумиловым в ходе исследования эволюции таможенного дела в России в IX–XVII вв. сделан вывод о переходе от «общественно-принудительной» системы сбора пошлин к формированию профессиональной таможенной службы в России².

В диссертации К.Е. Иванова представлен анализ таможенной политики Российской империи в 1880 – 1910-е гг.³ По мнению автора, именно в этот период произошел переход от традиционного курса, в основе которого была политика протекционизма и меркантилизма, в сторону конвенциональных договоров с ведущими европейскими странами. Исследователь акцентирует внимание на том, как изменение формы таможенного сотрудничества на более гибкую, с использованием договорных ставок, взаимных торговых уступок

¹ Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России в XVI–XVIII вв.: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 49–76.

² Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.) СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 471 с.

³ Иванов К.Е. Таможенная политика Российской империи в конце XIX – начале XX веков: переход к системе конвенциональных торговых соглашений. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб, 2006. 531 с.

стран, повлияло на промышленное развитие России, её внешнеторговый оборот и положение в мировой экономике. Этот же период охватывает исследование С.Д. Калашникова¹, но в нем автор уделяет особое внимание протекционистским мерам государства в таможенной политике.

В статье Г.А. Третьяковой проанализированы стратегические меры таможенного регулирования, предпринятые Российской империей в начале XIX в. для защиты экономического суверенитета и внутреннего рынка². Автор уделила особое внимание изменениям в таможенной политике в ответ на внешнеполитические события – Тильзитский мир и войны с Францией, Турцией и Ираном. Она отметила, что развитие тарифной системы в начале XIX в. привело к росту контрабанды, в связи с чем «в Российском государстве повышенное внимание уделялось изменению правовой базы, обеспечивающей организацию таможенных служб»³.

Предметом отдельного интереса исследователей выступали российско-китайские отношения, в рамках анализа которых рассматривалась кяхтинская торговля. Н.Е. Единархова отмечает важность кяхтинского торгового контекста взаимоотношений России и Китая⁴, а также обращает внимание на отдельные случаи нелегального оборота. В частности, исследователь фиксирует случаи контрабанды драгоценных металлов китайскими подданными: «Первой крупной операцией органов правопорядка России, направленной на борьбу с расхитителями золота, стал арест 31 мая 1883 г. лиц, занимавшихся контрабандой»⁵.

В.В. Синиченко рассматривает, как менялись функции региона в российско-китайской торговле и дипломатии, какую роль играли

¹ Калашников С.Д. Исторический опыт протекционистской таможенной политики России, 1877-1913 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. 222 с.

² Третьякова Г.А. Таможенная политика России в начале XIX века // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. С. 122–125.

³ Там же. С. 124.

⁴ Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля: (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 163 с.

⁵ Единархова Н.Е. Восточная Сибирь и сопредельные страны в XIX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: подгот. матер. ко второй междунар. науч.-практ. конф., 23–26 сент. 1997. Иркутск: ИГПИ, 1996. С. 11.

переселенческая политика и развитие транспорта в формировании политико-экономических связей между Российской и Цинской империями¹. Затрагивает он и проблему контрабанды. Анализируя перенос таможни из Кяхты в Иркутск в начале 1860-х гг., автор ссылается на мнение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, в котором он констатировал «разгул бандитизма и контрабанды в Забайкалье» из-за принятых мер². Ж.З. Тагаров, анализируя проблемы нелегальной торговли, отмечает, что контрабанда золота и серебра в середине XIX в. стала неотъемлемой частью приграничной жизни³. А.В. Старцев, характеризуя русскую торговлю в Монголии, также отмечает наличие развитой контрабанды⁴.

Интересные статьи об истории чайной торговли, центром которой долгое время выступала Кяхта, опубликованы в краеведческом журнале «Земля Иркутская». В работе Н.Е. Единарховой, посвященной истории чайной торговли в Сибири в первой половине XIX в., сделан акцент на формировании спроса на чай, специфике его потребления и основных направлениях сбыта⁵. А.А. Жиров в популярной форме обобщает данные о маршрутах движения чая (Кяхта – Иркутск – европейская часть России), объемах перевозок, ключевых фигурах купцов и экономическом значении чайной торговли для городской и региональной экономики⁶.

Предметом отдельного исследования становится контрабандная деятельность. Этой проблеме посвящена совместная статья В.В. Малова, А.Ю. Пиджакова и Ф.Н. Решецкого, в которой исследуется эволюция правовых норм, направленных на борьбу с контрабандой, с древнейших времен до

¹ Синиченко В.В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX в.–1884 г.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 199 с.

² Там же. С. 58.

³ Тагаров Ж.З. Методы регулирования русско-китайской границы через Кяхту и кяхтинское купечество // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. Иркутск: БГУЭП, 2000. С. 50.

⁴ Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. 305 с.

⁵ Единархова Н.Е. О чае и чайной торговле // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 17–18.

⁶ Жиров А.А. Чайный путь и Кяхта // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 66–72.

современности¹. В работе рассматриваются основные этапы формирования законодательства о контрабанде, начиная с первых упоминаний о таможенных пошлинах и мерах по борьбе с незаконным перемещением товаров в Древней Руси, и заканчивая современными нормативно-правовыми актами. В статье анализируются методы и механизмы, применяемые для пресечения незаконного ввоза и вывоза товаров, включая физические наказания, конфискацию товаров, создание специальных контролирующих органов.

В.В. Синиченко на основе материалов дальневосточных и центральных архивов анализирует миграцию, прежде всего китайскую, а также корейскую, на Дальнем Востоке и в Приамурье во второй половине XIX – начале XX в., ставшую одной из причин распространения устойчивых преступных практик, в том числе контрабанды². Этой проблеме автор посвящает отдельный раздел, в котором особое внимание уделяет специфике нелегального оборота золота и алкогольной продукции. Несомненным преимуществом работы является сбор статистических сведений об объемах контрабанды на Дальнем Востоке и их анализ, исходя из которого автор сделал вывод о неспособности таможенных служб «стать эффективным фискальным органом и надежным заслоном для китайской контрабанды»³.

Историческому опыту борьбы с контрабандой посвящена работа А.В. Попенко, акцентирующая внимание на специфичных условиях дальневосточного приграничья, а именно, протяженности территории, сложности контроля над нею, а также зависимости населения от импортных товаров, ставших причиной формирования устойчивого характера контрабанды⁴.

¹ Малов В.В., Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н. Российское законодательство о контрабанде: история становления и развития // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2001. № 4 (17). С. 196–206.

² Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (01.09.2024).

³ Там же.

⁴ Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х гг. XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2008. 235 с.

В работе Н.А. Беляевой исследован процесс восстановления таможенных учреждений в Забайкалье в начале XX в.¹ По мнению автора, именно этот период сопряжен с разгулом контрабанды: «Контрабанда оставалась одним из атрибутов повседневной жизни приграничного населения Забайкалья»². Исследователь акцентирует особое внимание на изменениях в ассортименте алкогольной контрабанды: если раньше в Забайкалье ввозилась дешевая китайская водка, то в начале XX в. регион заполонил контрафактный российский алкоголь, произведенный российскими промышленниками, но на китайской стороне приграничья.

Историография указанного периода примечательна появлением работы, предметом исследования которой является история Кяхтинской таможни. В диссертации И.В. Переслегиной раскрыты различные аспекты деятельности местной таможни, а в отдельной главе проанализированы методы, регламентация и законодательная основа для борьбы с контрабандой³. Опора на материалы государственных архивов Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края позволила автору осветить материально-техническое и финансовое обеспечение таможни, раскрыть специфику формирования кадрового состава. По мнению И.В. Переслегиной, крайняя денежная нужда подталкивала работников таможни к сговору с контрабандистами. Отражены в диссертации и конкретные случаи задержания преступников с разным товаром, в том числе и валютой. Автором установлено, что контрабанда в приграничье носила повсеместный характер и участвовали в ней практически все слои населения.

Таким образом, в исторической литературе, изданной в 1990-е – начале 2000-х гг., было значительно расширено проблемное поле исследований, связанных с историей таможенной политики, русско-китайской торговли и

¹ Беляева Н.А. Формирование таможенных учреждений в Забайкалье после отмены порто-франко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 3 (40). С. 125–132.

² Там же. С. 132.

³ Переслегина И.В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни: 20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2004. 221 с.

забайкальского приграничья. Появились фундаментальные труды, посвящённые общим вопросам развития таможенной системы, направленные на исследование российско-китайских отношений, а также освещающие контрабанду и механизмы противодействия ей, в том числе в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Однако при очевидном увеличении числа публикаций, специальных исследований, посвящённых контрабандной деятельности в кяхтинском приграничье и практикам борьбы с ней со стороны государства и местной таможни, не проводилось. Контрабанда на кяхтинском участке фигурировала в исследованиях лишь эпизодически – как часть общего торгового процесса, пограничных отношений или хозяйственной жизни.

Начиная с 2010-х гг. научное сообщество все чаще стало обращаться к истории таможенной политики, русско-китайской торговли и опыту борьбы с ее противозаконной формой. Среди работ, посвященных изучению различных сторон таможенной политики, выделим совместную статью А.В. Плотникова и И.О. Ноздрина¹. Их работа примечательна тем, что проводимые государством кардинальные таможенные изменения в середине XVIII в. авторы предлагают рассматривать как единую таможенную реформу, растянувшуюся на несколько лет. На основе анализа Таможенного устава 1755 г. авторы пришли к выводу, что проведенные в стране глобальные таможенные изменения сыграли на руку крупному русскому купечеству, которое «получило возможность овладеть как местными рынками, так и рынками южной части страны»².

В последнее десятилетие в отечественной историографии заметно усилился интерес к вопросам таможенного регулирования на Дальнем Востоке и в Забайкалье. В статье Н.А. Беляевой представлена история формирования таможенных учреждений в Забайкалье и на Дальнем Востоке в начале XX в., а также содержится анализ резкого роста незаконной торговли после отмены

¹ Плотникова А.В., Ноздрина И.О. Результаты таможенной реформы 1753-1757 гг. и их влияние на развитие торговых сношений // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 43–48.

² Там же. С. 45.

беспошлинной полосы вдоль границы с Китаем¹. По мнению автора, в исследуемый период «главным звеном системы таможенных учреждений становились таможенные заставы и посты»². Работа содержит статистические данные о масштабах контрабанды на Дальнем Востоке.

Большой интерес представляет статья А.В. Неклюдовой³, которая посвящена становлению и развитию Кяхтинской таможни как важного института российско-китайской торговли в исследуемый период: «Её пограничное место и крупные объёмы собираемых пошлин ставили таможню в особый ранг среди таможенных органов России»⁴. Автор не забывает затронуть и правоохранный аспект деятельности таможни, акцентируя внимание на наказаниях за нелегальную торговлю: «С контрабандистов не только брали штраф и при этом конфисковывали товар, но и подвергали телесным наказаниям и запрещали в будущем торговать в Кяхте»⁵.

Работы Н.Г. Казанцевой ориентированы на исследование исторического опыта деятельности забайкальских таможен, в том числе Кяхтинской, выявление специфики законодательной регламентации таможенного дела и мер, предпринимаемых таможенными органами для обеспечения законности и порядка⁶. Ею рассмотрена специфика организационно-штатной структуры таможен в конце XIX – начале XX в., проанализированы полномочия таможенных служащих, включая управляющего таможней, его помощника, казначея, пакгаузного надзирателя, досмотрщиков, раскрыты материальные стимулы в борьбе с контрабандой⁷. Особое место в исследованиях Н.Г.

¹ Беляева Н.А. Таможенная служба на Амуре в начале XX века: первые шаги таможенного надзора // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (59). С. 109–118.

² Там же. С. 110.

³ Неклюдова А.В. Развитие Кяхтинской таможни во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. №2 (85). С. 272–278.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Казанцева Н.Г. История таможенного дела Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.). Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2016. 376 с.

⁷ Казанцева Н.Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 35–41.

Казанцевой занимает анализ практики таможенно-тарифного регулирования приграничной торговли во второй половине XVIII – начале XX в.¹ Ею представлены важные статистические сведения об объемах пошлин, собираемых Кяхтинской таможней, а также приведен перечень запрещенных к провозу товаров². По мнению Н.Г. Казанцевой, специфика таможенной политики в Забайкалье в конце XIX – начале XX в. была обусловлена курсом на ее унификацию и интеграцию местных учреждений в общеимперскую практику³. Автор считает, что образовавшаяся беспошлинная полоса в начале 1860-х гг. «создавала исключительные условия для развития контрабанды», а её отмена сделала борьбу с контрабандой одним из главных направлений таможенной политики⁴. Благодаря привлечению архивных материалов, работы Н.Г. Казанцевой наполнены примерами контрабандной деятельности в приграничье, в особенности в начале XX в.

В современной историографии не ослабевает интерес к изучению истории российско-китайских взаимоотношений в кяхтинском приграничье. Предметом исследования Г.Н. Романовой является эволюция торговых отношений между странами в «докахтинский» период – с XVII до первой трети XVIII вв.⁵ Автор акцентирует внимание на значительной роли дипломатических миссий в налаживании связей и подготовке базы для экономических взаимоотношений. Особое место в исследовании уделено Нерчинскому договору 1689 г., сыгравшему ключевую роль в развитии российско-китайских взаимоотношений. В статье отмечается, что снижение спроса на русскую пушнину в Европе подтолкнуло российское правительство к поиску новых рынков сбыта, в том числе в Китае. Китайское купечество из-за ограниченности

¹ Казанцева Н.Г. Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торго (на примере Забайкальского района) // Гуманитарный вектор. 2017. Т.12. № 4. С. 6–13.

² Там же. С. 10.

³ Дугаров В.Д., Казанцева Н.Г. Государственная таможенная политика и её местная реализация в приграничных регионах в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 128–135.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (67). С. 101–112.

внутреннего рынка также искало возможности для расширения торговли, что приводило к их активному участию в нелегальной торговле. Отмечена роль караванных экспедиций в Китай, которые не могли выдерживать конкуренцию с купцами, провозившими свой товар нелегально¹.

Взаимоотношения России с Китаем и Монголией рассмотрены в коллективной монографии «Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.»². Отдельный параграф данной монографии посвящен изучению политики России в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. Авторы исследования отмечают тяжелое положение российских купцов, несмотря на заключение Пекинского договора в 1860 г., по которому они имели право на торговлю в Китае при наличии билета. Руководствуясь военно-стратегическими соображениями, «местные власти периодически нарушали соглашения и стремились максимально затруднить ведение торговых операций русскими подданными»³.

В другой коллективной монографии – «Кяхта – Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы» рассмотрены различные стороны приграничной жизни, в том числе развитая контрабанда, анализу которой посвящена отдельная глава⁴. В ней авторы анализируют историю формирования Кяхтинской таможни, истоки популярности нелегальной торговли и опыт борьбы с ней до начала 1860-х гг. Несомненным преимуществом данного исследования является анализ законодательных актов, направленных на борьбу с контрабандой. Авторы выявляют множество конкретных случаев нелегальной торговли, в которых участвовали как служители таможни, так и местные жители.

В работе И.Ф. Поповой представлен детальный обзор истории торговых отношений между Россией и Китаем через ключевые приграничные пункты –

¹ Там же. С. 108.

² Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. Барнаул: Азбука, 2014. 460 с.

³ Там же. С. 87.

⁴ Кяхта – Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы. Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВПО БГСХА, 2014. 201 с.

Кяхту и Маймачен¹. Основываясь на архивных материалах и периодической печати, автор описывает основные этапы становления, развития и упадка кяхтинской торговли, составлявшей значительную часть внешнего товарооборота России вплоть до середины XIX в. В период расцвета кяхтинского торгового оборота общий товарооборот исчислялся десятками миллионов рублей². И.Ф. Попова подчеркивает важность Кяхты как ключевого торгового узла, который не только обеспечивал товарообмен между Россией и Китаем, но способствовал культурному обмену и развитию инфраструктуры в приграничных районах.

В работе О.Э. Мишаковой подчеркивается дипломатическая роль и торговое значение Кяхты в развитии экономических связей между странами³. Автор анализирует первые торговые контакты России с Китаем, которые восходят к 50-м гг. XVII в., описывает развитие казенной караванной торговли, особое внимание уделяет изменениям в торговых отношениях во второй половине XIX в., связанным с заключением Тяньцзиньского трактата и расширением прав российских купцов в Китае, что привело к снижению значимости Кяхты как торгового центра и предопределило перенос таможни в Иркутск.

М.В. Коваль анализирует эволюцию российско-китайской приграничной торговли в XIX в., особое внимание уделяя тарифной политике в отношении чая – основного экспортного товара в рассматриваемый период⁴. Автор отмечает, что высокие пошлинные тарифы создавали ситуацию, при которой торговля чаем приносила казне значительный доход, но при этом стимулировала нелегальный ввоз напитка, в том числе через западные границы: «Чрезмерные ставки обложения стимулировали необычайное развитие чайной

¹ Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // *Mongolica*-XI. Т. 11. СПб, 2013. С. 28–36.

² Там же. С. 34.

³ Мишакова О.Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2011. № 7. С. 46–50.

⁴ Коваль М.В. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2013. № 3. С. 20–30.

контрабанды по западной границе Российской империи, уничтожая монопольные черты чайной торговли в Кяхте»¹.

Исследованию динамики русско-китайской торговли через Кяхту и выявлению причин, влияющих на её объёмы и интенсивность, посвящена совместная статья Л.В. Кальминой и Л.В. Кураса². Авторы анализируют историю торговых отношений между странами с середины XIX в. (времени кардинальных изменений в кяхтинской торговле) до начала XX в., когда торговля начала угасать из-за появления более дешёвых способов доставки товаров. Основное внимание в работе уделено причинам упадка кяхтинской торговли. Авторы выделяют три ключевые версии – «ностальгическую, экономическую и геополитическую»: первая – связана с попыткой сохранить былую славу кяхтинской торговли, вторая – рассматривает экономические контакты с Китаем как способ стимулирования российского производства, а третья – как элемент геополитической стратегии России в Восточной Азии³. Авторы отмечают, что, несмотря на развитие альтернативных путей доставки китайских товаров, российское правительство активно поддерживало кяхтинскую торговлю, устанавливая льготные пошлины и принимая другие протекционистские меры. Значительные усилия государства не спасли Кяхту, постепенно утратившую своё значение центра русско-китайской экономической жизни, особенно после строительства Транссибирской железной дороги и проведения КВЖД⁴.

Большой интерес представляют работы В.П. Шахерова. Отметим исследование, посвященное изучению потенциальных планов реформирования русско-китайской торговли, в котором автор показывает, что с момента установления торговых контактов и до середины XIX в. создавались различные

¹ Там же. С. 24.

² Кальмина Л.В. Курас Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 442. С. 122–125.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 124.

проекты оптимизации торговли, но они так и не были реализованы¹. Исследователь отмечает, что как караванная торговля, так и кяхтинская приграничная торговля являлись компромиссными решениями, так как китайская сторона не хотела допускать российских купцов на свой внутренний рынок. В.П. Шахеров останавливается и на проблеме контрабанды, наносившей существенный вред обеим сторонам, но по разным основаниям: «Если казна опасалась сокращения доходов караванной торговли, то китайское правительство стремилось ограничить само пребывание русских предпринимателей на своей территории»². Отметим также другое исследование В.П. Шахерова³, в котором рассматривается мелочная торговля (торговля товарами собственного производства местного населения) как важный и недооцененный элемент русско-китайских экономических связей второй половины XVIII – начала XIX в. Мелочная торговля, несмотря на формальные запреты и таможенный контроль, носила массовый характер и фактически выполняла важную функцию снабжения приграничных территорий необходимыми товарами: «Ещё до подписания Нерчинского договора вдоль всей границы сложилась мелочная и контрабандная торговля, в которой участвовали не только купцы, но и местные мещане, казаки, крестьяне, представители бурятского и монгольского населения»⁴. Автор приходит к заключению, что открытость границы, отсутствие чёткой регламентации и социально-экономические потребности приграничного населения создавали устойчивую среду для контрабанды.

Заметный вклад в изучение русско-китайской и русско-монгольской торговли вносят исследования сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской

¹ Шахеров В.П. Вопросы совершенствования и реорганизации русско-китайской торговли в записках и проектах ее участников // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 303–313.

² Там же. С. 306.

³ Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 128–139.

⁴ Там же. С. 130.

академии наук, проводимые в рамках гранта РНФ «От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая» (№ 24-48-03025) под руководством академика РАН Б.В. Базарова. Участниками гранта российско-китайская торговля представлена сквозь призму деятельности отдельных институтов, в частности Кяхтинской ратуши¹, выявлена динамика кяхтинского торгового оборота, определены изменения в структуре товарооборота и роль чайной торговли в хозяйственном развитии Сибири².

Все чаще предметом отдельного исследования в указанный период становится исторический опыт борьбы с контрабандой. Т.С. Минаева анализирует типичные таможенные правонарушения, наказания за них, а также изменения в законодательстве, направленные на борьбу с нелегальным ввозом товаров³. Особое внимание автор уделяет выявлению причин роста контрабанды, включая ограничения на ввоз предметов роскоши и других товаров, ассортиментом и качеством превосходящих российские аналоги; дает характеристику методам, применяемым для выявления и пресечения контрабанды, включая привлечение общественности к борьбе с ней за разумное вознаграждение.

Е.А. Солонченко сосредоточил особое внимание на анализе законодательства о контрабанде и мер, предпринимаемых правительством, для регулирования торговли запрещенными товарами⁴. Автор подчеркивает, что даже в условиях фискальных интересов казны и потребностей отечественной промышленности, таможенная политика России в значительной мере

¹ Базаров Б.В., Гомбожапов А.Д. Заметки о деятельности Кяхтинской ратуши на Чайном пути // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 576–585.

² Базаров А.Б. Русско-китайская торговля через Кяхту: экономические аспекты взаимодействия XVIII – начала XX в. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2025. № 1(57). С. 65–71.

³ Минаева Т.С. Проблема контрабанды в таможенной политике России XVIII века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. 2011. № 6. С. 34–40.

⁴ Солонченко Е.А. Запрещенные товары в контексте российско-китайских отношений в 40-50 гг. XIX в. // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2012. № 1. С. 226–231.

определялась политическими соображениями, направленными на обеспечение стабильности и безопасности в регионе.

В последние десятилетия появились исследования, посвященные контрабандной деятельности в кяхтинском приграничье, правда ограниченные определенными хронологическими рамками. Л.В. Курас исследует формы и методы борьбы Кяхтинской таможни с контрабандой в первой половине XIX в., а также специфику самой контрабанды, обусловленную особенностями дальнего пограничья России¹. Особое внимание автор уделяет характеристике законодательных актов и организационных мер, предпринимаемых правительством для пресечения контрабандной деятельности. В статье анализируются положения Таможенного устава 1819 г., введение таможенной стражи по военному образцу, превращение ее в 1835 г. в пограничную стражу, а также действия министра финансов Е.Ф. Канкрин, направленные на снижение пошлин и сокращение числа запрещенных к вывозу товаров. Л.В. Курас фиксирует, что в контрабандных операциях принимали участие различные группы населения, включая монгольских и русских пограничников, бурятских казаков и таможенных чиновников².

Работа С.В. Кирилловой представляет собой исследование торговых взаимоотношений России с Китаем и Монголией на протяжении XVII–XVIII вв.³. Автор подробно рассматривает развитие беспошлинной торговли до подписания Нерчинского договора в 1689 г., когда отсутствие четко установленных границ и таможенных постов способствовало распространению неконтролируемого обмена товарами. После подписания договора торговля была объявлена свободной и беспошлинной, однако российское правительство сразу взяло её под контроль, введя таможенные пошлины, что привело к снижению интереса к официальной торговле и росту контрабандных операций.

¹ Курас Л.В. Кяхтинская таможня первой половины XIX в.: контрабанда и борьба с ней // Власть. 2012. № 10. С. 179–182.

² Там же. С. 179.

³ Кириллова С.В. Беспошлинная и контрабандная торговля России с Китаем и Монголией в XVII – XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 138–141.

С.В. Кириллова также рассматривает роль контрабандной торговли в условиях строгого таможенного контроля, отмечая, что ее значительная часть велась через посредников и вовлекала даже высшие светские и духовные чины Монголии.

О росте контрабанды как проблеме, не только подрывающей фискальные интересы государства, но и напрямую влияющей на деятельность полицейской службы, рассуждает О.М. Долидович¹. Детально характеризуя положение полицейских чинов в Восточной Сибири, в том числе в Забайкальской области, автор ссылается на мнение военного губернатора А.И. Кияшко, считающего одной из причин их тяжелой службы разгул преступности и развитие контрабанды спиртом и скотом в регионе².

Работа А.В. Михалёва посвящена контрабанде опиума в «эпоху поздних империй»³. Основную причину взрывного роста нелегально трафика в 1910-е гг. исследователь видит в ослаблении пограничного контроля с обеих сторон, что было вызвано политической дестабилизацией на окраинах Китая, а также кризисом таможенного контроля из-за участия России в Первой мировой войне. Важным преимуществом данной работы является привлечение широкого круга источников, в том числе законодательных актов и делопроизводственных материалов Кяхтинской таможни. А.В. Михалёв приводит крайне любопытные сведения о судьбе конфискованного наркотика: как правило, опиум сжигали, но к концу 1916 г. его начали передавать в военный госпиталь из-за нехватки медикаментов⁴.

Таким образом, современная историография заметно продвинулась в изучении таможенной политики Российской империи в целом, кяхтинской торговли и приграничных отношений с Китаем и Монголией. Появился широкий круг работ, посвящённых истории таможенного регулирования,

¹ Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 173–182.

² Там же. С. 178.

³ Mikhalev A. V. Empires' Keif, or Opium Trade on the Tea Route in the Era of Late Empires // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 1. Р. 268–285.

⁴ Там же. Р. 279.

эволюции тарифной политики, организации таможенной службы и её кадрового состава, а также исследований, специально рассматривающих отдельные аспекты борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Российско-китайские экономические связи в дореволюционный период становились предметом изучения не только российских исследователей, но и *иностраннх*. Монография американского историка М. Манкалла посвящена анализу российско-китайских отношений на раннем этапе их развития и охватывает период до начала 1730-х гг.¹ Особое внимание автор уделяет вопросам торговых контактов между странами и проблемам их регулирования. М. Манкалл отмечает высокий уровень обеспокоенности российских государственных деятелей неудачами караванной торговли в конце 1720 – начале 1730-х гг. Он также показывает, что взгляды чиновников на проблемы в торговле могли существенно различаться. К примеру, дипломат С.Л. Владиславич-Рагузинский считал, что можно разрешить приграничную торговлю только для сибиряков, тогда как, по мнению губернатора Сибири М.В. Долгорукова, без капитала крупных «европейских российских купцов» резко сократится не только объем торговли, но и размер получаемых пошлин. М. Манкалл приводит в монографии рассуждения агента караванной торговли Л. Ланга, считавшего одной из причин низкой цены российской пушнины на рынках Китая отсутствие должного контроля за торговлей на территории Монголии. Л. Ланг предлагал установить контроль над этим рынком, но при этом не запрещать торговлю, поскольку это приведет к росту контрабанды².

В работе другого американского автора Э. Клубба, занимавшего пост Генерального консула США в Пекине в 1949 г., проанализированы взаимоотношения двух стран в контексте международной политики и стратегических интересов государств³. Автор дает следующую характеристику

¹ Mancall M. Russia and China. Their diplomatic relations to 1728. Cambridge: Harvard University Press. 1971. 396 p.

² Там же. Р. 260–261.

³ Edmund Clubb O. China and Russia: the “Great Game”. New York: Columbia University Press. 1971. 578 p.

Кяхтинскому договору: «Кяхтинский трактат оказался более комплексным документом в сравнении с Нерчинским договором. Он предполагал установление устойчивого мира между двумя странами»¹. Примечательно, что автор отмечает схожие проблемы, с которыми сталкивались как русские купцы в приграничной кяхтинской торговле, так и европейские купцы в Кантоне и в Макао: «торговля в Кантоне, также как у русских в Кяхте, подвергалась произвольным перерывам со стороны маньчжуров и сопровождалась коррупцией и множеством злоупотреблений»².

Предметом исследования в западной историографии выступали и российско-монгольские взаимоотношения. В работе Д. Фритерса анализируется международное положение Внешней Монголии в конце XIX – первой половине XX в.³ Отдельная глава посвящена истории взаимоотношений России и Монголии, в частности, событиям, связанным с распадом Цинской империи и образованием независимой Монголии в 1911 г. Д. Фритерс рассматривает политические и экономические интересы Российской империи в регионе, показывая, что Монголия должна была выступить буферной зоной между двумя странами. Автор также отмечает ослабевание влияния России на Монголию с началом Первой Мировой войны: «неудачные военные операции, а также неспособность оказать эффективную поддержку своим агентам во Внешней Монголии вскоре ослабили влияние России на монголов и побудили китайцев активизировать свою деятельность»⁴. Д. Фритерс представил статистические сведения, касающиеся торговли между Россией и Монголией в период с 1913–1915 гг.⁵

¹ Там же. Р. 47.

² Там же. Р. 61.

³ Friters G.M. Outer Mongolia and its international position. New York: Octagon Books. 1974. 358 р.

⁴ Там же. Р. 108.

⁵ Там же. Р. 109.

Взаимоотношения России и Монголии анализирует ученый из Узбекистана А. Холлиев¹. Изучая внешнеполитические планы Российской империи в отношении Монголии в начале XX в., автор приходит к выводу о том, что «официальная позиция российского Министерства иностранных дел заключалась в сохранении статус-кво в регионе и сохранении Внешней Монголии под властью Китая, но при этом открытой для России в экономическом отношении»². По мнению исследователя, формирование экономической буферной зоны должно было обезопасить сибирские территории и защитить торговые интересы российских купцов в регионе.

Монгольский исследователь О. Батсайхан раскрывает позиции разных групп внутри российской элиты в вопросе создания суверенного монгольского государства в начале XX в.³ Он отмечает, что создание в Монголии автономии, а не отдельного государства, отвечало интересам в первую очередь «русской торговли и индустрии»⁴. О. Батсайхан детально исследует трехсторонние переговоры между Россией, Китаем и Монголией, завершившиеся подписанием Кяхтинского договора в 1915 г. Он приходит к выводу, что условия соглашения создавали более благоприятные условия для российских торговцев, так как они «все без исключения не облагаются ни таможенным, ни арендным и никакими другими налогами»⁵, тогда как китайские подданные должны были платить фиксированный торговый налог.

Российско-монгольские экономические отношения исследуются в работе С. Чулууна⁶. Автор отмечает, что некоторые российские купцы, постоянно проживавшие на территории Монголии, покупали сырье у местных, главным образом скот и продукты животноводства, и перепродавали его не только

¹ Kholiev A.G. The “Mongolian question” to Russian foreign policy // National University of Uzbekistan. 2019. V. 2. Issue VI. P. 67–72.

² Там же. P. 67.

³ Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Чулуун С. Монголын худалдаа, эдийн засгийн товчоон. Уланбаатар. 2009. 341 с.

русским и китайским купцам, но и английским¹. В работе отмечается крайне позитивная динамика торговых оборотов России и Монголии во второй половине XIX в.: в 1861 г. объем торговли составлял 100 тыс. руб., в 1885 г. уже 1 млн. 700 тыс., а в 1900 г. он вырос до 16 млн руб.²

Важно, что монгольская историография представлена исследованиями, посвященными вопросам правового регулирования контрабанды в Монголии. Д. Батсайхан отмечает, что нелегальная торговля стала актом правонарушения только в начале XX в., в связи с образованием собственного государства, что в свою очередь, привело к изданию конкретных законов в области таможенного регулирования³. Отдельно автор анализирует правила «О сборе таможенных пошлин» 1912 г., отмечая их направленность на борьбу с контрабандой.

Среди китайских авторов выделим работу Цзайци Лю, в рамках которой анализируется, как «Кяхта – небольшой песчаный холм на границе России и Китая – стал постепенно превращаться в степную торговую столицу»⁴. Примечательно, что Ц. Лю приводит китайскую позицию в отношении постоянного закрытия торгового дела во второй половине XVIII в. и отмечает, что торговые отношения за этот период «прерывались 4 раза, а согласно русским источникам – 14 раз»⁵. По мнению автора, такая нестабильность несла серьезный ущерб в первую очередь русской стороне – потребителям, привыкшим покупать китайские товары, в том числе чай, и казне, терявшей более 600 тыс. руб. в виде неуплаченных налогов⁶. Работа Ц. Лю очень интересна, поскольку дает возможность взглянуть на взаимоотношения двух государств с другой стороны.

¹ Там же. С. 189.

² Там же.

³ Батсайхан Д. Возникновение и развитие монгольского законодательства об ответственности за контрабанду (209 г. до н.э. – 1926 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1 (45). С. 42–46.

⁴ Лю Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития: Культурология. 2009. С. 64.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 69.

Таким образом, несмотря на практически двухвековое существование Кяхтинской таможни как неотъемлемого элемента российско-китайской торговли в дореволюционный период и обширный пласт накопленного исторического знания, специального исследования, посвященного правоохранительной деятельности этого учреждения в контексте противодействия тайному провозу товаров, до настоящего времени не создано. Обширная историографическая традиция создала прочную базу для такого исследования, но оставила в нем значительные лакуны, ограничиваясь либо отдельными хронологическими отрезками, либо рассмотрением частных аспектов (ассортимент запрещённых товаров, отдельные категории участников, специфика забайкальских таможен). Имеющиеся работы, как правило, концентрируются на отдельных видах нелегальных товаров (чае, золоте, пушнине) или на конкретных случаях. Отсутствует системный анализ того, как менялись способы тайного провоза товаров в ответ на ужесточение таможенного законодательства; какова была реальная эффективность различных инструментов борьбы (увеличение штата, создание застав, введение системы доносительства, материальное стимулирование досмотрщиков). Настоящая работа представляет попытку комплексного анализа и выявления специфики деятельности Кяхтинской таможни, направленной на борьбу с контрабандой, в имперский период.

1.2. Источниковая база исследования

Для проведения исследования был привлечен широкий круг источников, различных по происхождению и специфике воспроизведения действительности. По типу и информационному содержанию использованные данные были объединены в несколько групп: международно-правовые акты, законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические сведения, периодическая печать, материалы личного происхождения. Привлекались как опубликованные источники, так и архивные

материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственных архивов Республики Бурятия (ГАРБ), Иркутской области (ГАИО) и Забайкальского края (ГАЗК).

К *международно-правовым актам*, во многом определявшим функционирование кяхтинского торгового приграничья, относятся договоры, трактаты, протоколы, дополнения, правила и ноты, заключенные между Россией и Китаем, а после 1911 г. – Монголией. Первым официально заключенным соглашением между странами стал Нерчинский договор 1689 г., в котором регулировались приграничные вопросы. Торговые сношения были отдельно рассмотрены в Кяхтинском трактате 1727 г. Именно соглашения между странами задавали правовые рамки приграничной торговли. Так, Кяхтинский трактат заложил основы государственной караванной торговли, а согласно Правилам сухопутной торговли с Китаем 1862 г. вдоль российско-китайской границы была создана беспошлинная зона. Тексты международных договоров представлены в опубликованных сборниках¹, большая часть – зафиксирована в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ)². Заключенные соглашения становились основой для дальнейшей законотворческой деятельности государства, направленной на регулирование торговой жизни в приграничье.

Законодательство Российской империи позволяет проследить последовательное развитие таможенной политики государства, а также эволюцию правовых норм, направленных на противодействие контрабанде. Большая часть законодательных актов представлена в Полном собрании законов Российской империи, а также в Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате.

Основы таможенного регулирования страны были впервые законодательно закреплены в Соборном Уложении 1649 г., в главе IX «О мытах

¹ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. 271 с.; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. 142 с.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1–3.

и о перевозах и о мостах»¹, содержащей 20 статей. Уложение регулировало основные таможенные вопросы: сбор пошлины, наказание за уклонение от уплаты пошлин, санкции к таможенникам за злоупотребление своим положением, запрет на самовольное взимание дополнительных пошлин и др. После преодоления последствий Смутного времени в стране начался процесс формирования единого внутреннего рынка, в связи с чем возросла потребность в регулировании таможенной политики. В 1667 г. был принят Новоторговый устав², который объединял в себе уставную и тарифную части. В ходе дальнейшего развития таможенного законодательства в России эти разделы были разведены: уставы кодифицировали порядок и полномочия таможенных органов, а тарифы отражали экономическую политику государства.

В имперский период российской истории было принято шесть таможенных уставов (1755, 1819, 1857, 1892, 1904, 1910 гг.) Самый первый из них, изданный в 1755 г., носил лаконичный и сжатый характер, особенно в сравнении с последующими изданиями. Данный устав содержал в себе только семь пунктов, регламентирующих деятельность по борьбе с «неявленными товарами», в которых уделялось особое внимание доносительству как методу борьбы с контрабандой³. В дальнейшем уставы «обрастали» дополнительными положениями, а таможенная деятельность становилась все более регламентированной. Так, Устав 1910 г. состоял из 9 разделов, каждый из которых состоял из нескольких глав (часть глав была поделена на отделы), регулировавших самые разные стороны таможенного управления⁴.

В связи с перманентной необходимостью адаптации экономики империи к условиям менявшейся конъюнктуры гораздо больше внимания в законотворческой деятельности государства уделялось подготовке и изданию тарифов. Одним из самых ранних актов стал таможенный тариф 1724 г.,

¹ Уложение. 29 января 1649 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. С. 1–161.

² Новоторговый устав. 22 апреля 1667 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 408. С. 677–695.

³ Таможенный устав 1755 года. СПб: Печ. при Сенате, 1755. С. 9.

⁴ Устав Таможенный // Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и узаконениями по 1 сентября 1910 года. Кн. 1. Т. 6. СПб: Издание книж. магазина «Законоведение», 1911. С. 2526–2818.

изданный Петром I¹. С середины XVIII в. в нормативной практике закрепились разделение тарифного режима по двум направлениям границы – европейскому и азиатскому. Так, в 1761 г. был издан Сибирский тариф², регулировавший фискальную деятельность, в том числе Кяхтинской таможни. В дальнейшем для оптимизации сухопутной торговли с Китаем были введены специализированные кяхтинские тарифы. Так, в 1800 г. были приняты «Высочайше утверждённые правила, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торгова, поступать долженствует»³, а в 1841 г. – «О новом тарифе по Европейской и Кяхтинской торговле»⁴. Они оказали существенное влияние на приграничье, закрепив здесь меновой характер торговых операций, что повлекло за собой распространение нелегального оборота. Законы, изданные в начале XX в., дают понять, что правительство стремилось унифицировать таможенное регулирование, отказываясь от практики разделения норм по двум направлениям границы. Ярким примером служит указ от 12 мая 1912 г., согласно которому штатные чины «азиатских таможен», в том числе Кяхтинской, получали те же права и преимущества, что и таможенные учреждения европейской России⁵.

Отдельным направлением законотворческой деятельности государства стали законодательные и нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность таможен, направленную на борьбу с контрабандой. Сущность контрабанды и способы борьбы с тайным провозом постоянно эволюционировали и регламентировались не только Таможенными уставами,

¹ Тариф привозным и отвозным товарам для портов: Санктпетербургского, Выборгского, Нарвского, Архангельского и Кольского. 31 января 1724 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 7. № 4452. С. 241.

² Тариф «О сборе пошлин в Сибирских пограничных Таможнях с привозных и отвозных товаров». 31 мая 1761 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 15. № 11260. С. 722.

³ Высочайше утверждённые правила, от 15 марта, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торгова, поступать долженствует. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19328. С. 75.

⁴ Именной, данный Сенату «О новом тарифе по Европейской и Кяхтинской торговле». 28 ноября 1841 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1846. Т. 16. Отд. 2. № 15064. С. 73

⁵ Об отпуске средств из государственного казначейства на усиление таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области. 14 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37063. С. 445–446.

но и отдельными законодательными актами. Законодательные и нормативно-правовые акты служат важным источником информации, анализируя которые становится возможным выявить не только причины распространения тайного провоза товаров, но и его объёмы. К примеру, в указе от 22 июня 1735 г., касавшегося частной продажи ревеня, отмечалось, что оборот тайного вывоза целебного корня достигал 50 пуд.¹

Одной из особенностей законодательного регулирования кяхтинского торгового, особенно на раннем этапе, стало дублирование законов, предупреждавших о суровых наказаниях за контрабандную деятельность. Примером служат два указа от 15 и 22 июня 1735 г., в обоих – государство грозило жестко карать контрабандистов ревеня².

Отдельные акты были призваны облегчить правоохранительную деятельность Кяхтинской таможни. Так, в 1744 г. было издано сразу два важных указа. Закон от 11 января предписывал сделать ров на границе между реками Чикой и Селенга, а затем установить надолбы³. Согласно указу от 20 февраля устанавливались особые клейма на товары, прошедшие через Кяхтинскую таможню⁴.

Следующей группой источников, на которых базируется исследование, являются *делопроизводственные материалы*, в число которых входят:

1) *Организационные документы* – уставы, приказы, инструкции, отражавшие содержание мер, предписываемых сотрудникам Кяхтинской

¹ Именной «О запрещении вывозить частным людям из Сибири ремень и отпускать за море, под смертною казнию». 22 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6750. С. 531.

² Именной, данный Сенату «О запрещении вывозить ремень под опасением отписания в казну всего имущества». 15 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6749. С. 531.; Именной «О запрещении вывозить частным людям из Сибири ремень и отпускать за море, под смертною казнию». 22 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6750. С. 531.

³ Сенатский «О сделании о Китайской границе, между реками Чикоем и Селенгою, рва и надолбов, для предосторожности от тайного провоза товаров». 11 января 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8852. С. 3.

⁴ Сенатский «О сделании при Кяхтинском форпосте и при Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской Таможнях, обособливых клейм для печатания товаров; о приложении печатей сургучом на самих товарах, а не на бумагах; о неторговании на заводах Демидова при Екатеринбурге ничем, кроме харчевых припасов, и о не продавать Китайских товаров, без клейма». 20 февраля 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8875. С. 26.

таможни для борьбы с контрабандой. Документы по раннему периоду деятельности Кяхтинской таможни, относящиеся к XVIII в., сохранились в фонде 68 «Канцелярия Кяхтинского градоначальства» Государственного архива Забайкальского края. Данный фонд содержит 71 единицу хранения, которые датируются временем с 1755 по 1916 гг. Инструкция Сибирского приказа Кяхтинской пограничной таможне, хранящаяся в данном фонде, является одним из наиболее ранних сохранившихся документов, в котором раскрываются полномочия директора таможни Романа Пятова¹. Значительная часть документации организационного характера отложилась в фонде 102 «Кяхтинская таможня» Государственного архива Республики Бурятия. Основной массив неопубликованных источников, использованных в диссертации, почерпнут нами в данном фонде, включающем более 1600 дел и хронологически охватывающем период с 1840 по 1920 гг. Здесь собраны наиболее ценные для исследования материалы, в частности, «Временные правила для чинов таможенного надзора»² (1899), содержащие порядок организации досмотра на Кяхтинской таможне после почти сорокалетнего перерыва, и изданное в том же году распоряжение о командировании иркутских таможенных чинов, призванных наладить работу вновь учреждаемой таможни³, позволяют детально проследить организационный механизм возобновления таможенного регулирования в Забайкалье в начале XX в. Частично документация по данному периоду сохранилась в фонде 42 «Сретенская таможня» ГАЗК, в котором отложилось более 250 единиц хранения, датируемых периодом с 1899 по 1918 гг. К примеру, «Временные правила для действий Кяхтинской и Сретенской таможен»⁴ представляют собой подробные инструкции таможенникам по хранению, пломбированию, учету товаров. Организационная документация, вышедшая в революционный 1917 г. – во

¹ ГАЗК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–3.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁴ ГАЗК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

время распада таможенной структуры самодержавного государства и упадка общественного порядка в целом по стране, отражает дух времени.

2) *Распорядительная документация* (циркуляры Департамента таможенных сборов, а также Читинского таможенного инспекторства) является одним из ключевых источников при исследовании опыта борьбы с контрабандой на Кяхтинской таможне. Циркуляры Департамента таможенных сборов представляли собой ведомственные распорядительные документы, которые рассылались для «сведения и руководства» во все подведомственные учреждения. Тексты циркуляров представлены в собраниях циркуляров по таможенному ведомству¹. Циркуляры служили каналом быстрого распространения информации об актуальных и оригинальных способах нелегального провоза, что отражено в архивных материалах². Так, в фонде 153 «Иркутская таможня» Государственного архива Иркутской области, хранящем более 1700 дел и охватывающем период с 1861 по 1920 гг., содержатся копии циркуляров Департамента таможенных сборов, а также статистические сведения о российско-китайской торговле. В документах фонда зафиксированы оперативные предписания, перечни запрещенных товаров, порядок досмотра и учета.

3) *Протокольная документация* также являлась важной составляющей таможенного документооборота. При выявлении и задержании контрабандистов, таможенные чины составляли протоколы, в которых последовательно описывали порядок действий, приведших к задержанию нарушителей закона. В фонде 102 «Кяхтинская таможня» ГАРБ сохранилось множество протоколов, составленных таможенными служащими, с помощью которых можно реконструировать реальные механизмы противодействия контрабанде. Благодаря этим документам мы узнаем, что чины таможни использовали не только традиционные методы борьбы с контрабандой, но и

¹ Общее собрание циркуляров, распоряжений Департамента таможенных сборов за 1870–1900 гг. СПб., 1902. 222 с.; Сборник узаконений и циркуляров по таможенной части за 1908 год. СПб.: Тип. Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1909; др.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 665. Л. 1; ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

нестандартные, как в случае задержания партии наркотиков, произведенного благодаря разворачиванию агентурной сети¹.

4) *Учетная документация* широко представлена в описях конфискованных товаров, ведомостях и журналах. Подавляющее большинство документов этого вида хранится в фондах 92 «Канцелярия Кяхтинского градоначальника» и 102 «Кяхтинская таможня» ГАРБ. В фонде 92 насчитывается более 3000 единиц хранения, датируемых 1852–1862 гг. Анализ материалов фонда позволяет оценить масштабы контрабандной деятельности, определить объёмы ассигнований Департамента таможенных сборов на содержание таможни, а также сопоставить динамику задержаний с правовыми и политическими изменениями. Благодаря первичному характеру этих документов возможна реконструкция реальной, детализированной картины контрабандных практик в кяхтинском приграничье.

5) *Отчетная документация* составляет важный пласт документальных источников. Пристальный интерес правительства к кяхтинской торговле обусловил составление чиновниками разных ведомств различных отчетов о состоянии местной экономической жизни. В фондах Российского государственного исторического архива – 1152 «Департамент государственной экономии Государственного совета» (опись 3, раздел 1848 содержит 183 единицы хранения), 19 «Департамент внешней торговли Министерства Финансов» (Опись 3 содержит 1410 единиц хранения), 13 «Департамент министра коммерции» (содержит 2447 единиц хранения) – содержатся не только отчеты о состоянии торговли, но и копии законодательных актов, принимаемых в отношении кяхтинского торгового оборота с пояснениями. Здесь же встречаются отчеты об объёмах торгового оборота в первой половине XIX в. Материалы по более позднему периоду – времени учреждения беспошлинной зоны в российско-китайском приграничье и переноса таможни из Кяхты в Иркутск – сосредоточены в фонде 153 «Иркутская таможня» ГАИО. Важнейшими документами, в которых содержится информация о

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 367. Л. 66 об.

контрабандной деятельности, выступают отчеты и доклады досмотрщиков, сохранившиеся в уже упомянутых фондах 92 и 102 ГАРБ. В них сохранились ценные сведения о противодействии тайному провозу, содержатся акты задержания контрабанды в период с начала XX в. до 1917 г. Поскольку в 1912 г. Кяхтинская таможня стала частью Читинского таможенного инспекторства, ценные сведения об объемах контрабанды отложились в фонде 78 «Инспектор Читинского таможенного участка» ГАЗК, который включает в себя 396 единиц хранения, большая часть дел датируется периодом с 1900 по 1920 гг. Благодаря сохранившимся отчётам управляющих таможенных учреждений, в которых имеются сведения о количестве задержаний, о суммах, которые удавалось получить таможне после продажи конфискованной продукции, можно составить представление о масштабах нелегальной торговли.

Отметим, что большой пласт законодательных актов и делопроизводственных материалов введен в научный оборот в опубликованных сборниках документов¹.

Еще одной группой источников, привлекавшейся в процессе исследования, являются *статистические данные*. Особо следует отметить ежегодные обзоры и памятные книжки Иркутской губернии и Забайкальской области, которые содержат ценные статистические материалы об экономическом развитии Западного Забайкалья и сопредельных регионов (о состоянии местной промышленности, сельского хозяйства, торговли, демографии, общественного здоровья и др.). На основе использования статистических данных, сохранившихся в них, а также в архивных фондах РГИА, ГАИО, ГАРБ, ГАЗК, составлены таблицы, позволяющие проследить динамику кяхтинской торговли, пошлинных сборов, контрабандной активности. К примеру, в фонде 153 «Иркутская таможня» ГАИО собраны

¹ Таможенное дело в России. X – начало XX вв.: Исторический очерк. Документы. Материалы. СПб: ПиК, 1995. 211 с.; Таможенное дело в России: сб. документов и материалов. М.: Автор, 1998. 248 с.; Таможенное дело в Сибири и в Забайкалье / Авт. и сост.: В.П. Шахеров, И.И. Козлов, Н.И. Гаврилова и др. Иркутск. 1999. 79 с.; Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1862–1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. 211 с.

сведения об объёме торговли в кяхтинском приграничье, а также информация о наиболее востребованных товарах в 1890-е гг.¹ В фонде 92 «Канцелярия Кяхтинского градоначальника» ГАРБ сохранились данные о пошлинных сборах в середине XIX в.² В фонде 1152 «Департамент государственной экономии Государственного совета» РГИА отложились статистические сведения, наглядно демонстрирующие, что кяхтинский торг стал местом сбыта товаров отечественной легкой промышленности³. Материалы фондов 796 «Канцелярия Синода» (опись 448 содержит 88 единиц хранения), 1282 «Канцелярия министра внутренних дел» (опись 2 содержит 2185 единиц хранения), 1286 «Департамент полиции исполнительной МВД» (опись 14 содержит 1789 единиц хранения), 1287 «Хозяйственный департамент МВД» (опись 7 содержит 2977 единиц хранения), 350 «Планы и чертежи по строительству железных дорог и искусственных сооружений» РГИА также содержат важные статистические сведения о динамике российско-китайской торговли через Кяхту. В фонде 78 «Инспектор Читинского таможенного участка» ГАЗК сохранились крайне важные сведения об объёмах контрабандной деятельности в кяхтинском приграничье в 1910-е гг.⁴ Статистические сведения также сохранились на страницах печатных изданий. Так, в газете «Байкал» представлена сводка о движении контрабанды в Иркутской таможне в 1897 г., бывшей на тот момент самой восточной таможней в Российской империи⁵.

Периодическая печать, в частности материалы «Кяхтинского листка», «Байкала», «Восточного обозрения» стали важным источником информации. «Кяхтинский листок» был первой периодической газетой, издаваемой в Забайкалье. На протяжении 1862 г., когда в приграничной жизни происходили масштабные изменения в связи с установлением порто-франко, было напечатано 18 номеров. На страницах «Кяхтинского листка» зачастую

¹ ГАИО. Ф. 153. ОЦ. Д. 5.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1.

³ РГИА. Ф. 1152. Оп.3. Раздел 1848. Д. 129. Л. 11.

⁴ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14.

⁵ Контрабанда // Байкал. 1900. № 1. С. 4.

упоминалась местная таможня, уже упраздненная к моменту выхода газеты, но по-прежнему волновавшая местных жителей. «Байкал» же оказался более долговечным, печатался с 1897 по 1906 гг. За это время успело выйти более 200 номеров. Информация из периодических изданий дает возможность взглянуть на деятельность Кяхтинской таможни глазами обычного обывателя, давая дополнительный ракурс для исследования.

«Восточное обозрение» – газета, учрежденная сибирскими областниками, наиболее массовая из упомянутых, выходила с 1882 по 1906 гг. Изначально издавалась в Санкт-Петербурге, с 1888 г. – в Иркутске. До 1893 г. включительно выпускалась еженедельно, с 1894 г. начала выходить три раза в неделю и с 1899 г. стала ежедневной. На страницах «Восточного обозрения» встречается информация о деятельности Кяхтинской таможни. К примеру, в статье, посвященной А.И. Деспот-Зеновичу, отмечается его ключевая роль в пресечении различных злоупотреблений служащими таможни¹.

Материалы личного происхождения – еще один ценный источник исследования – содержат сведения, отражающие специфику восприятия кяхтинского торгового дела современниками событий, и их размышления о контрабандной деятельности в приграничье. Представляют интерес сведения о природе, хозяйстве, быте и культуре народов Забайкалья в интерпретации сотрудника и активного корреспондента Восточно-Сибирского отделения РГО В.В. Птицына². Характеризуя контрабанду чая и ее объемы, автор пишет: «весь Забайкальский край и большая часть Иркутской губернии довольствуются контрабандным чаем»³. В работе одного из основателей Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО, купца первой гильдии Г.М. Осокина содержится краткая история кяхтинской слободы и местного торгового дела и подробное описание

¹ Александр Иванович Деспот-Зенович // Восточное обозрение. 1892. № 51. С. 10.

² Птицын В.В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб: Экономическая типо-лит., 1896. 307 с.

³ Там же. С. 148.

быта приграничного населения¹. Примечательно, что В.В. Птицын и Г.М. Осокин уделяют особое внимание специальному денежному сбору, действовавшему в Кяхте – «аксиденции», которая взималась таможеней с каждого ящика чая, хранившегося в местном гостином дворе. По свидетельству Г.М. Осокина, «из сбора этого ежегодного составлялся громадный капитал, нередко в сто тысяч, который и расходовался непосредственно на текущие нужды Кяхты»². Купец особо отмечает участие приграничных китайцев в незаконной торговле золотом: «Одной из приманок китайцу селиться в деревне является возможность дешевого скупа золота от хищников и мелких золотопромышленников»³.

В большей степени этнографический характер носит работа Д.И. Стахеева⁴. Написанная живым художественным языком, она представляет собой рассказ путешественника, который иногда отвлекается размышлениями на разные темы, например, о Кяхтинской таможне и контрабанде: «Сколько, бывало, наводил он страхов на контрабандистов... сколько тут нажились директоров»⁵. Помимо ярких выражений работа полна рассуждений о причинах развитой контрабанды в приграничье, ассортименте популярных к тайному ввозу-вывозу товаров и, пожалуй, самое интересное – о способах, с помощью которых контрабандистам удавалось провозить товар, не вызвав подозрений у таможенной стражи.

Не менее интересны воспоминания генерал-лейтенанта М.В. Грулёва, по долгу службы оказавшегося в Забайкалье. Его мемуары «Записки генерала-еврея» наполнены личными переживаниями, ретроспективными обобщениями и эпизодическими фактами о деятельности контрабандистов в Забайкалье в период установления беспопылинной зоны⁶.

¹ Осокин Г.М. «На границе Монголии». Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1906. 304 с.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 48.

⁴ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб: Тип. К. Вульфа, 1869. 347 с.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Грулёв М.В. Записки генерала-еврея. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 270 с.

Широкий круг привлеченных источников позволил сформировать репрезентативную источниковую базу исследования и обеспечить всестороннее рассмотрение избранной темы. Использование международно-правовых актов, законодательных и нормативных материалов, делопроизводственной документации, статистических сведений, периодической печати и источников личного происхождения дало возможность проследить не только правовые и организационные основы функционирования кяхтинского приграничья, но и выявить реальные механизмы контрабандной деятельности, её масштабы, динамику и специфику восприятия современниками. В совокупности все группы источников позволили наиболее полно и объективно охарактеризовать способы борьбы Кяхтинской таможни с контрабандой в имперский период.

ГЛАВА II. КЯХТИНСКАЯ ТАМОЖНЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ

2.1. Условия и причины создания Кяхтинской таможни

Одно из первых описаний Китая русскими подданными, вероятно, относится ко второй половине XVI в., когда по приказу Ивана IV была сооружена небольшая экспедиция во главе с атаманом Иваном Петровым и мурзой Бурнашом Ялычевым. Предположительно, в 1567 г. они отправились из Москвы «для проведывания соседних царств, и язык, и орд, и волостей, в каком расстоянии от Москвы и коль далеко подлегли к Московскому государству»¹. Они сумели добраться до Пекина, но получить аудиенцию китайского императора не вышло, так как «не имели с собою даров, как того требовала придворная китайская церемония»². Практического результата у данного похода не было, даже топографические описания экспедиции устарели к моменту освоения Восточной Сибири казаками. Некоторые исследователи ставят под сомнение поход Петрова и Ялычева, полагая, что произошла путаница у составителей сибирских хронографов, ошибочно приписавших данную экспедицию путешествию Ивана Петлина, совершенному им в 1618 г. Вот что об этом писал исследователь Ф.И. Покровский: «Имена Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, равно как и 1567 год их мнимого путешествия, представляют, вероятно, догадку редактора хронографа, которому необходимо

¹ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб: Тип. В. Киршбаума, в д. М-ва Финанс., на Дворц. площ., 1882. С. 6.

² Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 6.

было при включении в состав хронографа анонимного и недатированного путешествия приурочить его к определенному времени и имени»¹.

Более тесные контакты между странами начали устанавливаться с походами казаков в Сибирь и на Дальний Восток. Продвижение России на Восток сопровождалось давлением со стороны торгового капитала, видевшего в присоединённых землях важный источник дохода, в первую очередь пушнины, а также возможность выйти к границам Китая, где можно было выгодно торговать. В это же время кризис Минской империи привел к ее распаду. После захвата власти маньчжурами и образования Цинской империи интересы России и Китая столкнулись в Забайкалье и вдоль реки Амур, что подталкивало к установлению формальных межгосударственных связей. Должностные лица с обеих сторон уже вели меновую торговлю и даже договаривались сооружать целые торговые караваны «без всякого ещё участия со стороны правительства»². «Торговые традиции», характерные для будущего кяхтинского приграничья, караванный торг, бескомпромиссная способность русских купцов, несмотря на всякие запреты, проникать на китайский рынок сформировались не на пустом месте, а возникли в силу специфики торговли между странами ещё до установления официальных взаимоотношений.

Следующее важное событие в истории русско-китайских отношений произошло в 1654 г., когда в Китай было отправлено посольство во главе с Фёдором Байковым. В Государевой грамоте царя Алексея Михайловича, адресованной китайскому императору, отмечалось, что из-за дальности расстояния между двумя царствами «ссылки и любви не бывало, и Послы и Посланники не посылаваны»³. Фактически, посольство Фёдора Байкова позиционировалось российской стороной как попытка установить первые

¹ Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1914. С. 4.

² Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 7.

³ Иванов В.И. Описание государственного разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов, составленное Петром Ивановым. М.: Тип. С. Селивановскаго, 1842. С. 391.

официальные отношения между странами: «И вам бы Богдыхану Царю от нынешнего времени с нами Великим Государем быти в дружбе и любви»¹. Но оно оказалось неудачным во многом из-за отказа Байкова исполнить церемониал перед правителем Китая – ритуал «коутоу», согласно которому он должен был «9 раз простереться перед Богдыханом и коснуться лбом земли»², что интерпретировалось бы как признание вассальных отношений перед Китаем. Этого не предполагал ни статус посольства, ни детальная инструкция самого царя Алексея Михайловича о том, как вести себя в китайском императорском дворе: «а порогу ему кланятца не для чего, и то дело не статочное, и николи шого не будет, и у Царского Величества того не ведетца, о том было ему и говорити стыдно, и отказавши о том впрямь»³. Если с политической точки зрения посольство оказалось неудачным, то для русской торговли в Китае оно открыло удобный караванный путь и значительно расширило знания, имевшиеся в России об этом государстве.

После посольства Байкова в Пекин отправилось ещё несколько российских дипломатических миссий, но и они не имели успеха. В 1675 г. было организовано посольство во главе с переводчиком Николаем Спафарием, задача которого заключалась в установлении формальных торговых отношений между государствами. В 1676 г. миссия вместе с торговым караваном прибыла в Пекин, но, как и предыдущие, потерпела неудачу не только из-за непризнания с обеих сторон формальных церемониальных ритуалов, но и в связи с обострением приграничных конфликтов между странами в этот период. Потерпел неудачу и торговый караван, отправившийся вместе с посольством: «китайцы сговорились по какой цене продавать свои и покупать русские

¹ Там же. С. 392.

² Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 33.

³ Иванов В.И. Описание государственного разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов, составленное Петром Ивановым. М.: Тип. С. Селивановскаго, 1842. С. 401.

товары и это побудило большую половину товаров вернуть назад с собой в Россию и понести вообще большие потери»¹.

Вместе с тем, купцы, на плечах которых не было бремени государственного наказа, успешно проникали в Китай и торговали. В 1674 г., за год до посольства Спафария, из Селенгинска в страну Богдыхана отправился частный торговый караван, состоявший из 43 купцов². Из-за сложной приграничной обстановки, угрожавшей перерасти в полномасштабный конфликт, купцов на границе задержали на пять недель, предполагая, что они являются разведчиками русского войска, идущего позади. Но убедившись в необоснованности подозрений, их всё же пропустили в Китай. Примечательно, что, несмотря на отсутствие какой-либо грамоты от российского царя, им разрешили торговать в Пекине целых семь недель: «они не из Москвы посланы, но сами от себя с товаром идут»³.

Наконец в 1686 г. царь Алексей Михайлович направил в Китай посольство во главе с Фёдором Головиным, который решил вести переговоры с китайской стороной не в Поднебесной, а на приграничных территориях, куда и пригласили иностранную делегацию. Тяжелые переговоры, где обе стороны отличились неуступчивостью, граничившие с провокацией попытки демонстрации силы, несколько восстаний бурятских племён – всё это закончилось лишь в 1689 г. заключением в Нерчинске первого формального договора между странами, сыгравшего значимую роль в развитии экономик обеих держав.

Нерчинский трактат стал первым официальным документом, заложившим основу экономических взаимоотношений между Россией и Китаем. Согласно его положениям, объявлялась свободная торговля для подданных обоих государств: «Каким либо ни есть людям с проезжими

¹ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года. СПб: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1887. С. 45.

² Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 41.

³ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 23.

грамотами из обеих сторон для нынешней начатой дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих Государств добровольно и покупать, и продавать что им надобно да повелено будет»¹. Несмотря на уже налаженные устойчивые торговые связи, существовавшие между купцами России и Китая ещё до 1689 г., в трактате экономическому аспекту сотрудничества уделено всего лишь несколько строк. Связано это было с тем, что для Цинской империи первоочередной задачей было решение вопроса о демаркации межгосударственной границы. В предложенном китайской стороной и одобренном императором тексте договора вообще отсутствовали строки, связанные с торговлей. Только после возражений Ф. Головина, удалось найти компромисс в виде пятого пункта, который процитирован выше. Общая формулировка и отсутствие конкретики об условиях торговли привели к определённым затруднениям в ближайшем будущем: «Цинское правительство начало ограничивать и затруднять торговлю русских в Китае, а китайским купцам запрещалось ездить в Россию»². Для уточнения условий торговли в Китай отправили посольство во главе с датским купцом Избрантом Идеса, имевшим связи в правительственных московских кругах, и спустя ещё время – посольство во главе с дипломатом Львом Измайловым³. Однако обе дипломатические миссии завершились провалом.

Несмотря на сложности, караванная торговля продолжалась. В период с 1689 до 1728 гг., когда было окончательно ратифицировано новое российско-китайское соглашение, сформированы 18 торговых экспедиций, из которых только две сооружались государством, 12 – частными лицами и ещё четыре – смешанного типа. Отправлялись караваны из Нерчинска, конечная же точка в Китае менялась: до 1703 г. это был Пекин (11 караванов), а с 1707 по 1728 гг. –

¹ Нерчинский договор 27-го августа 1689 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 5.

² Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд. Академии наук, 1958. С. 197.

³ Там же. С. 198

Наун (7 караванов)¹. Средняя продолжительность экспедиции составляла один год.

Наиболее востребованным российским товаром, причем не только для китайских купцов, являлась пушнина. Её продажа за рубеж приносила государственной казне значительный доход. Цены на пушнину в Пекине варьировались в зависимости от количества товара и вида животного (табл. 1). Поэтому после установления официальных договорённостей с Китаем в города Поднебесной двинулись казённые караваны, основным грузом которого была мягкая рухлядь. Но прибыв на место торговли, комиссары, возглавлявшие караванный торг, обнаруживали, что местный рынок уже заполнен сибирской пушниной, которую завозили в Китай частные торговцы. Ситуация, невыгодная для российской казны, стала причиной принятия в 1726 г. закона «О позволении Российским купцам производить торг за границею Китайскою всеми товарами, кроме мягкой рухляди»², установившего государственную монополию на продажу меха в Китай. В пояснении к закону говорилось, что «пошлин не только с мягкой рухляди, но и с прочих товаров со всего отпуска в Ургу и в Китайское государство более 20000 рублей в казну нашу не собирается»³. За нарушение закона предусматривалось наказание – изъятие всего товара у купца. Ответственными за соблюдение закона объявлялись коменданты, комиссары и приказчики, которые, по-видимому, проверяли товар у купцов, отправлявшихся в Китай, на наличие пушнины. Помимо этого, закон требовал держать «разъезжие караулы», которые должны были пресекать попытки провезти товар нелегально через окольные пути.

¹ Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 435. С. 123.

² Именной, данный Сенату указ «О позволении Российским купцам производить торг за границею Китайскою всеми товарами, кроме мягкой рухляди». 30 декабря 1726 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 7. № 4992. С. 722.

³ Там же. С. 722.

Стоимость пушнины в Пекине в 1717 г.

(по данным торговых агентов)¹

Животное	Количество	Стоимость (в зависимости от количества)
Белка «русская»	1000	40 руб.
Горностай «казённый»	100	17 руб.
Песец	1	14 руб.
Лиса «ленская, красная»	1	1–4 руб.
Лиса «бурая»	1	5 руб. 20 коп.
Соболь*	1	1 руб.
Рысь	1	2 руб.
Корсак	1	15 руб.

* цены на обрезанные шкурки соболя (без брюшной части и хвоста) в Китае варьировались от 360 до 810 коп. за штуку².

Представленные сведения о ценах на пушнину в Пекине демонстрируют выраженную разницу стоимости в зависимости от вида пушнины. Так, одна шкура белки «русской» оценивалась всего в 4 коп., тогда как корсака в 15 руб. Оптовый характер сделок по белке и горностаю, указывает на то, что их мех был предметом широкого потребления. Градация в стоимости подталкивала купцов к разным способам реализации товара. Высокая цена на шкуру стимулировала нелегальные поставки, а оптовая к объёмным «серым» партиям.

Существовал ещё один товар, торговлю которым изначально пыталось контролировать государство – это драгоценные металлы. В связи с нехваткой в государстве золота и серебра для изготовления собственных монет импортировались иностранные, которые также использовались для их дальнейшего обмена на золотые и серебряные слитки, в том числе с Китаем: «мы отправляли в Китай также иностранную серебряную монету и серебро в разных изделиях. Взамен этих предметов привозили из Китая: ханское золото и

¹ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 45–46.

² Там же.

серебро в слитках, фарфор, драгоценные камни»¹. Дальнейшее развитие сереброплавильного дела в стране, а также активная приграничная торговля с Китаем – как государственная, так и контрабандная – безусловно, способствовали появлению у частных лиц золотых и серебряных монет. Обеспокоенность государства этим фактом, а также желание аккумулировать имеющиеся запасы драгоценных металлов, стали причиной принятия в 1723 г. закона «О пошлинах с вывозимого из Китая золота и серебра и о непродаже оного ни кому, кроме Денежных дворов»². Золото и серебро, найденное при осмотре на границе, изымалось в пользу казны, но не безвозмездно, а в счёт «десятую и в прочие пошлины, что за тем останется, и за то платить товарами по Нерчинским ценам»³. В 1727 г. таможенное законодательство о ввозе-вывозе драгоценных металлов было дополнено, на этот раз угрозой: «под страхом смертной казни, чтоб оное привозили и отдавали на Денежные дворы»⁴.

Следующий раунд российско-китайских переговоров наступил спустя 40 лет после заключения Нерчинского трактата. Постоянные требования китайской стороны о прекращении пересечения границы, более детальном разграничении земель, выдаче перебежчиков, запрете на продвижение русских купеческих караванов и ограничении на торговлю внутри империи⁵, наглядно демонстрировали кризис русско-китайских отношений. В связи с этим в 1725 г. для заключения нового договора был направлен в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра дипломат С.Л. Владиславич-Рагузинский. В 1727 г. был подписан Буринский трактат, в котором фактически

¹ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 7.

² Сенатский «О пошлинах с вывозимого из Китая золота и серебра и о не продаже оного никому, кроме Денежных дворов». 20 декабря 1723 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 7. № 4397. С. 189.

³ Там же. С. 189.

⁴ Именной, состоявшийся в Верховном Тайном Совете «О дозволении вольной торговли сибирскими соболями и другими заповедными товарами». 26 июня 1727 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 7. № 5110. С. 821.

⁵ Занданова Л.В., Пузыня Н.Н. Дипломат и реформатор С.Л. Владиславич-Рагузинский: «... вечный мир заключили и границу утвердили» // Вестник РУДН. История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 12.

провозглашался принцип «каждый владеет тем, чем владеет теперь» и устанавливалась граница между Россией и Китаем к западу от реки Аргунь и до перевала Шабин-Дабат. В договоре упоминались «с северной стороны на речке Кяхте караульное строение Российской Империи», которое в будущем станет торговой слободой с одноименным названием, а также «с полуденной стороны на сопке Орготой караульный знак Срединной Империи»¹, где впоследствии будет возведён Маймачен. Утвердили и место для приграничной торговли: «между теми караулом и маяком землю разделить пополам. Насредине первой знак разграничения поставить. И тут имеет обоих стран пограничное купечество быть»². Этим и ограничилась торговая сторона договора, пока через несколько месяцев не было подписано новое соглашение с конкретными экономическими положениями.

Кяхтинский трактат был подписан уполномоченными лицами 21 октября 1727 г. Российскую сторону представлял С.Л. Владиславич-Рагузинский, китайскую – Чабина, Тегут, Тулишен. Затем текст договора был отправлен на утверждение в Пекин, после чего 14 июня 1728 г. был произведён обмен текстами на границе. Соглашение закрепило основные положения двух ранее заключенных договоров, а также заложило основы для строительства торговой слободы «на Селенгинской Кяхте, где построятся дома и оградятся оградой или палисадом, как покажется»³. Так была основана Кяхта – место, ставшее на долгие годы главными торговыми воротами России в Китай. Договор подчёркивал, что прибывший сюда человек «купечества ради», должен идти прямой дорогой, «а ежели кто с ней уклонится, блудя или на иные места поедет для купечества, да возьмутся товары их на Государя»⁴.

¹ Буринский трактат 20 Августа 1727 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Генеральный трактат между Россиею и Китаем «О вечном между обеими Империями мире, о утверждении границ, о неудержании перебежчиков; об оставлении Удинских границ по прежнему и о свободной торговле». 14 июня 1728 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 8. № 5286. С. 51.

⁴ Там же. С. 51.

Кяхтинский трактат закрепил караванный торг как основную модель российско-китайского экономического сотрудничества: «будет свободное купечество между обоими Империями и число купцов как прежде сего уже постановлено не будет более двух сот человек, которые по каждых трёх лет могут приходить единожды в Пекин»¹. Утвержденная «квота» на количество купцов служила сдерживающим фактором для развития торговли и способствовала распространению контрабанды. Купец, приехавший на границу для торговли в Китае, должен был сообщить о своём прибытии, после чего он получал письмо и с ним направлялся к «мандаринам», которые должны были встретить его и «препроводить ради купечества». Примечательна организация самого казённого каравана, в который входило ровно 200 человек, при том что большую часть его составляли не купцы, а казаки, охранявшие экспедицию. Караван возглавлял доверенный купец, к которому приставлялся правительственный комиссар, четыре целовальника, гвардейский офицер с казаками².

Ещё одним важным пунктом договора стало положение о том, что «никакая же пошлина ниже продающих и купующих возмётся»³, которая подразумевала, что оба государства не должны замедлять развитие экономических связей в приграничье посредством сбора пошлин, что не только повысило бы цены на товары, но и создавало дополнительные бюрократические препятствия для купцов. В будущем это положение не раз будет становиться точкой преткновения в приграничных спорах между странами.

Пограничная стража, состоявшая из русских служилых людей, инородческих дружин и регулярных частей не только охраняла границы, но и следила за тем, чтобы торговля между купцами обеих стран шла в строго

¹ Там же. С. 50.

² Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 20.

³ Генеральный трактат между Россиею и Китаем «О вечном между обеими Империями мире, о утверждении границ, о неудержании перебежчиков; об оставлении Удинских границ по прежнему и о свободной торговле». 14 июня 1728 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 8. № 5286. С. 50.

разрешённых для этого местах. Пограничники имели денежный стимул для поимки контрабандистов, ведь они награждались четвертой частью конфискованного товара, если ловили нерадивого преступника и сдавали нелегальную продукцию пограничным властям¹.

Дальнейшее развитие торговли и стремление торговцев обойти законодательные ограничения привели к необходимости возведения не только удобно расположенной купеческой слободы, но и учреждения таможенного органа.

История централизованного таможенного дела в России, чётко регламентируемая государством, началась в середине XVII в. В 1649 г. было принято Соборное Уложение, которое содержало разделы о работе таможенных служб. Её деятельности посвящена IX глава «О мытах и о перевозех, и о мостах», состоявшая из 20 статей. Согласно Соборному Уложению, запрещалось брать проезжую пошлину со служилых людей, которые выполняли государевы поручения: «со всяких служилых людей и с их людей и с запасов и с гонцов, которые посланы будут для государевых дел, мыта и перевозу и мостовщины нигде не имати»². Помимо этого запрещалось вводить новые таможенные сборы в тех местах, где их раньше не брали, а если они и вводились, то только с дарования государством «жаловальной грамоты». Помещики и вотчинники, в чьей юрисдикции находились таможни, должны были следить за дорогами и мостами и при необходимости их восстанавливать: «чтобы на тех мостах и гатех проезжим всяким людям ни за чем простою и задержания убытков не было»³. Также им запрещалось создавать на реках плотины с целью сбора дополнительной подати. Оговаривались в IX главе и наказания за нарушения и злоупотребления таможенных законов. К примеру, если торговые чины пытались пройти таможню от лица служилого «а про то сыщетца», то их били кнутом и взыскивали штраф в размере пяти рублей с

¹ Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 20.

² Уложение. 29 января 1649 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. С. 14.

³ Там же. С. 15.

человека. Вводились наказания и для таможенников, действовавших не по букве закона. Так, если со служилых людей «и с их людей и с запасов и с гонцов учнут имати мыты и перевозки и мостовщину»¹, то с таких сборщиков взимали штраф в тройном размере от того, что они получили в виде пошлины, а также подвергали телесному наказанию. Запрещалось откалывать лёд по берегам, потому что зимой у купцов был привлекательный способ обойти сбор подати, просто объехав «мытные заставы» по льду. Таким образом, Соборное Уложение стало важным законодательным актом, закрепившим права вотчинников, в чьих угодьях находились заставы, но также и обозначившим обязанности феодалов по поддержанию в исправности дорог, мостов и переправ: «тем людям в тех своих вотчинах по дорогам гати и мосты и плотины починивати собою»².

Следующий важный шаг в формировании централизованной таможенной системы был сделан в 1653 г., когда был утверждён закон «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием, по сколько взято и с каких товаров»³. В нём детальнее регламентировалась процедура взимания пошлин, устанавливались наказания за попытки скрыть товар от таможенных застав, а также меры в отношении самих таможенников, злоупотребивших своим положением. Наиболее важным положением закона стало упразднение большей части мелких сборов, вместо которых вводилась единая таможенная пошлина. Это серьёзно превышало установленные ранее торговые пошлины, что, видимо, должно было компенсировать убыток от упраздненных сборов. Коснулась реформа и торговли с иностранцами. Для них пошлина составляла 6% от цены товара, помимо этого они не освобождались от подорожных податей при движении товара по России. При продаже российских

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Именной с боярским приговором указ «О взимании пошлины с товаров в Москве и городах, с показанием по сколько взято и с каких товаров». 25 октября 1653 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. № 107. С. 302.

товаров за границу с иностранцев взималась пошлина в размере 2 % от цены товара.

В 1667 г. был принят Новоторговый устав, в который полностью вошел закон 1653 г. Он включал в себя более 100 пунктов, большая часть из которых посвящена организации торговли в Архангельске и, соответственно, внешней торговле. В разработке документа принимали участие в основном крупные дельцы и купцы, к примеру Петр Марселис, занимавшийся оптовой торговлей, владелец соляных промыслов Василий Шорин. Курировал весь процесс государственный деятель, дипломат Афанасий Ордин-Нащокин – сторонник расширения внешней торговли. Согласно новым правилам, вводился строгий контроль за иностранными купцами, которым запрещалось торговать в розницу и ездить с товаром на ярмарки городов России: «На Москве и в городах, всем иноземцам ни каких товаров врознь не продавать»¹. Таможенный голова² был обязан следить за качеством иностранной продукции и проверять наличие фабричного клейма на них, дабы не оказалось среди них «худых товаров». В Новоторговом уставе были подробно изложены правила и порядок досмотра товаров. В двух пунктах законодательного акта упоминалась Сибирь. В первом случае, в связи с установлением пошлины на соболиные меха, второй же случай более любопытный. Так, в ст. 35 говорилось: «По всем городам и в Сибири всех купецких людей, Воеводам, сухим путём и водяным ни в чем в торговом деле в поездех не держать и не ведать, кроме таможенного уставного права»³. Данная статья косвенно намекала о злоупотреблениях, которые водились в таможенных заставах, причем именно в Сибири, где, по всей видимости, с правопорядком как раз и были проблемы.

К этому времени в Сибири уже функционировала сеть таможен, важнейшей из которых считалась Верхотурская, начавшая свою работу в 1600 г. Город выступал логистическим узлом, куда направлялась провизия из

¹ Новоторговый устав. 22 апреля 1667 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 408. С. 684.

² Таможенный голова – чиновник, руководивший деятельностью таможни и назначаемый специальным царским указом.

³ Новоторговый устав. 22 апреля 1667 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 408. С. 683.

западной части России для обеспечения служилых людей. Верхотурье и местная таможня контролировали поток товаров, направлявшихся как из Сибири, так и в Сибирь. По мере продвижения казачьих отрядов дальше на Восток, учреждались и новые таможенные заставы. К 1603 г. они были открыты в Тобольске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове, Мангазее. Начиная с 1661 г., когда служащие приказной избы стали собирать соответствующие пошлины, свою фактическую деятельность начала таможня в Иркутске¹. Официально же таможенная изба в городе заработала в 1682 г. Благодаря своему удачному расположению Иркутск стал важной частью продвижения русских купцов в Забайкалье, Монголию и Китай. Рядом с ним проходил водный путь к востоку по Байкалу, на север по Лене, по Иркуту на юг и по Ангаре на запад, что способствовало становлению Иркутска как крупного административного и торгового пункта на востоке государства и увеличению роли местной таможни.

С конца XVI в. в России существовало два способа организации таможни и, соответственно, два способа сбора пошлин – «на веру» и «на откуп». В первом случае, таможенная работа фактически становилась повинностью, когда к ней привлекались люди, связанные с торговлей, посадские и уездные крестьяне. За выполнение обязанностей они не получали жалованья, что теоретически создавало благодатную почву для должностных злоупотреблений. В связи с этим работники таможни должны были давать присягу о честной службе на благо государству. Таможенные головы были обязаны отправлять ежемесячно в казну Большого прихода собранную за счет пошлин сумму. Нередко в качестве плана устанавливалась либо прошлогодняя планка, либо больше. Если по итогам года план по сбору пошлин перевыполнялся, то ответственный за это таможенный голова получал ценные подарки в

¹ Суходолов А.П. Иркутская таможня. Этапы становления и развития // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 750.

присутствии самого царя. В случае, если казна недобирала по сравнению с предыдущим годом, то определялось наказание и взыскивалась пеня¹.

Второй способ организации таможенной деятельности – откупной, когда заинтересованное лицо платило казне определённую сумму, чаще всего среднегодовой доход от собираемой пошлины конкретной таможни, за что получало право взыскивать сборы с «выкупленной» заставы в свою пользу. Данная практика в силу специфичности предполагала жесткую эксплуатацию полномочий «откупщика» и тяжёлым гнетом ложилась на плечи купцов, мешая тем самым развитию внутренней торговли. В связи с этим с середины XVII в. прослеживалась четкая тенденция к сокращению откупов и усилению государственного управления на местах². В июле 1681 г. откупная система и вовсе была отменена, а пошлины было приказано «сбирать на вере». Но в период правления Петра I и истощающей войны со Швецией, будущий император вновь вернул практику откупных таможен. Теперь право сбора пошлины проводилось «на конкурсной основе» и отдавалось тому, кто больше заплатит³. Однако с 1760-х гг. такая практика начала сходить на нет после громкого скандала, связанного с купцом Никитой Шемякиным. Дело в том, что южные таможни, действовавшие по тарифу 1757 г., находились с 1758 г. в откупном содержании Никиты Шемякина. Уже к 1763 г. он не мог уплатить правительству договоренную сумму, так как «Шемякин, вопреки контракту, не представлял отчётов о ходе торговли и ведомостей о поступлении доходов по таможням, допускал подлоги в таможенном документе и позволял пропускать через таможню разные товары за пошлину, гораздо менее высокую чем какая была назначена в тарифе»⁴.

¹ Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб: Тип. К. Жернакова, 1848. С. 123.

² Балковая В.Г. Откупной способ укомплектования таможенных учреждений России (XV–XVIII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб: Тип. В. С. Балашева, 1886. С. 121.

Организация таможенного дела в Сибири и, в частности, в Забайкалье, имела свои особенности. Здесь все местные заставы подчинялись Сибирскому приказу, находившемуся в Москве. До открытия таможни в Кяхте во второй четверти XVIII в. в Сибири уже действовала сеть таможенных учреждений, о которых мы писали выше.

Управление финансами таможенных органов было в руках воевод и выборных местных властей¹. В сферу прямой ответственности воеводы не входил сбор пошлин, он должен был помогать в этом таможенному голове, которого, чаще всего, выбирали среди местных, но иногда посылали из Москвы. Порой полномочия воеводы расширялись, и он не только создавал необходимые условия для работы «головы», но и мог назначать его по своему усмотрению, а также целовальников, составлявших основной штаб таможни². Так их называли потому, что на службе они принимали присягу и целовали нательный крест. В сферу их обязанностей входили оценка товара и сбор пошлины. Один из целовальников назначался ларёчным, выполнявшим функции казначея. Они также делились на «ходячих» и «караульных». Задачей первых был сбор пошлины в торговых местах, а вторые охраняли таможенную избу. Работали в таможнях также дьяки и подьячие, занимавшиеся документацией.

Отделения таможенной службы Московского царства, а затем и Российской империи, обеспечивали контроль за товаром, перемещаемым через границу, взимали плату за провозимые товары и не допускали ввоза или вывоза запрещённых товаров, занимались в целом обслуживанием торгово-экономических отношений страны с теми государствами, на границах с которыми они функционировали. Так, в ведении Кяхтинской таможни находился контроль за развитием экономических связей с Китаем в российско-монгольском трансграничье. Она была основана в 1727 г., то есть фактически

¹ Савосина Н.Г. Особенности регулирования таможенно-торговых сношений на территории Забайкалья во второй половине XVII века // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 45.

² Блех И.И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб: Тип. Муллер и Богельман, 1895. С. 49.

одновременно с населённым пунктом. Важнейшими ее задачами были взимание пошлин и пресечение незаконного ввоза и вывоза товаров как на территорию Российской империи, так и за ее пределы. Примерно в это же время началось заселение Троицкосавска, расположившегося в трёх верстах от Кяхты. Здесь жил преимущественно купеческий люд, который открывал в слободе торговые фирмы, в Троицкосавске же находилась администрация. Единственное казённое учреждение, которое располагалось в Кяхте «и более как временное – это таможня»¹.

Таким образом, стремительное продвижение России на Восток в XVII в. привело её к столкновению с интересами Цинской империи. В силу различных обстоятельств, важнейшим из которых было расширение территории Московского царства к границам Китая, на протяжении длительного времени не удавалось установить устойчивые политические связи между странами. Но, несмотря на нестабильную приграничную обстановку, купцы обеих держав сумели спрогнозировать огромный потенциал сотрудничества, в связи с чем начали активно торговать друг с другом.

Специфика региона, отдалённого от центра и небезопасного для одиночных торговцев, предопределила два варианта торговых отношений в трансграничье. Первая модель обусловила развитие коллективной торговли путём караванных экспедиций в Китай, сначала по частной инициативе, которая затем была монополизирована государством. Вторая модель – контрабандная торговля – оказалась куда более распространенной. Ее активизации способствовали запретительные меры государства на продажу определенных товаров, в частности, пушнины.

Параллельно с развитием отношений с Китаем в России активно протекал процесс формирования и централизации таможенных структур государства. К моменту установления прочных политических и экономических соглашений между странами в приграничье одновременно с основанием торговой слободы

¹ Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1906. С. 24.

Кяхты была учреждена таможня, одной из важных функций которой должна была стать борьба с контрабандой.

2.2. Кяхтинская торговля в конце 1720-х – начале 1750-х гг.: причины роста контрабанды

Первый обмен товарами в Кяхте между российскими и китайскими купцами состоялся 25 августа 1728 г. Торговля в приграничье была только меновая. К концу года было закончено строительство Гостиного двора, где располагались 24 лавки, 24 амбара и 32 купеческие избы. Функционировала и таможня, но на тот момент только с одной заставой¹. С учреждением таможни появились и первые результаты её правоохранительной деятельности. В 1727 г. у одного купца на границе было конфисковано 15 тюков контрабандной пушнины².

В 1730 г. напротив Кяхты власти Цинской империи начали строительство собственного торгового пункта – Маймачена, откуда впоследствии китайские купцы вели дела с российскими партнерами. Но, как отмечали современники событий, торговля в Кяхте в первые годы шла слабо: «Купечество происходит с обеих сторон порядочно, токмо не весьма довольный торг, понеже китайских купцов и с товары их зело малое число, и, надуюсь, что против россиян и в полы не будет, а Российскому Империиу оной торг видно, что не весьма прибылен для малолюдства китайских купцов и их товаров»³. Больше всего торговле мешал запрет на вымен пушнины в Китай, кроме как караванным торгом. Это убивало мотивацию цинских торговцев приезжать в Кяхту, которым к тому же помимо мехов и предложить-то было нечего. И даже если какой-то русский товар вызывал интерес китайских купцов, торг проходил не в

¹ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 12.

² Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 262.

³ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 86.

пользу отечественного дельца, так как китайцы вели дела компаниями и заранее договаривались между собой о ценах, за которые будут покупать товар и продавать свой. Заметим, что подобную модель, в основе которой лежало бы частное компанейское начало в кяхтинской торговле изложил ещё в 1728 г. императору России рижский купец Саломон Самсон. Он предлагал для торговли с Китаем учредить компанию с внушительным уставным фондом, которую всячески поддерживало бы государство с помощью различных льгот. Однако это предложение реализовать не удалось, так как не доставало главных условий: «доверия между торгующими и капиталов»¹.

В кяхтинском форпосте был свой капитан, основной задачей которого было урегулирование малых ссор между купечеством и охрана границ, в связи с чем ежедневно совершался разъезд вдоль границы для пресечения попыток тайного вывоза товара окольными путями. Фамилия первого капитана в разных источниках отличается. По одному источнику, им был селенгинский пятидесятник Д. Шитанцуй², по другому – Ф. Княгинкин³, руководивший строительством крепости. Вероятнее всего оба они были одними из первых капитанов местного форпоста. В подчинении должностного лица находилось несколько десятков человек. Капитан собирал деньги с купцов за «постой в квартирах» торговой слободы по 30 коп. с человека в месяц. Так, согласно данным «шнуровой книги», в которой должен был отчитываться капитан, в 1730 г. было собрано 232 руб. 17 коп.⁴ Сбор таможенных пошлин осуществлял надзиратель, в подчинении которого находилось несколько служителей.

Гостиные дворы, где хранился товар кяхтинских купцов, из-за небольшого размера имели много неудобств. Вот что писали современники по этому поводу: «сего ради российское купечество принуждено товары свои

¹ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 36.

² Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 105.

³ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года. СПб: Военная тип. (в здании Главного Штаба), 1887. С. 147.

⁴ Там же. С. 105.

содержать по десяти человек в одной лавке с великим утеснением»¹. С другой стороны, купцам это давало возможность утаивать часть товара в общей неразберихе и не платить пошлины.

В 1730-е гг. Кяхта, как приграничное место торговли, «славилось» постоянными грабежами, многочисленными перебежчиками, убийствами и угонами скота. Чаще всего преступник, совершив незаконное деяние, просто переходил границу, что значительно усложняло его поиск и поимку. Самым распространенным видом преступления был угон скота, объёмы которого достигали десятков тысяч голов: «с 1738-1740 гг. китайцы требуют 55296 верблюдов и 462 штук рогатого скота, а русские – 53812 первых и 396 вторых»². Требования о выдаче перебежчиков, преступников и т.д. чаще всего становились поводом к закрытию торгового поста со стороны Китая.

Несмотря на все сложности, Кяхта развивалась. Агент казённого каравана и будущий вице-губернатор Иркутска Л. Ланг писал: «на Кяхте, как и прежде имелось купечество не малое, так и ныне оно довольно, и российских товаров весьма много завезено»³. Правда в этом же донесении Л. Ланг отмечал недостаток китайского предложения, из-за чего товары отечественных купцов «в гостином дворе лежат праздно», а в казне «чинится недобор» с пошлинных сборов. Такой перекосяк в российском предложении служил косвенным свидетельством того, что купцы, вероятно, использовали Кяхту не как место торговли, а как транзитный пункт для дальнейшей продажи товара в Китае на незаконном основании, из-за чего у китайских торговцев не было резонных причин приезжать для обмена в Кяхту.

¹ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 42.

² Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 48.

³ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762-й год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 235.

В январе 1731 г. правительство издало новый указ «О Российском караванном торге с Китайским государством»¹, призванный оптимизировать казённый торг и нанести удар в борьбе с контрабандой. В который раз государство угрожало «и за границу ни тайно, ни явно не отпускать» мягкую рухлядь, признавая существовавшую проблему избытка пушнины на китайском рынке: «дабы оный торг, через удержание излишней мягкой рухляди, таки привести в первое достоинство к государственной прибыли»². Согласно указу, менялся маршрут каравана: теперь он шёл напрямую до Пекина, минуя «мунгальские земли», поскольку до этого многие купцы продавали «свое добро», в том числе пушнину, в Урге, а уже оттуда товар направлялся в Пекин. Строже регламентировался товар, находившийся при караване. В учётной книге должны были быть прописаны все позиции, а караван вместе со всеми членами «экипажа» пристально осматривался на таможне. В случае обнаружения у кого-либо «партикулярного товара», причем не только мягкой рухляди, предмет изымался, а задержанный, «если он из нижнего чина», подвергался телесным наказаниям, «а ежели у самих Агента и его товарища, и Комиссара найдут, на них писать в Сибирский приказ»³. Несмотря на предпринимаемые меры, в 1734 г. Сибирский приказ отмечал избыток российских товаров, которые купцы не только променивали, но и продавали за монету, что тогда было строжайше запрещено: «как в России, так и в Китаях российские стали весьма дешевы оттого, что многие великороссийские купцы и их приказчики в Сибири мягкую рухлядь закупают и при границах продают и выменивают»⁴.

Упрочились положение Кяхты в качестве торговой слободы и ее роль в международной торговле благодаря корню ревеня. Еще в 1650-е гг. китайские купцы получили разрешение на продажу ревеня русским торговцам, но практически сразу же торговля целебным корнем закрепилась за государством.

¹ Сенатский «О Российском караванном торге с Китайским государством». 3 января 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 8. № 5666. С. 354.

² Там же. С. 354.

³ Там же. С. 357.

⁴ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 54.

Были непродолжительные периоды, например, с 1727 по 1731 гг., когда российским купцам разрешалось свободно покупать и продавать ремень, но в 1731 г. государство вновь вернуло себе монополию на торговлю этим товаром: «а партикулярным людям оным нигде не торговать, и для того им от сего времени отнюдь ни у кого не покупать»¹. После принятия закона ремень стал популярным контрабандным товаром в кяхтинском приграничье, в связи с чем в 1735 г. государство издало два указа – 15 июня² и 22 июня, в которых в очередной раз напоминало о суровом наказании за продажу ремня: «а ежели хоть фунт такого воровского ремня, где бы ни было у кого найдено будет ... Российские (подданные), не токмо отнятием всего имения, но смертную казнию»³. По мнению законодателей, объём контрабанды ремня составлял около 50 пуд.⁴ Помимо этого, регламентировалась мера наказания для чужестранцев в виде взыскания «немалого штрафа».

В 1736 г. в Иркутске началось строительство специального амбара для хранения ремня, куда был комиссован купец для закупки и сортировки ценного корня, а в феврале 1737 г. в Кяхту был отправлен караванный комиссар для покупки ремня у китайцев⁵. Данная затея оказалась крайне успешной, о чем свидетельствует отчёт: комиссару удалось выменять ремень на 1091 пуд. 20 ф.⁶ Отмечалось, что ценный корень иностранцы охотно выменивали на российские товары, благодаря чему «деньги за границу вывезены не будут». Ещё одним позитивным обстоятельством было то, что выменивали китайцы ремень на ту продукцию, которая не возилась караваном: «на вымен товары такие

¹ Сенатский «О восстановлении казенного торго ремнем». 8 апреля 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. № 5741. С. 450.

² Именной, данный Сенату «О запрещении вывозить ремень под опасением отписания в казну всего имущества». 15 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6749. С. 531.

³ Именной «О запрещении вывозить частным людям из Сибири ремень и отпускать за море, под смертную казнию». 22 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6750. С. 531.

⁴ Там же. С. 531.

⁵ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года. СПб: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1887. С. 156.

⁶ Именной, данный Сибирскому приказу «О вымене у иноземцев ремня на товары при Кяхтинском форпосте». 11 июля 1737 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7324. С. 217.

употреблены быть имеют, какие не отпускаются в караваны»¹. Для упрощения обмена в будущем, автор отчёта предлагал заключить контракты с китайскими купцами, чтобы они заранее указывали товары, на которые готовы выменивать ремень. Это позволило бы заблаговременно подготовить необходимый ассортимент товаров в требуемом объеме в Кяхте, чтобы не было никаких препятствий для последующей мены.

В 1736 г. правительство издало очередной указ, в основе которого лежали рекомендации Сибирскому приказу как следует оценивать партии залежавшихся товаров, в том числе китайских, и как их продавать. Одно из государственных наставлений сводилось к тому, чтобы продавать такие товары вместе с хорошими, одной партией. Если попадалась китайская ткань «с пробоинами и подмоклые, оные раскладывать по несколько с добрыми, и обще продать, дабы оные залежаться не могли»² и, соответственно, приносили бы казне хоть какие-то барыши. Но основным новшеством этого указа была утайка цены от купца, ведь теперь закон предписывал наносить на товар не его цену, а количество. Стоимость товара указывалась только на росписи, а её не могли знать даже служители таможен: «а таможенным служителям быть только у осмотра печатей и свидетельства товаров с накладною росписью»³. Вся эта секретность нужна была для того, чтобы купец при желании купить товар, узнавал цену «с той накладкою, кто что сверх того поддаст, а того, что на те товары накладки учинено, тем купцам отнюдь не объявлять»⁴.

В этом же году был издан указ о смертной казни иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова, обвинённого в незаконном обогащении. Одним из источников пополнения своего кармана в обход закона было утаивание товара от таможни: «Многие товары тайно через заставы к себе провозил, и в Москву

¹ Там же. С. 217.

² Сенатский «О правилах оценки и продажи привозимых в Сибирский приказ ясачных и десятичных товаров». 15 марта 1736 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 9. № 6916. С. 779.

³ Там же. С. 781.

⁴ Там же. С. 781.

отпускал»¹, для чего в своих корыстных целях использовал печать Иркутской канцелярии, ставя ее на нужные ему товары. Пришедший ему на смену А.Г. Плещеев через год также был отстранён от должности за взятки², из чего можно сделать вывод о том, что удаленность от имперского центра давала высшим должностным лицам Восточной Сибири ощущение безнаказанности, которую правительство пыталось пресечь суровыми наказаниями, а одним из источников нелегального пополнения кармана чиновников служило пособничество приграничной контрабанде.

Помимо торговли приграничной, была и караванная, которая с каждой очередной экспедицией в Китай становилась всё менее рентабельной. Прибывшие в 1736 г. в Пекин купцы в очередной раз обнаружили, что здесь в три раза больше мехов, завезённых с российской границы контрабандным путём, чем в караване³. Правительство отреагировало на это с задержкой в три года, издав в 1739 г. два закона, призванных реанимировать караванную торговлю. Первый из них был принят 12 сентября и вновь запрещал продажу мягкой рухляди частными лицами, в очередной раз напоминая, что от избытка предложения пушнины на пекинском рынке «в казённом нашем торге великое чинится помешательство и убыток»⁴. Второй закон, принятый 21 сентября 1739 г., отменял казённый караванный торг. Вместо него была учреждена Китайская компания, в состав которой должны были войти знатные купцы, пожелавшие внести свои средства в общий капитал⁵. Де-юре караванный торг передавался в частные руки.

Попытку создать первую компанию после обнародования указа предпринял Л. Ланг, назначенный в 1739 г. вице-губернатором Иркутска. В

¹ Именной «О учинении смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки». 9 июля 1736 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 9. № 7009. С. 876.

² Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времён до 1762 года. СПб: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1887. С. 161.

³ Именной «О запрещении Российским подданным торговать разною мягкою рухлядью в Пекин и в прочих местах, подвластных Китаю». 12 сентября 1739 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7895. С. 895.

⁴ Там же. С. 896.

⁵ Именной «Об отмене Китайского караванного казённого торга». 21 сентября 1739 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7906. С. 908.

предложенном им проекте предполагалось создание банка с капиталом в 2 млн руб. посредством выпуска акций, которые стоили бы 300 руб. за штуку¹. Вступить в компанию могли все желающие купцы. Генерал-директор избирался путём голосования из числа тех, у кого было больше 10 акций. Конторы компании располагались бы в Москве, Санкт-Петербурге, Тобольске и Иркутске. Согласно проекту, у компании была монополия на торговлю не только в Китае, но и на границах. Предполагалось, что взамен этого она выкупала бы всю пушнину, получаемую в Сибири, и выплачивала пошлину в размере 20 % от стоимости товара как привозимого, так и вывозимого из Китая. Компания также должна была следить за приграничной торговлей, ведь к ней были бы допущены только её члены: «общий компании интерес в наивеличайшем смотрении состоит, чтоб никто секретные торги не имел»². Проект был одобрен императрицей Анной Иоанновной, но инициатору не удалось найти компаньонов. Учитывая, что в будущем было сооружено ещё несколько казённых караванов в Пекин, можно сделать вывод, что попытка передачи централизованного торгового дела в частные руки провалилась.

Караванный торг, сформировавшийся ещё до подписания официальных договоров, терял свою актуальность и в условиях расширения приграничного торгового оборота с Китаем приносил убытки как казне, так и частным дельцам. Но на осознание этого российское правительство потратило слишком много времени, поскольку в ту пору сотрудничество с Цинской империей не входило в число первоочередных геополитических интересов России в Азии.

В 1740-е гг. российско-китайские отношения в кяхтинском приграничье вновь обострились. Поводом к этому стало нашедшее убийство двух китайских подданных в Маймачене солдатом Ефимцевым и дьячком Сажиним. Это происшествие, случившееся в 1742 г., послужило поводом для закрытия торгового оборота на целое десятилетие, так как российская сторона затягивала суд над двумя провинившимися и не казнила их, как того требовала китайская сторона.

¹ Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. 3, кн. 2. СПб.: При Императорской Академии наук, 1785. С. 242.

² Там же. С. 250.

В 1753 г. торг в очередной раз был закрыт, когда было поймано несколько китайских подданных, пытавшихся тайно через Кяхту провезти водку. При обыске у них также были найдены медные монеты на 90 коп¹. Когда селенгинский комендант потребовал их наказания, то дзаргучей отказался исполнять требования российской стороны, сославшись в том числе на дело Ефимцева и Сажина, которых до сих пор не казнили.

Значительные изменения в кяхтинской торговле начали происходить в середине XVIII в. Важные законопроекты, принятые в это время, внесли свои коррективы, став катализатором становления Кяхты как центра русско-китайской торговли, а не просто приграничной слободы. Началось всё с того, что в 1741 г. Кяхта впервые стала местом для остановки казённого каравана, директором которого был назначен Ерофей Фирсов. Это способствовало притоку капитала в городок и упрощало маршрут торговой экспедиции, который до этого останавливался в Цурухайтуе и Нерчинске. По этому поводу Л. Ланг ещё в 1731 г. писал следующее: «Место Цурухайту имеет положение со всех сторон чистое поле ... так что на содержание человеческой жизни, кроме воды и воздуха, ничего там получить не можно»². Неудобное географическое положение слободы стало причиной того, что сюда купцы практически не приезжали. Так, после прибытия каравана под руководством Л. Ланга в Цурухайтуй «товары были сложены в чистом поле всякой погоде подверженном и лежали оные 2 месяца»³ из-за того, что сюда никто приезжать со своими товарами для мены не хотел. Два последующих каравана, сооруженных после 1741 г., останавливались в Кяхте.

В 1743 г. вступил в силу еще один указ, укреплявший позиции Кяхты. Согласно закону, воспрещался ввоз китайских и «подобным оных индийских товаров» через европейскую границу России. В пояснении к указу отмечалось:

¹ Трубевиц Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Типография Т. Малинского, 1882. С. 51.

² Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 200.

³ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 199.

«а ныне усмотрено, что те Китайские товары из разных европейских мест начали вывозить в Санкт-Петербург, от чего соседственной Китайской с Россией торг, не токмо с помешательством, но и с великим убытком происходит»¹. Примечательно, что российские купцы сами выступали продавцами китайских товаров на европейских рынках и получали от этого большую прибыль.

В этом же году правительство на льготной основе начало стимулировать переселение людей в Кяхту и освоение расположенного рядом Троицкосавска. Согласно закону, принятому 13 декабря 1743 г., было разрешено для бытовых нужд рубить лес, произрастающий в 5–10 верстах от Кяхты. На строительство жилого посёлка выделялось место – «на строение дворов, заводов и огородов, так и на скотский выпуск»². Но самым важным было то, что новоиспечённым переселенцам давались «кредитные каникулы»: они освобождались от уплаты подушной и прочих податей, от рекрутских наборов на 5 лет. Коснулся указ и деятельности кяхтинской таможни. Во-первых, слобода должна быть обнесена надолбами «по примеру тому, как и около Москвы от таможни учинено»; во-вторых, ворота при въезде и выезде теперь охранялись таможенной заставой «дабы товаров беспошлинно не провозили»; в-третьих, судебные разбирательства, согласно указу, проходили в здании таможни³.

Однако контрабандная деятельность в кяхтинском приграничье продолжалась и принимаемые государством меры никак не меняли ситуацию. Корень проблемы по-прежнему крылся во всемерном поощрении государством караванной торговли в ущерб кяхтинской приграничной. Монополия на продажу пушнины в Китай только через караван медленно убивала казённый торг, а также служила препятствием частным купцам, становившимся основными участниками незаконного ввоза-вывоза товаров через границу. Тем

¹ Сенатский «О воспрещении ввоза в Россию Китайских и подобных оным Индийских товаров из Европейских государств, как морем, так и сухим путём». 5 декабря 1743 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 11. № 8828. С. 955.

² Сенатский «О населении посада при Кяхтинском форпосте». 13 декабря 1743 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 11. № 8833. С. 961.

³ Там же. С. 961.

не менее, поток контрабандных товаров в обход интересов казны вероятнее всего не прекратился бы, даже при условии отмены монополии государственного каравана на продажу пушнины. Проблема контрабанды в кяхтинском приграничье являлась более комплексной, но становлению Кяхты как экономического центра взаимоотношений России и Китая она явно мешала сильнее прочих.

В 1744 г. с промежутком в один месяц были изданы очередные указы, которые были направлены как на борьбу с контрабандистами, так и на укрепление позиций кяхтинского торга. В первом законе, опубликованном 11 января, устанавливалось «для предосторожности от тайного провоза товаров, по Китайской границе между реками Чикоем и Селенгою сделать ров и при нём надолбы»¹. В местах, где сделать ров не представлялось возможным, закон предписывал ставить надолбы, а в лесных местах – засеки.

20 февраля того же года был издан указ, согласно которому в Кяхтинской крепости необходимо было сделать «особливое клеймо» и ставить его на товарах, прошедших через кяхтинскую таможенную, а «не на бумажке ж»². Особо оговаривалось, что если китайские товары при осмотре на таможне не будут иметь этой печати, «то уже стало быть тайнопривозные и беспошлинные»³. При отсутствии клейма товар конфисковывался, а контрабандист подвергался жестокому наказанию: «бить кнутом нещадно, дабы всеконечно то воровство пресечено было вовсе»⁴. Клеймо на товар могли ставить только на Кяхтинской таможне, что подтверждает значимость российско-китайской торговли и ключевую роль Кяхты в этом процессе.

¹ Сенатский «О сделании о Китайской границе, между реками Чикоем и Селенгою, рва и надолбов, для предосторожности от тайного провоза товаров». 11 января 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8852. С. 3.

² Сенатский «О сделании при Кяхтинском форпосте и при Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской Таможнях, обособливых клейм для печатания товаров; о приложении печатей сургучом на самих товарах, а не на бумагах; о неторговании на заводах Демидова при Екатеринбургe ничем, кроме харчевых припасов, и о не продавать Китайских товаров, без клейма». 20 февраля 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8875. С. 26.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 28.

Клеймение китайских товаров осложнило жизнь контрабандистов, но не прекратило нелегальный ввоз-вывоз товара, следствием чего стал избыток предложения товаров из-за чего цена на них существенно сбивалась. Кроме того, сказывалась конкурентная борьба, которую навязывали крупным купцам мелкие, с оборотом от 100 до 400 руб. Секретарь Приказа иркутских экономических дел Броннан отмечал, что мелкие купцы, постоянно торгующие в приграничье, создают избыток предложения, из-за чего «торгу настоящим купцам повреждение, а в сбор в казну уменьшение чинится»¹. Его предложение о запрете приграничной торговли «ненастоящим» купцам получило отказ, так как Кяхтинский таможенный комиссар Кондратов предоставил сведения о том, что такие торговцы «в казну её Величества пошлину платят немалую сумму»: за неполный 1748 г. с торговцев, оборот которых не превышал 400 руб., было собрано 4481 руб. таможенных сборов, а с тех, у кого объём торговли составлял больше 400 руб. – 38 тыс. руб.² Идея Броннана о недопуске к торговле мелких купцов в Кяхте не кажется непродуманной попыткой вытеснения конкурентов в интересах крупных предпринимателей, поскольку китайцы при продаже и покупке товара действовали организованно, заранее согласуя между собой цену, в то время как российские дельцы конкурировали друг с другом, тем самым сбивая стоимость своих товаров. Кроме того, многие купцы приезжали в Кяхту издалека, оставаться надолго в далеких краях они не могли, поэтому вынуждены были отдавать свой товар на тех условиях, которые им предлагали китайцы³.

В 1750-е гг. препятствий для развития кяхтинского торгового становилось всё больше, так как положения Буринского и Кяхтинского договоров часто не соблюдались обеими сторонами. И дело было не только в перебежчиках и преступниках, которых каждая из сторон старалась не выдавать, но и в новом

¹ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 232.

² Там же. С. 233.

³ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 63.

обустройстве таможен в России. С 1 апреля 1754 г. вступил в силу правительственный указ, упразднивший внутренние таможи и большинство внутренних таможенных сборов. Но поскольку прогнозируемый дефицит в казне нужно было чем-то покрывать, делалось это за счёт повышения приграничных тарифов: «все таможи, имеющиеся внутри государства уничтожить, и как им не быть, так и вышеписанного сбора не собирать, а ту сумму собирать в портовых и приграничных таможах, с привозного и отвозного товара внутренние пошлины единственно по 13 копеек с каждого рубля»¹. Данный закон, однозначно способствовавший формированию единого внутреннего рынка в России, в кяхтинском приграничье давал больше поводов купцам задуматься о нелегальном ввозе или вывозе своего товара из-за повышения пошлины.

Ещё до вступления закона в силу, в 1753 г. из-за очередного кризиса на границе было организовано «свидание» селенгинского коменданта В. Якоби, который часто исполнял поручения дипломатического характера, с дзаргучеем Маймачена, где стороны изложили претензии друг к другу. Примечательна причина недовольства китайской стороны: «пошлину по трактату здесь на границе брать не велено, а с Российской стороны с купцов пошлина берётся». Причём дзаргучея не устраивал не сам факт сбора пошлины, из-за которой стоимость товара повышалась для китайских дельцов, а место сбора подати – «прямо на границе». Он предлагал «буде не можно отменить, то б то взятие пошлин поручить хотя брать в Троицкой крепости, или в Селенгинске»². Данное требование китайской стороны, хоть и имело под собой основания, вызывало определённые трудности для российской стороны, поскольку чем дальше от границы располагалась таможня, тем легче её можно было обойти. Масло в огонь добавляли различные приграничные происшествия. Так, 3

¹ Именной «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». 1 января 1754 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 13. № 10164. С. 947.

² Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 239.

декабря 1753 г. в слободе были задержаны двое китайцев, пытавшихся пронести под платьем шкуры двух камчатских бобров и 120 черных белок¹. Товар задержали, а самих контрабандистов отпустили с требованием наказать их по усмотрению китайской стороны. Торговля вновь была закрыта, правда на непродолжительное время. В. Якоби также подозревал, что в контрабандных схемах русских купцов принимали участие китайские подданные. Вот что он писал по этому поводу: «Китайские купцы к Российским людям, по общему договору, выносили от себя и отдавали нашей торговой слободе за палисадом запрещённые Указами: табак, вино и прочие товары». Взамен там же «за палисадом» забирали мягкую рухлядь, «не облагороженную пошлиной»². Обеспокоенность Якоби была обоснованной, поскольку пункт 4 Кяхтинского трактата подразумевал свободную торговлю между купечеством в торговых слободах «ограждённых палисадом», а всё что происходило за ним, можно было классифицировать как незаконный торг. «Кяхтинские палисады», по мнению Х. И. Трусевича, были местом ежедневной тайной торговли: «недаром смеялись китайцы, что откупщики осматривали здесь мужчин до-нага, и в платье, и в обуви, а женщин – под подолами и в пазухе»³.

Несмотря на сложную обстановку, а также активную деятельность контрабандистов, кяхтинская таможня ежегодно докладывала об увеличивавшихся сборах. В 1752 г. было собрано 48411 руб. различных пошлин, а в 1753 г. – уже 52311 руб.⁴ К середине XVIII в. кяхтинская таможня начала выделяться среди прочих. Об этом свидетельствует штат казённого учреждения, в котором числилось больше всех сотрудников среди других приграничных с Китаем таможен. Согласно указу «О назначении чиновников и канцелярских служителей в пограничную Китайскую таможню» от 23 августа

¹ Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Типография Т. Малинского, 1882. С. 51.

² Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 242.

³ Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 262.

⁴ Там же. С. 241.

1754 г. штат Кяхтинской таможни состоял из 24 сотрудников: директора, цолнера (осуществлял практическое руководство таможней и отвечал за таможенные сборы перед Коммерц-Коллегией), бухгалтера, двух канцеляристов (в обязанности которых входила самостоятельная подготовка проектов документов), четверых копиистов (лица, отвечавшие за составление копий документов), переводчика, двух сторожей, четверых ларёчных и восьми целовальников¹. В пояснении отмечалось, что цолнера назначал главный магистрат Московского купечества, при этом оговаривалось «своей охотой туда ехать пожелал, а неволею не определять и не посылать». Бухгалтера в кяхтинскую таможню выбирал Сибирский приказ «по своему рассмотрению, достойных». До этого цолнеров назначали воеводы, и такое «теплое местечко» привлекало множество подозрительных личностей. К примеру, в 1730-е гг. иркутский воевода продавал место цолнера не меньше чем за 300 руб., на что явилось несколько соискателей, которые заплатили назначенную сумму и каждого из которых воевода устроил на должность². Служащим, командированным в Кяхту, тому же цолнеру, выделялись деньги для прибытия на место работы из Сибирского приказа за счёт Кяхтинской таможни³. С 1756 г. в связи с болезнью Романа Пятова, который был назначен директором двумя годами ранее⁴, и не способностью исполнять свои обязанности «от чего уповательно в делах не без упущения быть может»⁵, Правительствующий Сенат принял решение, «чтоб беспомешательное исправление дел всегда происходило, и какого бы упущения, в случае болезни Директора не последовало» назначить второго. Первым вторым директором был выбран Еремей Владыкин, отличившийся до этого тем, что руководил шестым по счёту казённым караваном в Китай.

¹ Сенатский «О назначении чиновников и канцелярских служителей в пограничную Китайскую таможню». 23 августа 1754 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. №. 10281. С. 199.

² Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 264.

³ Там же. С. 201.

⁴ ГАЗК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁵ Сенатский «О бытии в Кяхтинской таможне двум Директорам». 8 марта 1756 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. № 10520. С. 522.

Таким образом, конец 1720-х – начало 1750-х гг. стали временем становления Кяхты и превращения ее в центр русско-китайской торговли. Одновременно повышались роль и значение Кяхтинской таможни. Приоритеты российского правительства неспешно смещались с караванного торгового приграничного, чему в немалой степени способствовал широкий размах контрабандной деятельности отечественных купцов, отражение которого мы находим не только в воспоминаниях современников, но и в документальных источниках. Однако не только монополия государства на продажу самого востребованного товара – пушнины – стала причиной процветания в кяхтинском приграничье контрабанды. Существовали и другие факторы, в частности, ещё несформировавшаяся сеть застав вдоль границы, а также коррумпированность сотрудников таможни, что облегчало процесс тайного провоза товара. Свою роль играла и отдалённость региона от центра, чем пользовались вышестоящие чиновники, вплоть до вице-губернаторов, испытывавших ложное чувство безнаказанности. Используя служебное положение, они находили разные способы личного обогащения, в том числе потворствуя приграничной контрабанде. Неудивительно и то, что основными участниками тайного провоза становились купцы. Сказывались, с одной стороны, «квота» в 200 человек на караванные экспедиции в Китай, из которых больше половины составляла стража, с другой стороны, не очень соблазнительный приграничный торговый обмен в Кяхте из-за своего менового характера и запрета торговли наиболее ходовыми товарами – не только мехами, но и драгоценными монетами и ревенем. Несмотря на все обстоятельства, экономическая жизнь в приграничье развивалась. Это подтверждают размеры торговых оборотов и сбора пошлин. Правительство Российской империи посредством законодательного регулирования уделяло развитию Кяхты всё большее внимание.

2.3. Кяхтинское приграничье во второй половине XVIII в.: незаконный товарный оборот в обстановке торговых кризисов

В 1755 г. вступил в силу новый Таможенный устав, основу которого составляли положения о регулировании внешней торговли. Крупные российские дельцы, обеспокоенные возросшей конкуренцией иностранных купцов, с одной стороны, и государство, «получавшее значительные доходы от обложения негоциантов»¹, с другой, требовали комплексного подхода к развитию данной сферы. На этот раз торговле в Сибири и в приграничных от Верхотурья слободах уделялась не пара слов, как это было в Новоторговом уставе, а целая двенадцатая глава. Предписывалось облагать импортируемые китайские товары из расчета 23 копейки с каждого рубля их полной стоимости. Такая сумма складывалась из двух частей: «брать пошлины при пограничных таможах с каждого рубля, вместо збираемой прежде десятой в натуре ныне деньгами» и внутренней «сверх того по тринадцати копеек (с рубля)»². С российских купцов, провозивших свой товар через Верхотурье в Сибирь для дальнейшего их вымена на границе, пошлина бралась только в приграничных таможах и составляла теперь 18 коп. с рубля³.

Были закреплены меры по противодействию «тайнопривозных» товаров. Детально была описана процедура печати и клеймения, согласно которой у каждой сибирской таможни было своё клеймо и «класть те печати чернильные или из краски, которые составляте на масле, а сургучем не печатать»⁴. Устав также поощрял доносы таможен о случаях утайки пошлины. Если такой товар благодаря доносителю конфисковывался, то ему причиталась половина, за которую он должен был заплатить пошлину⁵.

¹ Плотникова А.В., Ноздрин И.О. Результаты таможенной реформы 1753-1757 гг. и их влияние на развитие торговых сношений // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 45.

² Таможенный устав 1755 года. СПб: Печ. при Сенате, 1755. С. 17.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 9.

Организационно, как и другие таможи империи, кяхтинская находилась в подчинении Коммерц-Коллегии¹. Из Сибирского приказа новоиспечённым директорам кяхтинской таможни высылались инструкции о том, как надлежало поступать при исполнении обязанностей². В 1754 г. подобную инструкцию, состоящую из 37 пунктов, получил директор Пятов. В ней подробно были прописаны его должностные полномочия и особенности работы самой таможни. Директор не должен был вмешиваться в приграничные дела и конфликты, так как это была зона ответственности бригадира. Директор получал широкие полномочия в борьбе с контрабандой. Четвёртый пункт гласил: «и ежели для предосторожности рассудится вновь ещё заставы учредить и другие ко всеконечному тайного проезду пресечению предосторожности восставить, оное исполнить вам по своему рассмотрению без всякого медления»³. Одной из важнейших задач директора таможни был строгий контроль и учёт товаров, оказавшихся в торговой слободе, дабы «от пошлины не могло быть утаено». Согласно инструкции, весь товар сначала поступал в Гостиный двор, затем он складывался с возов в специально подготовленные лавки и амбары, где шла тщательная проверка при участии самого директора. На следующем этапе товар сличался с росписями и списками, а иностранный проверялся на предмет наличия пограничных клейм. В случае, если таковые не находили или списки не совпадали с реальным количеством, то товар конфисковывался. Если же всё совпадало, то иностранные товары допускались к мене без выплаты пошлины, а российские получали клеймо кяхтинской таможни и после оценки и выплаты пошлины допускались к продаже. Директор был обязан контролировать все стадии и не допускать несправедливой расценки товаров со стороны целовальников, чтобы «пошлинному сбору «не могло быть умаления», ведь именно от оценки товара зависела сумма таможенного сбора. Помимо этого, отпускаемый с Кяхты товар

¹ Регламент Коммерц-Коллегии // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 7. № 4453. С. 243–246.

² Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах. М.: Университетская тип. Н. Новикова, 1785. С. 286.

³ Там же. С. 288.

должен был получить таможенную печать и после этого сопровождался под строгим наблюдением до Троицкой заставы. Не всем позволялось находиться в торговой слободе, например, крестьянам и ремесленникам вход был закрыт. Вместо купца товар на территории слободы мог сопровождать доверенный приказчик, если он имел соответствующее письмо от дельца.

Несмотря на поступательное развитие приграничной торговли, о чём, к примеру, свидетельствуют данные по таможенным сборам в Кяхте – в 1755 г. было собрано пошлин на сумму 193 тыс. руб.¹ (в 1753 г. – только 52 тыс. руб.) – её потенциал по-прежнему ограничивался существовавшим караванным торгом и его монополией на продажу пушнины. Однако к концу 1750-х гг. тенденция начала меняться. В 1755 г. был сооружён последний казённый караван в Китай. 5 сентября торговая экспедиция прибыла из Пекина в Кяхту. Еремей Владыкин в «доношениях» к Правительствующему Сенату отмечал, что прием и содержание каравана в Пекине были посредственны, хотя сама торговля оказалась успешной: «но в платеже китайцами денег немалое встречалось ему затруднение и неудовольствие»². Причиной нерадушного приёма российских купцов стала начавшаяся в 1755 г. война Цинской империи с Джунгарским ханством. Это подмечал сам Владыкин, считавший, что из-за перехода части джунгар в китайское подданство, на русских купцов смотрели как на неприятелей, «чуждаясь во всём и опасаясь». Вероятно, китайская сторона видела в караванных купцах разведчиков, собиравших информацию о начавшейся войне, тем более что для кяхтинского приграничья это было делом обычным – использовать торговцев для рекогносцировки потенциального врага.

Сложной была обстановка и на кяхтинском участке границы. В конце июля 1756 г. торг вновь был приостановлен, на этот раз на три месяца. Причина заключалась в том, что стоявший у пограничных ворот солдат Матвей Юдин,

¹ Казанцева Н.Г. Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торго (на примере Забайкальского района) // Гуманитарный вектор. 2017. Т.12. № 4. С. 8.

² Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 262.

отнял «запас муки, вместе с кренделями» у китайца, заподозрив, что он в мешке с мукой несёт серебряные монеты¹. После конфискации продовольствия стражник ещё и нанес побои нерадивому контрабандисту. Расследование, проведённое приграничными чиновниками, конструктивного результата не дало. Стороны обменялись обоюдными обвинениями в нарушении пунктов договора.

В 1757 г. война с Джунгарским ханством коснулась непосредственно России, когда один из воевавших с Китаем тайшей – Амурсана, бежал в Тобольск, где принял российское подданство вместе с четырьмя тысячами своих подчинённых. В том же году он умер от оспы². Нежелание российской стороны выдать тело Амурсаны, которое китайцы хотели публично опозорить, «выставив их (кости Амурсаны) на пограничных столбах для посрамления и надругательства по всей Великой и Чистой Империи»³, настолько осложнило отношения между странами, что для устрашения России Цинская империя начала развёртывать войска ближе к границе, закупать скот и демонстративно готовиться к вооружённому конфликту.

В этой ситуации соорудить новый казённый караван казалось небезопасным, но, с другой стороны, был продолжен кяхтинский торг, правда по-прежнему с периодическими остановками, причиной которых становились уже обыденные приграничные тяжбы. Таковая случилась в 1759 г., когда кяхтинские караульные отняли у китайцев «тайно принесённые мерлушки, муку, соль и мясо», из-за чего на 11 дней торговля вновь была закрыта⁴. Подобные санкции с китайской стороны отнюдь не помогали наладить в приграничье честные, а, главное, стабильные экономические связи между странами, из-за чего возобладали другие формы торговли, в первую очередь

¹ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 249.

² Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 91.

³ Там же. С. 92.

⁴ Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 54.

теневые. Доходило до того, что межгосударственная торговля на какие-то периоды замещалась контрабандной, в которой участвовали монгольские купцы в Маймачене в качестве посредников. В неё были вовлечены даже высшие светские и духовные чины Монголии. Масштабный объём теневой приграничной торговли подтверждают и цифры. По некоторым данным, в 1760 г. оборот контрабандных операций составил 1 млн 358 тыс. руб.¹, в то время как объём кяхтинской торговли в период с 1757 по 1764 гг. – 5 млн. 662 тыс. руб.² Высокая стоимость товаров, вовлеченных в нелегальный оборот подтверждается следующим фактом. Одной из существенных статей дохода Кяхтинской таможни было то, что вся изъятая у купцов пушнина продавалась на границе китайцам и приносила существенную прибыль в казну. Это подтверждает указ иркутского магистрата по поводу задержания у купца Бечевина камчатских бобров: «за них, ежели оные на Кяхте китайцам продать, можно вдвое взять для казённой прибыли»³.

В 1758 г. директор кяхтинской таможни Р. Пятов докладывал в Сибирский приказ о невозможности пресечения контрабандной торговли. В качестве основных причин он указывал огромные расстояния между таможенными заставами и то, что на этих заставах «сидят братские иноверцы», которые сами участвуют в тайном провозе. Кроме того, надолбы, установленные по указу, теряли свою функциональность, так как «в некоторых местах прогнили, а другие сгорели». Отмечал он также и коррумпированность сотрудников самой таможни, приводя в пример пограничного комиссара Игумнова, жившего в 40 верстах от кяхтинского форпоста: «там весьма многие люди свободно проезжают и скот прогоняют, также и провиант отпускают, и драгоценная мягкая рухлядь как оттоль, так и с Кяхты потаённо за границы

¹ Кириллова С.В. Беспощинная и контрабандная торговля России с Китаем и Монголией в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 139.

² Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 81.

³ Там же. С. 68

выходит»¹. Проанализировав сложившуюся ситуацию, директор таможни предлагал разрешить продажу недорогой мягкой рухляди частным купцам, что не нанесет существенного вреда караванному торгу и даст возможность «настоящим купцам» перейти от теневых продаж пушнины к облагороженной пошлиной.

В начале 1760-х гг. правительство выразило обеспокоенность объёмом контрабандной деятельности по всей стране, в связи с чем начала работу вторая по счёту «Комиссия о Коммерции»², которая, в числе других задач, изучала пути и различные способы провоза товара контрабандистами. Было выявлено, что многие купцы договаривались с начальниками приграничных таможен об уменьшении сборов, а если у них это не получалось, то дельцы переходили с товаром на другую таможню в поисках более сговорчивого начальника³. Помимо этого, комиссия работала над проектом нового таможенного тарифа, так как принятый в 1757 г. оказался не очень удобным в практическом применении. Согласно ему, товары облагались преимущественно тремя пошлинами, «из коих одна взималась в металлической валюте, две же остальные ходячими деньгами»⁴, что вызывало затруднения при расчётах и создавало лишнюю напряженность между фискалом и купцом. Итогом работы Комиссии стал принятый в 1766 г. новый Таможенный тариф, который никоим образом не коснулся Кяхты, так как распространялся на западные таможни. Кяхтинская таможня руководствовалась при сборе пошлин Сибирским тарифом, принятым в 1761 г.⁵ и не подвергавшемся значительным изменениям вплоть до 1800 г.

¹ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах. М.: Университетская тип. Н. Новикова, 1785. С. 305.

² Сенатский «Об уничтожении состоящей при Сенате Комиссии о пошлинах, и о учреждении, вместо оной, Комиссии о Коммерции». 9 октября 1760 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 15. № 11117. С. 527.

³ Минаева Т.С. Проблема контрабанды в таможенной политике России XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 6. С. 37.

⁴ Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб: Типография В.С. Балашева, 1886. С. 110.

⁵ Тариф «О сборе пошлин в Сибирских пограничных Таможнях с привозных и отвозных товаров». 31 мая 1761 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 15. № 11260. С. 722.

Согласно тарифу, большая часть пошлин с товаров определялась весом и количеством, тогда как ранее взималась исходя от цены. В тарифе был представлен довольно обширный список запрещенных как для ввоза, так и для вывоза товаров. Реестр заповедных к ввозу из-за границы товаров включал ремень, шар табак (так называли табак, привозимый из Китая), «медные пятикопеечники», различную алкогольную продукцию, скипидар, мышьяк, соль и др. Номенклатура недопустимых к отпуску за границу товаров была более обширной: меха (до 1762 г.), золото и серебро, а также монеты из этих металлов, порох, свинец, пушки, ядра, фитиль, винтовки, лошади, льняная пряжа, поташ (калийная соль, необходимая при производстве стекла и мыла, обработке кожи, окрашивании тканей), различная кожаная продукция и др.¹ Этот список не подвергался значительным изменениям до начала XIX в., когда кяхтинская торговля начала регулироваться отдельным Кяхтинским тарифом, а не общим Сибирским. Тариф предписывал таможенным служащим внимательно следить за ценой товаров, которую указывали купцы при прохождении таможни. Поскольку на некоторые виды товаров пошлина рассчитывалась исходя из цены, купцы могли занижать цену своей продукции, чтобы уменьшить налоговое бремя. При установлении факта махинации таможенные служащие забирали всю партию товара у купца, пока тот не заплатит штраф, равный пошлине по тарифу, к которому прибавлялась надбавка в размере 20%².

Следующая веха в развитии кяхтинского приграничного торгового дела наступила в 1762 г., когда произошло два важных события. Во-первых, в этом году правительство наконец дало разрешение на продажу пушнины в Китай частным лицам: «и всеми теми товарами торги производить, и за границу с платежом по Тарифу пошлин отпускать всем невозбранно»³. Казалось бы, теперь были

¹ Приложение к тарифам по Азиатской торговле // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 45: Книга тарифов. С. 1–3.

² Там же. С. 2.

³ Именной, состоявшийся в Сенате «о разных постановлениях касательно торговли». 31 июля 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 16. № 11630. С. 32.

созданы все условия для расцвета кяхтинской торговли, но возникшая в конце 1750-х гг. напряженность на границе и постоянные обвинения в нарушениях пунктов кяхтинского трактата с обеих сторон привели к тому, что с апреля 1762 г. Цинская империя закрыла торг, а через два года выслала всех купцов из Маймачена, куда вместо них были переселены военные. Отличалась данная санкция от предыдущих и тем, что формально торговля была заморожена на 7 лет. Обороты торговли до закрытия торгового пункта представлены в таблице (табл. 2). Ещё одним мотивом для закрытия торгового пункта в Кяхте служило и то, что Китай стремился перенести место торговли в Ургу, которая для «Срединной Империи» располагалась очень удобно, находясь в центре района «с многочисленным и разнообразным спросом и предложением, в виду чего сюда и съезжались купцы многих стран, подвластных самому Китаю и даже России»¹. В этом же году китайского дзэргучея и нескольких купцов арестовали в Маймачене за контрабанду, к тому же губернатора провинции «отвезли в Пекин с петлею на шее; их караульщики известны были за первых тайноторговцев»².

Проблема тайного провоза товаров через границу могла быть менее явной, если бы обе стороны пытались сотрудничать по данному вопросу, но сложившаяся ситуация была обратной. Как отмечал Х.И. Трусевич: «При таком порядке вещей, не было не только неконтрабандного предмета, но едва-ли и человека, который не занимался бы тайным провозом товаров, искоренители этого зла по обязанности были первыми его участниками»³.

¹ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 94.

² Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 263.

³ Там же. С. 265.

Обороты кяхтинской торговли в период с 1757–1762 гг. (в руб.)¹

Годы	Продано российских и иностраных	Обменено китайских	Общий оборот торговли	Поступило пошлин
1757	421878	418810	840688	147215
1758	525999	511071	1037070	178876
1759	718145	698985	1417130	230481
1760	699940	658331	1358271	238155
1761	391469	619598	1011067	230840
1762*	101643	37672	139315	-

* Данные за 1762 г. неполные из-за закрытия торго.

Представленные сведения демонстрируют, что обороты торговли хоть и были высокими, но не имели стабильности. За два года, с 1757 г. до 1759 г., объёмы торговли выросли на 68%, после чего начали снижаться. Значительный спад торгового оборота в 1761 г., по сравнению с предшествующим, составивший около 26%, не привел к такому же снижению объёмов поступивших пошлин. Объясняется это тем, что в 1761 г. вступил в силу Сибирский тариф, повышавший размер пошлин с китайских товаров.

Одной из причин недоверия обеих сторон друг к другу оставались нерешенные вопросы по положениям ранее заключенных договоров. Взимание пошлин Кяхтинской таможней на границе, считал В. Якоби, служило основной причиной закрытия торго. Китайская сторона считала это нелегитимным, поскольку согласно Кяхтинскому трактату «никакая же пошлина ниже от продающих ниже от купующих возьмётся». Де-юре, таможня не могла заниматься своей основной деятельностью – налоговым сбором с товаров. Договор, составленный в то время, когда российское правительство считало приоритетным караванный торг, не предусматривал высокой экономической активности в приграничье. Данное обстоятельство сильно заботило китайских подданных, понимавших, что из-за таможенных сборов увеличивалась цена на товар. Маньчжурские вельможи писали Богдыхану в докладе: «В

¹ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 18.

дружественном трактате, прежде заключенном между Нашим и Российским Государствами, было постановлено при производстве подданными обоих Государств взаимной между собою торговли, не брать с них пошлин обоим Государствам. Но как причиною закрытия торговли было возвышение цен на вещи от того, что Российское Государство, гоняясь за корыстию, брало со своих подданных великие пошлины»¹.

В условиях, когда торг формально был закрыт, российское правительство стремилось его продолжить, но уже тайно. В этом ему способствовали налаженные ранее связи с монгольскими купцами и чиновниками, через которых теперь шла вся торговля. Выгода государства заключалась в том, что оно, как и прежде, получало пошлину «с продолжаемого с китайской стороны, по их настоящему запрещению, потаённого, а с нашей – позволенного по-прежнему, торгова»². Подобную практику правительство Цинской империи пыталось пресекать. Видный китайский чиновник Сунь-Юнь отмечал в своих записках, что улусным начальникам (в Монголии) приказывалось строго следить за тем, чтобы купцы «не переходили тайно через караулы для торговли с русскими»³. Помимо этого, китайские торговцы могли торговать с приграничными монголами – посредниками российской торговли – только по билетам. Именно в этот период вскрылся факт участия ряда влиятельных монголов в контрабандной торговле. В 1765 г. за участие в незаконной торговле были задержаны амбани⁴ Санжайдорж и Чудей, помощник дзаргучея Галсан, ургинские ламы Жамбалдорж, Сундебдорж, Гомбодорж, Шагдар⁵.

Отсутствие официального торгового взаимодействия вредило экономическим интересам обеих держав, поэтому предпринимались различные попытки разрешить имевшиеся

¹ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 286.

² Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 94.

³ Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева. СПб: Столичная тип., 1900. С. 100.

⁴ Амбань – титул высших китайских чиновников.

⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. С.92.

противоречия. В 1767 г. после нескольких неудачных приграничных съездов с китайцами Екатериной II для разрешения затянувшегося конфликта в Кяхту был отправлен полковник Иван Кропотов. Проблема была не только в нарушениях пунктов Кяхтинского трактата, но и в накопившихся приграничных ссорах и обидах, разрешить которые было затруднительно. Большое возмущение у китайцев вызывали призванные осложнить жизнь контрабандистов кяхтинские надолбы, поскольку большая их часть была размещена в китайских владениях: «оние тогда бы полезны были для России, если бы на их, а не на китайской поставлены были земле»¹.

Иван Кропотов получил детальную инструкцию, как ему вести переговоры и на какие уступки можно пойти. Первое, что ему предстояло сделать, это отправиться в Селенгинск, где комендант В. Якоби должен был посвятить его во все приграничные споры, чтобы «совершенное знание возыметь». Надолбы в спорных местах, так возмущавшие китайские власти, Кропотову необходимо было проверить лично и свериться с «ландкартой». Инструкция разрешала ему пойти на уступки, если даже по мнению В. Якоби или специальной карты с разметками они были установлены на российской территории: «но Китайцы для какой-нибудь себе удобства желают, чтобы некоторые надолбы от их стороны подалее снесены были, а напротив того нашей стороне никакого вреда от того не будет ... приготовить себя к уступкам в сем случае»². О пошлинах, взимаемых на границе, в инструкции также содержалось четкое указание, что говорить китайскому комиссару, если он поднимет эту тему: «сказать ему и довольно уверить, что на Кяхте, как пограничном месте, с торгующих с обеих сторон купцов никакие пошлины браны не будут, как с привозимых, так и с вывозимых товаров»³. Правительство Цинской империи, упрекая Россию в чрезмерной жадности из-за

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. С. 318.

² Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 263.

³ Там же. С. 265.

сбора пошлин, занималось тем же самым, собирая таможенные налоги с китайских купцов, но делало это не в Маймачене, а в Калгане.

Затяжной простой в торговле не соответствовал интересам обоих государств. Китай, вероятно, был больше обеспокоен не пристальным соблюдением условий ранее заключенных договоров, а тем, что видел в проводимой Россией таможенной политике на границе препятствие для развития торговых сношений между странами¹. Экономическая заинтересованность обеих сторон привела к тому, что 18 октября 1768 г. был найден компромисс и заключено новое соглашение, дополнившее Кяхтинский трактат. Согласно дополнительной статье, «Российскими людьми на местах у Бургутейских гор, Убицикту Хошоу с прочими, надолбы сломаны», а также «не брать на торговых двух местах на Кяхте и Цурухайте пошлину вечно, как в трактате заключено»². Из условий соглашения видно, что китайской стороне были сделаны большие уступки, которые позволили спустя 7 лет вновь открыть торг в Кяхте. Уже в 1769 г. общий торговый оборот, согласно отчётам кяхтинской таможни, составил 2 млн. руб., в 1770 г. – 2 млн. 600 тыс., в 1771 г. – почти 2 млн. 400 тыс. руб. За этот период таможней было собрано пошлин на общую сумму 1 млн. 348 тыс. руб.³ И. Кропотову и В. Якоби приходилось выкручиваться разными способами для того, чтобы китайская сторона не заподозрила деятельность таможни по сбору налогов на границе.

Ещё в 1766 г. начались приготовления по переносу таможни с Кяхты в другое место⁴. Этим местом должна была стать расположенная недалеко от Селенгинска Петропавловская крепость, называемая Стрелкой. Купеческие товары принимались и оценивались в отстроенных амбаре и складах, а после

¹ Неклюдова А.В. Развитие кяхтинской таможни во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2. С. 273.

² Дополнительная статья к Кяхтинскому трактату 18-го Октября 1768 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 84.

³ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 73.

⁴ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. С. 102.

взятия пошлины «отдавались на волю хозяевам»¹, после чего купцы могли легально торговать в Кяхте. Рядом с городом было выстроено еще одно закрытое складское помещение, в котором должны были осматриваться выменянные русскими купцами китайские товары и начисляться на них пошлины, оплата которых производилась в Петропавловской таможне, и там же ставилась на упаковках казённая печать². Заниматься сбором пошлин в Кяхте должна была не таможня, а специально созданная «экспедиция», переименованная так для того, чтобы не ассоциироваться с фискальной службой, так смущавшей китайскую сторону. Выстроенный пакгауз находился в четырех верстах от Кяхты и, тем не менее, продолжал привлекать внимание китайцев, из-за чего в 1769 г. на четыре месяца торг с их стороны вновь был закрыт.

Вышестоящие чины видели проблему в том, что процесс обложения пошлиной происходил практически на глазах у китайцев, из-за чего экспедицию с пакгаузом было решено перенести ещё дальше от границы, в «форштат в ревенном доме»³. Но это не решило проблему, потому что «и тут китайцам сия экспедиция видима, да и о клеймении товаров и о сбирании пошлин по слабости служителей им известно»⁴. В 1775 г. был принят закон, согласно которому Петропавловская таможня была ликвидирована, а часть её полномочий передана в Троицкую коммерческую экспедицию, которая должна была «осматривать и клеймить привозимые и отвозимые товары»⁵. Что же касается сбора пошлин, то теперь он происходил действительно не «на глазах» у китайских подданных, а в далёком Иркутске. Это несло некоторые убытки

¹ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. С. 267.

² Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 87.

³ Высочайше утверждённый доклад Сената «О переводе Петропавловской таможни с Кяхтинского форпоста в Троицкую крепость и об учреждении там Коммерческой Экспедиции, а в Иркутске для сбирания пошлин Комиссарства». 18 марта 1775 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 20. № 14277. С. 87.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 87.

казне, поскольку, например, мелким купцам, торгующим в пределах Забайкалья, не требовалось посещать Иркутск и, следовательно, вносить пошлину, из-за чего государство теряло ежегодно около 10 тыс. руб.¹

Такая неразбериха создавала возможность не платить пошлину, чем зачастую купцы и пользовались. Например, когда по предложению Кропотова Кяхтинская таможня была переведена в Петропавловскую крепость, располагавшуюся в 80 верстах от Кяхты, в Иркутск приходили жалобы подобного толка: «разного чина люди летом просёлочною дорогою, а зимой – льдом, по реке Чикойю из Селенгинска в Кяхту и оттуда обратно проезд имеют, миновав надлежащий тракт и таможеню, где им надлежащий по силе указов осмотр учинить надлежало»². Такое расположение таможни било по казне дефицитом налоговых сборов. В связи с этим в 1775 г. была предпринята попытка вновь вернуть таможню в Кяхту и, когда об этом узнал дзаргучей, торг сразу же был закрыт, правда на три дня.

В целом же, несмотря на принятие точечных административных мер, в период с конца 60-х до начала 80-х гг. XVIII в. в деятельности таможни по борьбе с контрабандой существенных изменений не произошло. Основное внимание уделялось регламентации торговых операций и унификации правил упаковки и провоза товаров. В июле 1769 г. секунд-майором С. Власовым было составлено специальное положение «Об укладе китайских товаров в места всегда и всем одинаким числом». С этим положением знакомили всех купцов, желавших торговать в Кяхте. Оно было разработано с целью профилактики от контрабандных затей торговцев и облегчения контроля над вывозимыми из Кяхты товарами. Положение, к примеру, предостерегало как купцов, так и нечистых на руку таможенников: «в укладке места отнюдь от пошлины утаеваемых товаров в провозе быть не могло»³.

¹ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 88.

² Там же. С. 88.

³ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли). Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. С. 74.

В 1782 г. были введены новые должности – пограничные надзиратели и таможенные объездчики. Согласно указу, надзиратель объезжал границу длиною 50 верст, на которой через каждые 10 верст должны были находиться два объездчика. Была предусмотрена стимулирующая часть: «в награждении таможенных объездчиков за поимку провозящих товары незаконным образом, то есть: не через определённые дороги, или через оные но без явки в таможенную или платежа пошлины, поступать по законам, доставляя положенное оным награждение немедленно тем, кои оные верностью и рдением заслуживают»¹.

В 1791 г. произошел примечательный случай, когда удалось задержать шестерых контрабандистов, трое из них оказались казаками и ещё трое ламами. Они пытались тайно перебраться в Монголию с увесистым грузом: «кож юфтовых черных – 30, котиков морских – 11, белок – 59, мерлушек – 52»². Было также изъято 8 дестей³ белой писчей бумага, не самый частый товар в кяхтинском приграничье, хотя, как отмечал Х. И. Трусевич, «не было предмета торговли (в особенности запрещенного, казённого), который бы не ввозился или вывозился тайно больше, чем явно»⁴.

До 1792 г. торг закрывался ещё несколько раз, самый продолжительный период длился с 1785 по 1792 гг. Поводом к закрытию послужило ограбление китайского каравана, направлявшегося в Кяхту⁵. Конфликт удалось урегулировать только в феврале 1792 г. посредством дипломатических переговоров и подписания двухстороннего соглашения. Торг вновь был открыт. В этом же году таможня была перенесена обратно из Иркутска в Кяхту⁶.

¹ Именной, данный Сенату «Об учреждении особой Таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаённого провоза товаров». 27 сентября 1782. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 21. № 15522. С. 683.

² Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1958. С. 189.

³ Десть – старинная единица счета бумаги, равнялась примерно 24 листам.

⁴ Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М: Тип. Т. Малинского, 1882. С. 262.

⁵ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 19.

⁶ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 53.

Несмотря на все приграничные трудности, в том числе переносы таможни, динамика торговых отношений с Китаем была крайне позитивной. С 1780 по 1784 гг. общий оборот торговли составил 30 млн 416 тыс. руб.¹, а ежегодный доход казны от сбора пошлин в Кяхте приближался к 600 тыс. руб.² По мере дальнейшего развития торговли показатели только увеличивались. Главным российским экспортным товаром была пушнина, а также изделия текстильной промышленности. О конкретных объёмах нелегального ввоза-вывоза контрабанды достоверной информации не сохранилось. Если и существовали отчёты об объёмах тайного вывоза, зафиксированные Кяхтинской таможней, они, к сожалению, были утеряны в 1862 г. при пожаре. Часть документов, лежавших бесхозными тюками в Гостином дворе Кяхты, была уничтожена уже в советское время³.

Таким образом, в середине XVIII в. произошли значительные изменения в таможенном регулировании. Был принят новый устав, учреждены таможенные тарифы, в том числе Сибирский, под юрисдикцию которого входила и Кяхтинская таможня. Однако принимаемые государством законодательные акты не стали основным фактором, повлиявшим на развитие приграничной торговли и характер контрабанды в российско-китайском приграничье. Назревшая ещё в первой половине XVIII в. череда торговых споров, а также напряженность из-за постоянных нарушений общественного порядка подданными обеих держав, стали причиной того, что торг в Кяхте периодически закрывался. В связи с чем контрабанда на границе приобрела причудливую форму из-за вполне себе официального участия российской стороны в нелегальной торговле. У казны была финансовая заинтересованность в пособничестве, а вот в чем её не было, так это в переносе таможни из Кяхты. Необходимость выполнять условия дипломатических соглашений привела к

¹ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 20.

² РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 48. Л. 16.

³ Кириллова С.В. Беспошлинная и контрабандная торговля России с Китаем и Монголией в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 139.

тому, что, фактически, все мелкие купцы, торговавшие в пределах Забайкалья, становились контрабандистами, не платившими пошлину из-за переноса таможни в Иркутск и отсутствия необходимости туда приезжать. Не были решены и многие старые проблемы таможенного дела в кяхтинском приграничье, а именно коррумпированность местных досмотрщиков и отсутствие выстроенной линии дозорных застав. Несмотря на все сложности, обороты кяхтинской торговли с каждым годом, когда торг не был закрыт, увеличивались. В XIX в. правительство начало уделять Кяхте особое внимание.

2.4. Таможня в Кяхте как объект отдельного таможенного регулирования в 1800–1862 гг.: контрабанда в условиях трансформации российско-китайской торговли

Следующий важный этап в русско-китайской торговле наступил в 1800 г., когда правительство Российской империи издало сразу два закона, имевших прямое отношение к деятельности Кяхтинской таможни – «О сборе пошлин с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможне и Цурухантуевской таможенной заставе»¹ и «Высочайше утвержденные правила, по которым Кяхтинская Таможня и купечество, при производстве с китайцами торга, поступать долженствует»². Этими документами был утверждён не только эксклюзивный для Кяхты тариф, но и введен запрет на участие иностранных подданных в местной торговле, что в очередной раз подчёркивало исключительный характер приграничной слободы для правительства Российской империи. Согласно новым положениям, были отрегулированы таможенные сборы, не менявшиеся с 1761 г. Для большинства отпускных товаров налоги были понижены, на популярные привозные – наоборот

¹ Именной, данный Сенату «О сборе пошлин с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможне и Цурухантуевской таможенной заставе». 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19327. С. 74–75.

² Высочайше утверждённые правила, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торга, поступать долженствует. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19328. С. 75–79.

повышены. Так, согласно тарифу, таможенный сбор с черного чая в цыбиках¹ и байхового (наиболее популярные торговые сорта чая) составил 7 руб. с пуда, тогда как по тарифу 1761 г. собирали 4 руб. 72 коп., с каменного – 12 руб. с пуда вместо 9 руб. 44 коп.² Примечательно, налоги на все сорта чая теперь составляли целые числа, что облегчало подсчёт необходимой пошлины. Помимо этого, купец платил в таможенную только за товар согласно тарифу, раньше же высчитывалась общая сумма из нескольких пошлин и мелочных сборов³. Были также предусмотрены меры, направленные на борьбу с контрабандой. Если торговец «забыл» оплатить пошлину и попытался провезти товар «незаконной дорожкой», то поимщику причиталось всё задержанное сразу после того, как он уплатит за него пошлину. В случаях, когда конфисковывался запрещённый к ввозу или вывозу товар, поимщику полагалась награда в полную стоимость от задержанного груза, которую взыскивали с того, «у кого оный взят будет». Если же владельца контрабанды не находили, то награда составляла половину от стоимости⁴. Запрещались к вывозу в Китай войлок шерстяной, золото и серебро в слитках и монетах, каразея (грубая шерстяная ткань), невыделанная кожа, банковские ассигнации, льняная пряжа, огнестрельное оружие и порох, солдатское сукно, а также «пушнина бобровая и выдровая»; к ввозу в Россию из Китая – различная алкогольная продукция, российские монеты и ассигнации, железные инструменты «для всяких работ», скот, мишура (несколько металлических ниток на бумажной основе, скрученных вместе), крашеная кожа, импортная соль⁵.

¹ Цыбик – короб, обшитый кожей, для перевозки чая, кошенили и других товаров, боящихся сырости.

² Тарифы по Азиатской торговле // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 45: Книга тарифов. С. 74-75.

³ О сборе пошлин с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможене и Цурухантуевской таможенной заставе. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19327. С. 74.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Приложения к тарифам по Азиатской торговле // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 45: Книга тарифов. С. 3.

Второй закон, принятый также 15 марта 1800 г., состоял из 18 пунктов, призванных оптимизировать торговые процессы в Кяхтинской слободе, а также повысить эффективность сбора пошлин. Указ закрепил меновой характер торговли в кяхтинском приграничье: «Торг с Китайцами производить не иначе, как меною товаров, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать, под опасением тяжкого штрафа»¹. Вводилась должность компаньона, выбираемого местным купечеством, задачей которого был в первую очередь контроль за соблюдением новых правил. Расширились полномочия Кяхтинской таможни, сотрудники которой после осмотра товара выдавали специальный билет купцам, если они въезжали в торговую слободу. При выезде из Кяхты им также вручали билет, который они должны были предъявить служащему, стоявшему у заставы. Товары, которые оставались в Кяхте, не клеймили, а заносили в учётные книги, так как «никакого нет сомнения, чтобы из оных что-либо кроме Кяхты, куда-нибудь пошло»². А те товары, реализация которых предполагалась за пределами торговой слободы, клеймили, предварительно очистив пошлиной. Извозчики и ямщики, перевозившие товар в торговую слободу из Троицкой крепости, находились под строгим наблюдением таможни. Все эти меры были направлены на то, чтобы «от пошлины ничего утаено быть не могло»³, ведь как отмечалось ранее, многие контрабандисты пользовались организационными и логистическими изъятиями на отрезке пути от торговой слободы до таможни, чтобы избежать оплату сборов.

Принимаемые государством меры, с одной стороны, способствовали развитию текстильной промышленности, так как именно продукция отечественных фабрик становилась основной разменной монетой в условиях бартерной торговли с Китаем; с другой же, ставили русских купцов в

¹ Высочайше утверждённые правила, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торга, поступать долженствует. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19328. С. 75.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 78.

невыгодное положение, поскольку китайские торговцы завышали стоимость своего товара, обменивая российскую мануфактуру по заниженной цене. Неудивительно, что в подобной ситуации в кяхтинском приграничье стал увеличиваться незаконный оборот наличных денег и контрабанда драгоценных металлов. Запретительные меры подстегнули фантазию и смекалку контрабандистов, которые начали придумывать разные способы для вывоза в Китай золота и серебра: «экипажи делались с двумя днами, с потаенными ящиками в оглоблях, осях, колесах, хомутах, дугах, сёдлах и во всем, где-бы только была возможность устроить помещение для золота и серебра»¹.

На рубеже XVIII–XIX вв. в ассортименте кяхтинской торговли произошли значительные изменения. Наиболее востребованным китайским товаром у русских купцов стал чай. К 1813 г. по сравнению с началом столетия ежегодный вымен китайки сократился в 3 раза², тогда как динамика чайного оборота только увеличивалась. В 1801 г. было опубликовано положение, согласно которому русские товары начали расцениваться на чай, «тогда как прежде единицей ценности принималась китайка»³. Если в 1797 г. в Кяхте было выменяно 12799 пуд. байхового чая, то в 1811 г. – 46405 пуд.⁴

Успехи кяхтинской торговли и, как следствие, увеличение таможенных сборов были как никогда кстати, поскольку для России начало XIX в. характеризовалось постоянными войнами в европейской части континента, а также континентальной блокадой. Принимаемые правительством таможенные меры чаще всего были направлены на регулирование западной торговли (например, утверждённое в 1810 г. «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей Западной Сухопутной границе») и не касались Кяхты. Даже принятый в декабре 1819 г. таможенный устав распространялся только на европейскую

¹ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. СПб: Тип. К. Вульфа, 1869. С. 93.

² Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 29.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 30.

торговлю, хотя в нём была дана более детальная характеристика контрабанде и теперь таковой считался не только провезённый мимо таможи товар, но и «не указанный в предъявленных в таможенную документах»¹. Модернизация пограничной таможенной стражи, учреждённой ещё в 1782 г., также коснулась только европейской части России, где акцент смещался с найма преимущественно местных жителей и казаков к привлечению с 1827 г. воинских чинов². Сделано это было по той причине, что местные вольнонаемные и казаки часто пользовались своим положением и потворствовали тайному ввозу-вывозу товаров. Однако в Кяхте в условиях нехватки квалифицированных кадров внедрять подобные меры не представлялось возможным, поэтому здесь продолжали выполнять обязанности пограничной таможенной стражи в том числе казаки, для которых контрабанда становилась постоянным источником дохода³. Так, в 1858 г. таможенниками были задержаны казаки Жамбалов и Цыбиков, которые пытались переправить через границу бумажную ткань, а также пушнину без соответствующих таможенных клейм⁴. Но были и те, кто прилежно выполнял свой долг и боролся с нелегальной приграничной торговлей. Так, во время ночного патрулирования 18 мая 1859 г. казаками были обнаружены восемь контрабандистов, которые попытались скрыться. У них это успешно получилось, но во время бегства они выронили два ящика кирпичного чая⁵. Помимо долга службы стимулировало поимку контрабандистов и материальное поощрение. Согласно сохранившимся данным, только в 1852 г. на выдачу наград «задержателям контрабанды» было выделено таможней почти 32 тыс. руб. Подробные данные о затратах таможни представлены в таблице (табл. 3).

¹ Таможенный Устав по Европейской торговле. 14 декабря 1819 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 36. № 28030. С. 417.

² Высочайше утвержденное Положение об устройстве пограничной Таможенной стражи. 5 августа 1827 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1830. Т. 2. № 1282. С. 645.

³ Черникова Н.В. Контрабанда в России второй половины XIX в. как государственная проблема и пути её решения // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. матер. Четвертой междунар. научн. конф. Нижний Новгород, 2018. С. 512.

⁴ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 266. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 64.

Расходы Кяхтинской таможни в 1852–1854 г. (в руб.)¹

Расходы	1852 г.	1853 г.	До 1 июля 1854 г.
На выдачу наград задержателям чая	31891	48266	29370
На расходы по конфискации чая	19435	9460	2352
На местные в Кяхте потребности	22122	20040	8044

Представленные в таблице данные наглядно демонстрируют эффективность материального стимулирования «задержателей чая». Доля «наград» в 1853 г., по сравнению с предыдущим, увеличилась на 51%. Значительное сокращение расходов по статье «конфискации чая» косвенно говорит об оптимизации стандартных процедур, связанных с расходами на хранение, реализацию задержанного товара.

Отметим, что помимо материального стимулирования, у таможни был еще один инструмент борьбы с нарушителями – возможность использовать межведомственные связи. Данный механизм отчетливо раскрывается на примере дела бухарца Султаметьева, которого задержали в 1843 г. с табаком без бандеролей. В 1853 г. было установлено, что Султаметьев так и не заплатил пеню в размере 298 руб. за пронос контрабанды². В связи с чем Кяхтинская таможня инициировала переписку с Тобольской таможней, прося её содействовать скорейшему взысканию долга: «Кяхтинская таможня имеет честь покорнейше просить сношения Вашего Превосходительства с кем следует, о скорейшем взыскании с бухарца вышеозначенных денег»³. Примечательно, что импульсом к взысканию долга стало то, что таможня попыталась реализовать конфискованный табак, но этого никак не получалось сделать. Товар был оценен слишком высоко и до 1852 г. его никто не покупал, в связи с чем таможня ходатайствовала о существенном снижении его цены.

¹ Там же.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 361. Л. 7.

³ Там же. Л. 3.

Конец 1830-х – 1840-е гг. стали временем расцвета кяхтинской торговли. Если ранее основным вывозимым товаром была пушнина, то теперь на место сырья пришли текстильные изделия, что благотворно влияло на развитие отечественной легкой промышленности: «уже в начале тридцатых годов иностранные фабриканты принимали очень малое участие в сбыте своих произведений на Кяхте, которые были заменены товарами русского происхождения»¹. В 1840 г. в пределы Цинской империи было экспортировано сукна российского производства на сумму более 2,5 млн руб. серебром². По сведениям иностранных агентов, «наша кяхтинская мена оказывала довольно ощутительное влияние на сбыт в Китай некоторых произведений европейских мануфактур и даже возбуждала в смысле соперничества их некоторое опасение»³.

Таблица 4

Динамика экспорта российских товаров через Кяхту в 1841–1850 гг.

(в руб.)⁴

Год	Вывоз хлопчатобумажных изделий	Вывоз пушнины	Вывоз других товаров	Поступило пошлины*
1841	4688496	2076147	772953	3881470
1842	4541928	1400681	765493	4395047
1843	3103129	1317689	546025	3535500
1844	3817023	1482738	555294	4478183
1845	4242938	1906841	661459	5087854
1846	4743105	1524520	745535	5485879
1847	4303030	1933102	564434	5317293
1848	3417804	1341649	590465	5541326
1849	3598660	1047078	519596	3865131
1850	4319169	1640404	956498	4311312

*Значительная часть пошлины поступала за счёт ввоза байхового чая, объём импорта которого варьировался от 135909 пуд. в 1843 г. до 253746 пуд. в 1848 г.

¹ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. С. 149–150.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 285. Л. 5 об.

³ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 47.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 954. Л. 131 об.

Приведённые в таблице сведения показывают, что меновой характер торговли в приграничье сделал текстильные изделия отечественных мануфактур главным экспортным товаром в Китай. Доля таких изделий в общем объёме экспорта составляла около 60-65% и приносила существенные дивиденды, как государству, так и владельцам предприятий. Но при этом наиболее важную роль в пошлинных сборах играл импорт китайского чая, так как снижение объёмов экспорта как хлопчатобумажной продукции, так и пушнины в 1848 г. не привело к падению пошлинного сбора, а наоборот этот год стал рекордным по данному показателю в обозначенный период за счёт импорта чая.

В начале 1840-х гг. в странах Азиатско-Тихоокеанского региона произошли масштабные геополитические изменения, которые потребовали от правительства Российской империи принятия ряда мер. Их целью было сохранение взаимовыгодных отношений с Китаем при помощи поддержания кяхтинского торгового оборота. После поражения Цинской империи в Первой опиумной войне ранее фактически закрытый внутренний рынок страны был насильно открыт для проникновения иностранного торгового капитала. По итогам Нанкинского договора, заключённого в 1842 г., иностранцам для совершения коммерческих операций стали доступны помимо Гуанчжоу ещё четыре китайских порта – Шанхай, Нинчжоу, Амой и Фучжоу. Это привело к значительному увеличению объёма торгового оборота западных стран. Если в 1831 г. англичане реализовали на внутреннем китайском рынке товаров на сумму около 13 млн долл., то в 1844 г. эта цифра превысила 20 млн долл.¹ Открытие портов серьёзно повлияло на динамику и характер коммерческих операций между российскими и китайскими купцами, торгующими в Кяхте. Хлынувший на европейский рынок после окончания Первой опиумной войны

¹ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 46.

так называемый кантонский чай¹ серьёзно обвалил цены на него как в мире, так и в России. Неравноправные условия мира стали причиной того, что в Китае резко вырос спрос на драгоценные металлы. В сложившейся ситуации русские предприниматели наладили канал поставок серебра в Цинскую империю².

Для нивелирования негативных для отечественной экономики последствий, вызванных масштабными переменами на мировом рынке чая, правительство Российской империи приняло ряд законодательных актов, призванных поддержать кяхтинскую торговлю. В ноябре 1841 г. был издан указ «О новом тарифе по Европейской и Кяхтинской торговле», согласно которому были снижены пошлины на некоторые сорта чая³. В июле 1845 г. было принято ещё одно послабление – «О допущении облегчений и других мер для поддержания кяхтинской торговли», уменьшившее размер пошлины с байхового черного чая (основного чайного товара) с 60 до 40 коп. за фунт⁴. Данные указы, благодаря смягчившейся пошлине, не только стимулировали торговлю чаем, но и способствовали увеличению получаемого дохода казны с этой самой пошлины за счёт роста торговых оборотов. В 1845 г. только с цветочных и зелёных чаев поступило налоговых отчислений в казну на сумму около 2 млн руб. серебром, в 1847 г. эта цифра достигла более 2 млн 600 тыс. руб.⁵

С целью поддержки отечественной легкой промышленности правительство империи также разработало ряд мер. В частности, для купцов, «променивавших в Кяхте бумажные изделия российских фабрик», была

¹ Кантонский чай – это чай, привезенный в Россию из Европы, куда он попадал из китайского Кантона.

² Ширапов А.А., Плеханова А.М. «Серебряный путь» из Европы в Азию: роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю // Монголоведение. 2023. № 1. С. 87.

³ Именной, данный Сенату «О новом тарифе по Европейской и Кяхтинской торговле». 28 ноября 1841 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1846. Т. 16. Отд. 2. № 15064. С. 73.

⁴ Именной, данный Сенату «О допущении облегчений и других мер для поддержания Кяхтинской торговли». 20 июля 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1846. Т. 20. Отд. 1. № 19218. С. 545.

⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Раздел 1848. Д. 129. Л. 8.

установлена премия, составлявшая 5 руб. за пуд вельвета или плиса и 6 руб. за все другие хлопчатобумажные изделия. Данные меры дали свои плоды. Если в 1844 г. было выменено вельвета в размере 1 млн 900 тыс. аршин, то в 1846 г. – более чем 2 млн 600 тыс. аршин¹. Это способствовало росту торговых оборотов и, следовательно, увеличению получаемой государством пошлины. Таким образом, преференции, оказываемые кяхтинским купцам, поддержали российскую внешнюю торговлю, обеспечив казну стабильными налоговыми поступлениями.

Однако протекционистские меры, предпринимаемые государством, не решили вопрос окончательно, поскольку открытие портов Цинской империи и, как следствие, появление на европейском и российском рынках большого количества китайского чая были не единственной проблемой, ослаблявшей позиции кяхтинского торгова. Дело в том, что наряду с легально ввозимым товаром, резко увеличился объём контрабандного чая, который поступал преимущественно с западных границ, из Царства Польского. Ещё в 1844 г. одним из крупных кяхтинских купцов Пиленковым была направлена записка в адрес Министерства финансов Российской империи, в которой говорилось о том, что в шести западных губерниях страны «водворяется большое количество кантонского чая»². Стоимость напитка на внутреннем рынке страны начала стремительно падать. Кяхтинское купечество, несшее существенные издержки от оплаты пошлины и значительных транспортных расходов, теперь страдало ещё и от большого объёма дешёвого контрабандного чая. В 1847 г. на Нижегородской ярмарке цена товара составила 20–32 руб., вместо традиционно ранее выручаемых 50–70 руб.³ Потребитель также оставался в накладе, хоть и получал полюбившийся напиток за меньшие деньги. По свидетельствам современников, плохое качество было не только у дешевого контрабандного чая, но и периодически у торгового, завозимого с Кяхты. Если в контрабандный товар добавляли «иван-чай, а также скупаемый в больших городах, бывший

¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Раздел 1848. Д. 129. Л. 14 об.

² РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 582. Л. 85 об.

³ Носков И.А. Кяхта. Иркутск: Иркутская публ. б-ка, 1861. С. 8.

уже в употреблении китайский чай»¹, то по поводу «кяхтинского» писали следующее: «китайцы привозят ныне цветочных чаёв те же самые сорта, как и прежде, но качеством и добротой гораздо ниже, особенно их достоинство значительно изменилось и упало в 1847 г. и в настоящем 1848 г.»².

Проблема дешёвого контрабандного чая стала настолько серьёзной, что, как отмечал современник, «если бы наше правительство решилось совершенно уничтожить существовавшую с кяхтинских чаев пошлину, то и тогда последние не могли бы сравняться с первыми в дешевизне»³. Для сохранения позиций кяхтинской торговли требовались не только предоставляемые правительством льготные меры, но и законодательная инициатива по ужесточению правил борьбы с контрабандой. С этой целью разрабатывались и принимались суровые наказания, направленные на противодействие нелегальному ввозу товаров. Статья 823 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» гласила, что провозимый торговцами в западные губернии, а также вывозимый оттуда во внутренние губернии чай «всякого рода когда ящики, цибики и т.п. в коих онный находится не имеет надлежащей укупорки или пломб Кяхтинской» или же «укупорка» будет раскрыта, то нарушителей ждёт конфискация товара и штраф по три рубля с фунта⁴. Весь конфискуемый кантонский чай подвергался уничтожению, на чем настаивали кяхтинские купцы, опасавшиеся его дальнейшей нелегальной перепродажи. Стимул в поиске нелегального товара имелся у таможенников. Согласно указу «О допущении облегчений и других мер для поддержания Кяхтинской торговли» за каждый фунт контрабандного чая стражник получал 30 коп.⁵

Несмотря на имевшиеся у таможенных чинов стимулы для борьбы с контрабандой, проблема «нечистых на руку» чиновников оставалась

¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 582. Л. 377 об.

² РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Раздел 1848. Д. 129. Лл. 8–8 об.

³ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 66.

⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 582. Лл. 377–377 об.

⁵ Именной, данный Сенату «О допущении облегчений и других мер для поддержания Кяхтинской торговли». 20 июля 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1846. Т. 20. Отд. 1. № 19218. С. 546.

актуальной с момента основания таможни. Начиная с XVIII в. прогремело несколько скандалов в связи с участием высокопоставленных лиц в нелегальной торговле в приграничье. Показательными делами, в которых одна из сторон обличает директора Кяхтинской таможни, служит серия инцидентов, произошедших с одним из досмотрщиков местной таможни. В июне 1849 г. он произвёл досмотр груза купца Веретенникова, который отправлялся на Макарьевскую ярмарку. Загвоздка заключалась в том, что купец получил согласие директора таможни Федоровича на то, что обыск будет произведен не на заставе, а в доме у торговца. Отказавшись выполнять данное поручение, которое не соответствовало правилам заставы, досмотрщик начал проводить обыск при недовольном купце. В итоге у Веретенникова было обнаружено «китайской мануфактуры на порядочную сумму, золота в кольцах и бриллиантах»¹, которое сразу же было конфисковано. Следующий случай произошел с купцом первой гильдии Дмитрием Старцевым, который в 11 ночи направлялся из Троицкосавска в таможню, где неподкупный досмотрщик начал осматривать Старцева и его груз, на что тот «начал ругаться в самых пошлых выражениях» и, не дав закончить процедуру, уехал обратно в Троицкосавск². Вернулся купец на заставу в 3 часа ночи с запиской от директора Федоровича: «Сделать под личным моим надзором всем им досмотр». Ситуация была обострена еще и тем, что купец держал в руках шинель, которая «создавала такой объем, что в ней что-то есть»³. В ходе осмотра в специальной комнате, ничего найдено не было, и, как выразился, досмотрщик: «Старцев этого как будто и ждал». Закончилось всё тем, что досмотрщика сначала отстранили с заставы и спустя три месяца уволили. По его свидетельству, даже спустя год после увольнения кяхтинские таможенники продолжали донимать бывшего досмотрщика разными способами. К примеру, в промежутке с 11 до 12 ночи они производили сильный стук колодезным колесом, расположенным во дворе бывшего досмотрщика, из-за чего просыпалась его семья, в которой была 2-

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–3.

² Там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4.

летняя дочь¹. Данная ситуация, хоть и показана в одностороннем формате, даёт некоторые представления о том, как взаимодействовали между собой купцы и чины таможни в поисках пути обхода пошлин. Важно и то, что существовала «круговая порука», из-за которой человек, пытавшийся бороться с тайным провозом нелегальной продукции, мог оказаться изгоем, который подвергался бы постоянному давлению со стороны его коллег.

Было бы неверно сводить деятельность таможенного аппарата только к злоупотреблениям, хотя в условиях кяхтинского приграничья добросовестное выполнение работы требовало от таможенника больших волевых усилий и моральной устойчивости. Тем не менее, за безупречный труд служащие Кяхтинской таможни удостоивались государственных наград. Так, в 1851 г. за «беспорочную службу» знаки отличия были пожалованы помощнику бухгалтера А. Фролову и канцелярскому чиновнику Д. Злыгостеву. Оба получили награду за 15 лет службы². Секретарь Кяхтинской таможни С. Петров получил награду за 25 лет службы, а пакгаузный надзиратель А. Ошурков – за 30 лет³.

В организации коммерческой деятельности в Кяхте имелись свои проблемы. С целью их преодоления в октябре 1851 г. был издан закон «О взысканиях и наказаниях за нарушение правил о Кяхтинской торговле»⁴. Согласно новым правилам запрещалось выдавать и принимать в долг китайский товар; устанавливалась фиксированная стоимость (ее утверждали сами купцы), по которой следовало покупать или продавать товар; наказывались злоупотребления в торговле в силу «слабого смотра кяхтинских старшин»; карались комиссионеры и приказчики, которые производили торг, пользуясь своим положением; за вышеперечисленные нарушения устанавливались примерно одинаковые наказания – в первый раз

¹ Там же. Л. 9.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 45. Л. 20.

³ Там же. Л. 20 об.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О взысканиях и наказаниях за нарушение правил о Кяхтинской торговле». 29 октября 1851 г. // ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 45. Л. 19–19 об.

штраф, максимум в двойном объёме, а пойманным во второй раз грозил запрет на торговлю в Кяхте. Особый штраф, в пятикратном размере от невозвращенного в гостиный двор объёма товара, налагался на купцов, которые не приносили вовремя или же приносили только часть продукции, заявленной ранее в указанное таможенной место. Но самыми строгими пунктами закона были 7, 8 и 9, касавшиеся тайного ввоза-вывоза через Кяхту драгоценных металлов и кредитных билетов, а также торговли с китайцами «на чистые деньги». Нарушение данных пунктов влекло за собой не только крупные штрафы и запрет на торговлю в Кяхте, но и военный суд над виновными¹.

Несмотря на все трудности, меры, предпринимаемые государством, оказывали положительное воздействие на кяхтинскую торговлю. Льготные положения «О допущении облегчений и других мер для поддержания Кяхтинской торговли», принятые в июле 1845 г. сначала как временные – на три года, продлевались в 1848 г. и в 1851 г., а кяхтинские купцы докладывали о стабильных оборотах торговли с Китаем. Если в 1849 г. через Кяхту было ввезено 6 млн 500 тыс. фунт. чая, то в 1852 г. – уже более 9 млн 700 тыс. фунт.² Увеличение оборотов торговли благоприятно сказывалось на объёмах пошлины, поступающей в таможенную. Статистика за этот период представлена в таблице (табл. 5).

Таблица 5

Пошлинный доход Кяхтинской таможни (в руб.)³

Год	Пошлина
1850	4311314
1851	4685433
1852	4883547
1853	1643217
До 1 августа 1854 г.	1344403

¹ Л. 19 об.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 954. Л. 35 об.

³ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 469. Л. 11 об.

Данные, представленные в таблице, демонстрируют, что обороты кяхтинской торговли непреклонно росли до момента, пока Цинскую империю не охватил глубочайший политический кризис, затронувший юг государства. Это отразилось на торговле с Россией. Сбор пошлины с 1852 по 1853 гг. сократился практически втрое, что свидетельствует о снижении экономической активности в приграничье.

Меновая торговля и существовавший запрет на вывоз драгоценных металлов создавали условия для роста контрабанды золота и серебра, ситуация осложнялась политической нестабильностью в Цинской империи, из-за чего реальная стоимость драгоценных металлов была очень высокой, что дополнительно подстёгивало заниматься тайным провозом. Об этом Кяхтинского градоначальника предупреждал Генерал-губернатор Восточной Сибири в апреле 1852 г., которому в донесениях докладывали, что у местных жителей в окрестностях Селенгинска и Троицкосавска скупают золотые и серебряные монеты «с целью передачи оной за Китайскую границу»¹.

Звонкая монета или кредитные билеты ввозились в пределы Китая на нелегальных основаниях, попутно проникая на территорию Кяхтинской торговой слободы, где её по закону не должно было быть без особого распоряжения. Согласно указу, принятому в январе 1851 г., в Кяхтинскую слободу запрещался ввоз «золота, серебра, золотого песку, а также золотой и серебряной монеты, как Российской, так и иностранной»². В связи с этим жителям и гостям слободы давалось со дня опубликования закона 15 дней для обмена монет в Кяхтинской таможне на кредитные билеты, либо их вывоза за пределы Кяхты. Для ведения мелких операций разрешалось пользоваться только разменной серебряной монетой, номинал которой не должен был превышать 50 коп.

¹ ГАРБ, Ф. 92. Оп. 1. Д. 263. Л. 1.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении существующих правил о Кяхтинской торговле». 15 января 1851 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1852. Т. 26. № 24830. С. 42–44.

Несмотря на попытки жесткого регулирования оборота наличных денег в приграничной торговле, монеты продолжали использоваться в ходе незаконных торговых операций. Об этом, например, свидетельствует случай, произошедший летом 1852 г., когда церковный служащий Попов на территории Кяхтинской торговой слободы изъясил у китайского подданного 40 рублей ассигнациями, обещая вернуть ему серебряной монетой, но не вернул. Оскорблённый Сун-Чон-дэ пожаловался комиссару кяхтинского градоначальства, на что тот резонно заметил, что Попов не мог обещать подобного, так как оборот драгоценных металлов на территории слободы запрещён. Дело дошло до китайского дзргучея, который сказал, что «таковая монета была и быть может есть ещё в слободе», тем самым намекая, что местные правоохранительные органы не справляются с нарушениями менового торгова в Кяхте¹. Данное происшествие получило большой резонанс, из-за чего 3 июля 1852 г. состоялась встреча комиссара Кяхтинского градоначальства с дзргучеем Маймачена. После проведенного расследования было найдено компромиссное решение – иск Сун-Чон-дэ на возврат 40 рублей не был удовлетворен, китайский представитель заверил, что предупредит подопечных ему торговцев, «чтобы они на будущее время с подобными неосновательными жалобами к нему не обращались»². В свою очередь российская сторона выдворила Попова с Кяхты «в такое место, где границы наши не сближаются с китайскими»³.

Ещё более загадочной выглядит ситуация с изъятием 1006 полуимпериалов и 4 империалов у казака Цырена Буянтуева зимой 1851 г. Одновременно был задержан местный мещанин по фамилии Свинин, который направлялся в Троицкосавск вместе с казаком. В ходе расследования Буянтуев был признан невиновным, а Свинин на военном суде признался, что свёрток с внушительной суммой ему вручили на заводе, принадлежавшем иркутскому мещанину Маненкову. Предназначалась задержанная валюта иркутскому купцу

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп.1. Д. 341. Л. 1–8.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.

³ Там же. Л. 8.

второй гильдии Петру Нефедьеву, по поручению которого он и ездил на завод. Оба свою причастность к деньгам отрицали. В расследовании упоминалось ещё несколько статусных лиц. Судьба мещанина Свинина оказалась трагичной. В ходе военного суда он совершил самоубийство¹.

Китайский дзаргучей действительно был прав, когда писал о нарушениях менового торго в Кяхте. Таких инцидентов фиксировалось все больше в первой половине 1850-х гг. Помимо вышеперечисленных эпизодов отметим случай, произошедший в марте 1852 г., когда китаец, имя которого не указано, встретившись в доме купца Кандинского с его приказчиком отдал последнему 270 руб. кредитными билетами, с тем чтобы получить за них условную сумму, но уже золотой монетой. Приказчик же «скрытно удалился из дому, китайцу монеты не дал»².

Другой случай оказался еще более скандальным. 17 февраля 1852 г. кантонист³ Иван Пинигин обратился к Чен-Чуан-фу с просьбой разменять деньги, когда же китайский подданный вытащил деньги из кармана, Пинигин выхватил их и убежал в Троицкосавск. В ходе расследования кредитные билеты в размере 136 руб. были найдены зарытыми в снегу⁴. Дзаргучей потребовал у российской стороны возвращения денег Чен-Чуан-фу, но не в размере найденных, а 200 руб. или же товаром – 720 кусков кирпичного чая, стоимость которого составляла 320 руб.⁵ Так как компромисса достичь не удалось, утром 25 февраля по приказу дзаргучея торг был закрыт: «после отперения пограничных ворот ни один китаец не вышел в нашу сторону»⁶. Помимо этого, с китайской стороны были установлены «монгольские караульные юрты» для наблюдения за китайцами, чтобы они не ходили торговать в Кяхту. Случай показывает, насколько влиятельной была фигура дзаргучея в приграничной

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп.1. Д. 26. Л. 73.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 343. Л. 22.

³ Кантонисты – несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, получавшие военное образование и обязанные нести военную службу

⁴ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 12.

торговле. Возможно, китайский чиновник пошел на такие меры, преследуя личные интересы, например, желая получить часть выторгованных денег или чая. К счастью, закрытие торга оказалось кратковременным, так как российская сторона позже пошла на уступку.

Контрабанда драгоценных металлов в кяхтинском приграничье набирала оборот в связи с повышением спроса в Китае и запретом на вывоз со стороны России, позволявшем продавать незаконно вывезенные монеты по спекулятивной стоимости: «цена русскому полуимпериалу (монета номиналом 5 рублей) доходила до 9 рублей»¹. Столь высокой рентабельность монеты была при обмене её на китайские товары, что лишний раз подстёгивало купцов и контрабандистов рисковать. По этому поводу в Министерство иностранных дел докладывали, что ценность золота в Китае была настолько высокой, что «давая даже по 10 руб. сер. за полуимпериал, Китайцы не в убытке»².

Активизация торговли драгоценными монетами и кредитными билетами создала дополнительную напряженность в приграничных отношениях. Кяхтинский градоначальник Николай Романович Ребиндер, поддерживаемый генерал-губернатором Восточной Сибири, инициировал обращение к Ургинскому амбаню Бэйсею. В письме российской стороны отмечалось, что «купцы Дайцинского и Российского государств должны торговлю вести на Кяхте меною товаров на товары»³, а использование денег в приграничье приводит к конфликтным ситуациям в отношениях между странами. В ответном письме Ургинский амбань согласился и вскоре ввел запрет на прием российских денег китайскими торговцами.

Однако в 1853 г. ситуация на кяхтинском торге заметно ухудшилась. Причиной стало бушевавшее в Китае тайпинское восстание. К этому времени тайпины не только утвердились на юге Китая, но и планомерно продвигались на север. Кяхтинский градоначальник писал, что «весь южный Китай во власти инсургентов, которые проникли уже в среднюю часть Китая, утвердившись на

¹ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. СПб: Тип. К. Вульфа, 1869. С. 93.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 263. Л. 29–29 об.

³ Там же. Л. 13 об.

всём пространстве течения реки Янцзы. Торговое сообщение через эту реку прекратилось и самые важные пункты для чайной торговли с Россией – Нанкин, Су-чжеу, Фу у-чжеу-фа, Ань Хоэ и торговая слобода Хань-Коу в руках мятежников»¹. Страдала не только чайная торговля, но и экспорт российских изделий, особенно сукна и плиса. Учитывая нестабильность обстановки, купцы робкими шагами проверяли покупательскую способность китайского рынка: «в виде попытки послана третья часть сих товаров (сукно и плиса) на ярмарку в торговую слободу Мочжеу, недалеко от Пекина, но надежды мало на успех»². На фоне восстания в Китае в Кяхте участились случаи воровства, мошенничества и поджогов. Все эти факторы привели к тому, что оборот чая между двумя странами сократился более чем втрое и составил в 1853 г. 3 млн 200 тыс. фунт.³

В связи со сложившейся ситуацией правительство пошло на беспрецедентные меры – постепенную ликвидацию более чем вековой системы торговли с Китаем, основанной на меновом обмене. Невыгодность менового торгова во многом была обусловлена ценовой политикой, которую «практически единолично формировал Китай, завышая цены на главный продукт своего экспорта – чай, и занижая их на предметы российского ввоза»⁴. Первым шагом стало издание в 1854 г. указа «О дозволении на Кяхте промена Китайцам серебряных изделий», разрешавшего вывоз за рубеж изделий из серебра⁵. Воспользовавшись этим, купцы начали заказывать из Москвы серебряные сервизы, ставшие своеобразной валютой для торговли чаем: «и когда увидали от этого выгоду, то начали все делать подобные заказы, потом серебро уже пошло под видом только подделок просто весом»⁶.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 961. Л. 2.

² Там же. Л. 2-2 об.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 954. Л. 35 об.

⁴ Кальмина Л.В. Курас Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 442. С. 122.

⁵ Именной «О дозволении на Кяхте промена китайцам серебряных изделий». 6 августа 1854 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1855. Т. 29. Отд. 1. № 28461. С. 729.

⁶ Носков И.А. Кяхта. Иркутск: Иркутская публ. б-ка, 1861. С. 11.

В августе 1855 г. был принят закон «Об изменении правил Кяхтинского торго», разрешавший «отпуск за границу через Кяхту золотой монеты, с тем чтобы она вывозима была не иначе, как совокупно с товарами и чтобы ценность её, вместе с ценой промениваемых золотых и серебряных изделий, составляла каждый раз для каждого торговца не более одной трети ценности мануфактурных и не более половины ценности пушных товаров, вывозимых совокупно с металлами»¹. Кроме того, дозволялся «промен товаров с Китайцами на Кяхте производить по вольным ценам, без всякого ограничения какими-либо общественными положениями»².

Принятые законы существенно упрощали коммерческие операции на границе, что в значительной степени оживило кяхтинскую торговлю. Однако одновременно они способствовали увеличению оборотов контрабанды драгоценных металлов. Законы 1854 и 1855 гг. существенно облегчали возможности для тайного вывоза монеты в Китай, тем более что «в предшествующее время совершенного запрещения её образовалось множество смелых провозителей, составивших целый свод хитростей и уловок, имеющих целью или обмануть стражу, или заставить провозить монету тех самых, которые должны были следить за исполнением законов»³. Современник событий Н.К. Крит писал: «Не подлежит никакому сомнению, что в последний период, т.е. с 1857 по 1861 годы, монеты вывозилось вдвое более объявленного количества». Сумма легального вывоза драгоценных металлов за год составляла более чем 3 млн 700 тыс. руб. серебром.⁴

Последнее десятилетие перед закрытием Кяхтинской таможни выдалось активным не только с точки зрения контрабанды драгоценных металлов, но и чая, нелегальным промыслом которого занимались купцы и местные жители, а также армейские чины. К примеру, 22 марта 1854 г. у бессрочноотпускного

¹ Высочайше утверждённое положение «Об изменении правил Кяхтинского торго». 1 августа 1855 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1856. Т. 30. Отд. 1. № 29554. С. 528.

² Там же. С. 529.

³ Крит Н.К. Будущность кяхтинской торговли. СПб: тип. Арт. дел. В.М., 1862. С. 51.

⁴ Там же. С. 52.

унтер-офицера Ивана Щербакова был найден контрабандный чай¹. В ходе обыска дома отставного солдата Мухина также был обнаружен китайский напиток, оцененный в 14 руб.² В другом случае при переходе из торговой слободы была задержана солдатка Анисья Серебренникова, которая спрятала 3 фунт. чая в туеске под крупой³.

Часто на контрабанде попадались мещане и крестьяне. Если незаконный товар обнаруживали у крестьян, то обычно он был в небольших количествах, и, вероятно, предназначался для личного потребления. Находили контрабанду, как правило, при личном обыске. Характерным местом, куда прятали чай, были брюки. При возникших подозрениях кяхтинский градоначальник мог отдать приказ на обыск дома, в котором, предположительно, хранилась контрабанда. Такой случай произошел в марте 1858 г., когда у местного мещанина Кожевина в доме было найдено «112 кирпичей пекинского и 29 кирпичей кирпичного обыкновенного чая»⁴.

Для маскировки нелегального товара могли использоваться фальшивые клейма. В июне 1852 г. была задержана Чойжит Цыnguнова с кирпичным чаем. При содействии кяхтинской полиции удалось выяснить, что изначально показавшиеся подозрительными клейма, при проверке товара оказались поддельными⁵. Использование подобных печатей считалось серьезным преступлением, в связи с чем в расследовании таких случаев могла быть задействована полиция. Ещё один пример это наглядно демонстрирует. В июне 1852 г. были задержаны три солдатские жены Долина Ведерникова, Анна Иванова и Авдотья Суровцева. При них был обнаружен кирпичный чай с «сомнительными знаками», оцененный в 3 руб. 55 коп. Они пытались пронести напиток, спрятав под калачами, но затея не удалась и все трое были задержаны,

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 266. Л. 26.

² Там же. Л. 47.

³ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 617. Л. 21.

⁴ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 266. Л. 34.

⁵ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 299. Л. 5.

а в их домах проведен полицейский розыск, правда по его итогам ничего подозрительного найдено не было¹.

Порой жители Троицкосавска становились посредниками в нелегальной торговле. Люди, жившие вне градоначальства, с их помощью покупали на ассигнации и монеты чай у китайских торговцев и передавали им записку, в которой содержалось имя доверенного лица, кому надлежало получить товар ночью на границе. Такая записка доходила до мелких китайских купцов, которые, в свою очередь, покупали чай в больших лавках в Маймачене и расфасовывали его в мешки, согласно заказу. Затем чай передавался в условленном месте доверенному лицу, которое доставляло товар первоначальному заказчику². По мнению А.П. Субботина, русские торговцы получали контрабандный чай в основном через бурят. Для провоза товара недалеко от границы обустраивались склады, где хранился утаённый от пошлины китайский напиток. Для обмана таможенной стражи и проноса нелегального товара изощренные преступники использовали различные способы: «фальшивую тревогу, переодевание, секретные ящики у экипажей и пр. штуки»³.

Как уже отмечалось ранее, к пресечению нелегальной деятельности привлекались казаки, которые осуществляли ежедневный разъезд вдоль границы для обеспечения порядка. Во время одного из разъездов казаки встретили у границы двух наездников, которые попытались скрыться. Одному удалось успешно уйти, тогда как второй «начал отбиваться палкой и камнями», после чего пустился в бега, скинув с лошади два мешка. Его все же удалось задержать, потому что в какой-то момент лошадь выбила из седла контрабандиста, но из-за того, что его нога застряла в стремях, животное «долго таскало его по лесу». Задержанным оказался местный подросток, а в

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 298. Л. 3–3 об.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 623. Л. 5.

³ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других странах. Производство, потребление, и распределение чая. СПб: Тип. Северного Телеграфного Агентства, 1892. С. 581.

скинутых им мешках было обнаружено 53 кирпича чая¹. В другом случае караульным казакам удалось поймать еще одного юного контрабандиста, который пытался скрыться на лошади с одним подозрительным мешком. Им оказался «казачий подросток цонголова полка» Зандан Ямаев. Во время задержания ему были нанесены увечья, из-за чего он был доставлен в больницу².

Если в контрабандной деятельности уличались сами казаки, они передавались командующему бригадой Забайкальского казачьего войска. В связи с чем командующий первой бригады Забайкальского казачьего войска в донесении кяхтинскому градоначальнику писал, чтобы таможенные служащие не отпускали на свободу казаков после взятия показаний, если таковой «будет пойман в тайном провозе или проносе из-за китайской границы непозволительных товаров»³. Возникали конфликтные ситуации между таможенниками и казаками. В начале 1850-х гг. досмотрщиками кяхтинской заставы был задержан Данила Кириллов, рядовой воинской полуроты. При себе у него было 20 фунт. байхового чая, два кирпича пекинского чая и фарфоровая китайская чашка. Кириллов утверждал, что все это он нашел на улице и собирался унести своему начальству⁴. Приведенные данные показывают пеструю картину контрабандной активности, в том числе вовлеченность казаков не только в охрану границы, но и их участие в контрабандной деятельности.

В 1856 г. пограничным комиссаром А.И. Деспот-Зеновичем была составлена инструкция, дополненная кяхтинским градоначальником В.М. Федоровичем, в которой отмечалось, что основной маршрут контрабандистов проходит между реками Чикой и Селенга, в связи с чем предлагалось установить караульные посты в данной местности, каждый из которых был бы

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–1 об.

² ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 150. Л. 2 об.

³ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 6.

удален друг от друга на 5 верст¹. Данное предложение было реализовано только в 1858 г., когда началось строительство 18 караульных постов, при этом для выбора места их размещения была составлена специальная комиссия, куда вошли пограничный комиссар, градоначальник, таможенный чиновник, землемер и один из купеческих старшин².

Во второй половине 1850-х гг. в связи с нестабильной обстановкой в Китае, где помимо восстания тайпинов началась Вторая Опиумная война, усилился спрос на драгоценные металлы, что сыграло на руку русским купцам. Теперь они при расчете серебром или золотом приобретали чай, проводили другие торговые операции на более выгодных условиях. Следствием стало увеличение ввоза чая в Россию через Кяхту. Если в 1854 г. было привезено 73 тыс. цыбиков байхового чая, то в 1856 г. – уже 115 тыс.³

Послабления в меновой торговле давали возможность русским купцам манипулировать ценами на отечественную мануфактуру, которая по-прежнему служила основным товаром для вымена китайского чая. Кяхтинские купцы использовали лазейки в законах 1854 и 1855 гг. для вывоза драгоценных металлов сверх установленной нормы. Вывоз золота и серебра хоть и зависел от объемов экспортируемых мануфактурных и пушных товаров, но их стоимость определялась купцами, поэтому они «после вступления в силу этого разрешения тотчас же возвысили цены промениваемых товаров от 30 до 40 % и на столько же понизили объявляемую ими стоимость чаёв»⁴. Таким образом российская промышленность в перспективе теряла крупнейший рынок сбыта для своих товаров.

Тяжелый для Китая ход войны позволил иностранным государствам, в том числе и России, заключить ряд выгодных для себя договоров. В 1858 г.

¹ ГАРБ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 903. Л. 13.

² Там же. Л. 55.

³ Носков И.А. Кяхта. Иркутск: Иркутская публ. б-ка, 1861. С. 12.

⁴ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 51.

были подписаны Айгунский¹ и Тяньцзиньский² трактаты, а в 1860 г. Пекинский договор³, расширившие возможности для торговли между двумя странами: «Торговля России с Китаем отныне может производиться не только сухим путем в прежних пограничных местах, но и морем. Русские купеческие суда могут приходить для торговли в следующие порты: Шанхай, Нин-бо, Фу-чжоу-Фу, Сямынь, Гуандун, Тайвань-Фу на остров Формоза, Цюн-чжоу на острове Хайнань, и в другие открытые места для иностранной торговли»⁴. Россия присоединилась к морской торговле с Китаем с одной лишь оговоркой – чай по-прежнему было разрешено ввозить только через Кяхту. Но это ограничение вскоре было отменено. В марте 1861 г. был издан закон «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское»⁵. Данный акт включал в себя два важных пункта для кяхтинской торговли. Во-первых, снимались абсолютно все ограничения на использование драгоценных металлов для коммерции; во-вторых, с 1 апреля 1862 г. для китайского чая открывались западные границы Российской империи, как сухопутные, так и морские⁶. Чтобы сразу не нокаутировать кяхтинскую торговлю, правительство создало искусственное ограничение в виде более высокой пошлины на китайские чаи, ввезённые через западные границы – за черный торговый 30 коп. с фунта, а за байховый цветочный 60 коп. На «азиатской границе» налог составлял 15 коп. с фунта за торговый и 40 коп. за цветочный⁷.

Последним шагом, предпринятым правительством в целях сохранения торговли с Китаем, стало принятие в феврале 1862 г. «Правил для сухопутной

¹ Договор, заключенный в Айгуне 16-го Мая 1858 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 110–112.

² Трактат, заключенный в Тянь-Цзине 1-го Июня 1858 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 124–125.

³ Дополнительный договор, заключенный 2-го Ноября 1860 года в Пекине // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 159–172.

⁴ Трактат, заключенный в Тянь-Цзине 1-го Июня 1858 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 124–125.

⁵ Высочайше утвержденное мнение «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское». 30 марта 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36784. С. 518–520.

⁶ Там же. С. 519.

⁷ Там же. С. 519.

торговли с Китаем», согласно которым «на расстоянии 100 китайских ли (50 вёрст), в ту и другую сторону, торговля производится беспошлинно; при чем, относительно правил надзора, предоставляется каждой стороне сообразоваться со своими пограничными постановлениями»¹. Необходимость содержания приграничной с Китаем Кяхтинской таможни отпала, из-за чего она была ликвидирована, а её функции взяла на себя учреждённая в 1861 г. Иркутская таможня.

С 1862 г., когда был разрешен ввоз кантонского чая через западные границы, обороты кяхтинской торговли начали планомерно падать. Если в 1862 г. через Кяхту было привезено 13 млн 500 тыс. фунтов чая, то в 1867 г. – 6 млн 400 тыс.² Разница в расходах по перевозке одного фунта чая составляла 38 коп. в пользу морской. К тому же срок оборота капитала при торговле кантонским чаем составлял не более 5 месяцев, кяхтинским – от 12 до 14 месяцев³.

Таким образом, важные правительственные акты 1800 г., включая новый Кяхтинский тариф и правила для торговли, ввели конкретные таможенные сборы и регламентации, направленные на поддержание порядка и регулирование приграничного оборота. Эти меры способствовали активному росту торговли, особенно чаем, который постепенно стал основным товаром. Кроме того, в начале XIX в. государство предприняло попытки стимулировать отечественную промышленность, разрешив ввоз российских текстильных изделий и установив преференции для кяхтинских купцов. Эти меры позволили поддержать развитие кяхтинской торговли и увеличить доходы казны. Однако конкуренция с кантонским чаем, поступавшим нелегально через западные границы, а также рост объёмов контрабанды, оказали серьёзное влияние на внутренний рынок. К середине XIX в. стали очевидны недостатки, которые накладывала меновая торговля, препятствовавшая развитию более гибких

¹ Правила для сухопутной торговли с Китаем, заключенные в Пекине 20 февраля 1862 года // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 124–125.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 36. Л. 4.

³ Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // Mongolica-XI. 2013. С. 35.

экономических отношений. Ограничения на использование наличных денег и государственная монополия на экспорт и импорт ряда товаров, таких как драгоценные металлы, вызвали активное распространение контрабанды. В условиях недостаточного пограничного контроля и коррупции, контрабандисты находили различные способы для тайного провоза золота, серебра и других запрещённых товаров. Кяхтинские таможенные чиновники и купцы нередко обходили законы, что приводило к расцвету теневой торговли. Государство отвечало принятием мер для борьбы с контрабандой, включая стимулирование таможенных чиновников, но эта деятельность оказалась недостаточно эффективной, так как коррупция, являвшаяся неотъемлемой частью местного торгового оборота с момента его основания продолжала распространяться в местной администрации.

Новая фаза в развитии российско-китайской торговли началась в ходе опиумных войн, когда Китай был вынужден открыть свои порты для иностранной торговли, и западные страны получили доступ к внутреннему рынку. Российское правительство ответило на вызовы, снизив пошлины на чай и упростив условия для ввоза драгоценных металлов. Эти шаги дали временный эффект. Кяхтинская торговля начала терять своё значение, особенно с открытием китайских портов и развитием морских путей сообщения.

Во второй половине XVIII в. кяхтинская торговля стала одним из важнейших элементов российско-китайских экономических отношений, способствуя росту товарооборота между двумя странами и укреплению их дипломатических связей. Кяхта, будучи одним из основных торговых узлов, обеспечивала России стабильный доход за счёт экспорта пушнины, текстильных изделий и других товаров, а также импортировала из Китая множество продуктов, в том числе чай. Однако, несмотря на усилия правительства по регулированию приграничной торговли и обеспечению контроля за потоками товаров, система сталкивалась с рядом серьёзных проблем.

Одной из ключевых сложностей, с которыми столкнулась российская таможня в Кяхте, стало широкомасштабное развитие контрабанды. Государственные меры по усилению таможенного контроля и пресечению незаконной деятельности оказались недостаточными из-за ряда факторов. Огромные расстояния между таможенными пунктами, слабая инфраструктура контроля, а также коррумпированность чиновников создавали благоприятные условия для процветания контрабанды. Значительная часть приграничной торговли проходила в теневом секторе, что существенно подрывало попытки властей навести порядок в системе и ограничить незаконный провоз товаров.

Действующими лицами контрабандной торговли в Кяхте стали не только местные купцы и торговцы, но и представители государственной власти, включая таможенников и высокопоставленных чиновников. В условиях отдалённости региона от центра и слабого контроля многие из них активно участвовали в незаконных схемах, что ещё больше усугубляло проблему. Несмотря на принимаемые законы и указы, направленные на ужесточение контроля и наказание контрабандистов, масштабы теневой торговли только росли.

Одной из причин процветания контрабанды стали постоянно возникавшие приграничные споры, вносившие нестабильность в отношения между Россией и Китаем. Периодические закрытия кяхтинского торгового пункта из-за обострения обстановки на границе приводили к тому, что официальная торговля останавливалась на несколько месяцев или лет, что, в свою очередь, стимулировало рост нелегальных форм обмена товарами. Монгольские посредники и местные жители, хорошо знакомые с географией региона, активно участвовали в тайной перевозке товаров через границу, что обеспечивало им значительную выгоду. Несмотря на эти трудности, кяхтинская торговля оставалась важным элементом внешнеэкономической политики Российской империи. Она приносила значительные доходы в казну за счёт таможенных сборов, а также способствовала расширению экономических связей с Китаем. Государство продолжало предпринимать попытки

урегулировать торговлю, вводя новые таможенные уставы и тарифы, однако эти меры не всегда оказывались эффективными. Контрабанда и коррупция продолжали подрывать усилия властей, создавая противоречивую ситуацию, в которой официальная и нелегальная торговля были тесно взаимосвязаны.

ГЛАВА III. ОТ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ: КОНТРАБАНДА В КЯХТИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В 1862–1917 ГГ.

3.1. Незаконный оборот товаров через границу в условиях порто-франко в Забайкалье (1862–1900 гг.)

В начале апреля 1862 г. были изданы указы, окончательно закрепившие «Правила для сухопутной торговли с Китаем», заключенные между странами 20 февраля того же года. 2 апреля 1862 г. опубликован закон «О дозволении пропускать беспошлинно по Азиатской торговле все вообще Китайские товары, кроме чая, об учреждении надзора за непропуском через границу воинских снарядов и опиума в Китай, а вин и хлебных водок из Китая, и о применении общего по Европейской торговле тарифа к Европейским и колониальным товарам, доставляемым через порты Приморской и Амурской областей»¹. Фактически на территории Забайкалья и Дальнего Востока вводился режим порто-франко, подразумевавший беспошлинную торговлю на всем российско-китайском приграничье. Согласно документу, определялся перечень запрещенных к ввозу-вывозу товаров в российско-китайском приграничье, а местным властям вменялось в обязанность организовать строгий надзор по недопуску через китайскую границу контрабандных товаров в пунктах пограничного торгова. То, что раньше входило в сферу деятельности Кяхтинской таможни, теперь фактически ложилось на плечи кяхтинского пограничного комиссара и градоначальника. На момент вступления указа в силу пост кяхтинского градоначальника занимал А.И. Деспот-Зенович. Александр Иванович окончил юридический факультет Московского университета.

¹ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О дозволении пропускать беспошлинно по Азиатской торговле все вообще Китайские товары, кроме чая, об учреждении надзора за непропуском через границу воинских снарядов и опиума в Китай, а вин и хлебных водок из Китая, и о применении общего по Европейской торговле тарифа к Европейским и колониальным товарам, доставляемым через порты Приморской и Амурской областей». 2 апреля 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1865. Т.37. Отд. 1. № 38123. С. 286–287.

Перипетии судьбы, а также ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, привели к тому, что он в 1852 г. прибыл в Кяхту и занял должность исполняющего обязанности пограничного комиссара. Здесь он оказался на своем месте и развернул активную деятельность. «Имея постоянные контакты с дзаргучеем, китайскими чиновниками, купцами, он приобрел навыки в общении с ними и необходимые в его положении дипломатический такт и проницательность»¹. С 1858 г. А.И. Деспот-Зенович стал фактически кяхтинским градоначальником. Он активно боролся со взяточничеством, составлял доклады о причинах бурной контрабандной деятельности в приграничье, главную из которых он видел в высоких пошлинах на чай, стимулирующих купцов к организации тайного провоза товара. А.И. Деспот-Зенович оказался последним кяхтинским градоначальником. Указом от 9 февраля 1863 г.² эта административно-территориальная структура была упразднена, но некоторые её ведомства продолжили свою деятельность, к примеру, Троицкосавское городское полицейское управление³. Согласно Высочайше утвержденному положению, Троицкосавск с двумя слободами – Кяхтой и Усть-Кяхтой – вошли в состав Забайкальской области с подчинением Забайкальскому областному начальству. Второй пункт Положения гласил: «для сношения с Дзаргучеем Кяхтинского Маймачена и для заведывания собственно пограничными делами в Кяхтинской слободе, находится Пограничный комиссар. Он подчиняется непосредственно Военному губернатору Забайкальской области, а по делам дипломатическим входит с представлениями

¹ Маланова А.В. Кяхтинское градоначальство и А.И. Деспот-Зенович // Молодой учёный. 2011. № 9 (32). С. 164.

² Именной «О упразднении Кяхтинского градоначальства, управлении пограничным городом Троицкосавском, с принадлежащими к нему слободами: Кяхтою и Усть-Кяхтою, и о некоторых преобразованиях по гражданскому управлению Восточной Сибири». 9 февраля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39267. С. 150–151.

³ Малыгина О.А. Кяхтинское градоначальство – особый административный проект преобразования Забайкальского трансграничья (вторая половина XIX в.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 90.

к Генерал-Губернатору Восточной Сибири»¹. Пограничный комиссар, помимо регулирования дел на границе, выдавал билеты китайским подданным на въезд в пределы Российской империи, а также собирал статистические сведения о ввозимых и вывозимых китайцами товарах².

Несмотря на то, что процесс ликвидации местной таможни начался ещё в 1861 г.³, она продолжала оказывать существенное влияние на местный торг. Для завершения таможенных дел в Кяхте была создана временная ликвидационная комиссия и казначейство, работавшие на протяжении одного года⁴. Полномочия созданного органа не были до конца формализованы, в связи с чем порой возникали разногласия в вопросе компетенций ликвидационной комиссии и кяхтинского градоначальника. Активность таможни в переходный период отмечали и местные жители. Так, один из авторов «Кяхтинского листка» писал по поводу затеи местных купцов организовать Коммерческое агентство в Китае: «В то же время купечество стало замечать, что Кяхтинская таможня, по каким-то высоко-экономическим или финансовым соображениям, или просто по привычке всегда держать опеку над интересами кяхтинского купечества – смотрела не совсем миролюбиво на это новое начало коммерческой предприимчивости»⁵. Помимо желания контролировать деятельность агентства, по мнению автора заметки, таможня также хотела «подчинить своему начальническому влиянию» установленный капитал в размере 28 тыс. руб., который купцы собирали по 15 коп. с каждого ящика байхового чая, привозимого из Китая.

3 апреля 1862 г. было опубликовано «Высочайше утвержденное Положение об устройстве таможенной части и таможенном производстве в

¹ Высочайше утвержденное положение об управлении пограничным городом Троицкосавском, с принадлежащими к нему слободами: Кяхтою и Усть-Кяхтою. 9 февраля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39269. С. 152–153.

² Петров А.И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 7.

³ ГАИО. Ф. 153. ОЦ. Д. 1. Л. 8.

⁴ ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

⁵ По поводу заметки «Кяхтинского листка» о прекращении коммерческого агентства в Китае // Кяхтинский листок. 1862. № 5. С.1.

Восточной Сибири»¹, состоявшее из 52 пунктов, большая часть из которых обозначала компетенции Иркутской таможни в новых реалиях российско-китайской торговли. Были прописаны ее полномочия в отношении контрабандной деятельности. К примеру, п. 13 «Положения» предоставлял право Иркутской таможне «окончательно решать дела по тайному провозу товаров на сумму до 300 руб.»² Для пресечения контрабанды учреждалась таможенная линия, состоявшая из застав. Их устанавливали в тех местах, где злоумышленникам, предположительно, было бы удобнее всего провозить свой товар: в Лиственничном, Голоустном, на Ольхоне, в Култуке и Тунке³. До момента пока не будет сформирована таможенная стража, указ предписывал охранять «линию» от посягательств казакам, которые должны были подчиняться в делах, касавшихся таможенной службы, местному таможенному начальству. По состоянию на 1863 г. к учреждению было прикомандировано 4 урядника и 63 казака из Забайкальского казачьего войска, задачей которых было в том числе пресечение контрабандной деятельности⁴. Примечательно, что указ об учреждении таможенной стражи взамен казачьей и инвалидной команд⁵, был опубликован только в 1898 г. Согласно закону, вооруженная стража получала право использовать оружие, а их функционал был обозначен

¹ Высочайше утвержденное Положение об устройстве таможенной части и таможенном производстве в Восточной Сибири. 3 апреля 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38123. С. 289–294.

² Там же. С. 291.

³ Неклюдова А.В. Иркутская таможня во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 87.

⁴ Высочайше утвержденное положение «О порядке довольствия сеном лошадей казаков Забайкальского казачьего войска, отправляющих таможенную службу на постах, заставах и в городе Иркутск, а также наблюдающих за непуском контрабанды в Тункинском крае» // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39278. С. 155–156.

⁵ Инвалидная команда – это военное подразделение в Российской империи, состоявшее из военнослужащих, признанных неспособными к полевой службе из-за ранений или болезней. Эти команды выполняли задачи по несению караульной службы и поддержанию порядка в городах и уездах, а солдаты обеспечивались обмундированием и участками земли для поселения. Кяхтинская таможенная инвалидная команда состояла преимущественно из военных в отставке. Выполнение караульных функций было второстепенной задачей, в основном же инвалидная команда представляла собой рабочую артель при дворе таможни. Несмотря на упразднение таможни в начале 1860-х гг., инвалидная команда продолжала свою деятельность. Правоохранительные функции инвалидной команды постоянно менялись, то упразднялись вовсе, то вновь восстанавливались.

следующим образом: «на обязанности стражи лежит не допускать перехода границы или водворения товаров либо иных предметов через границу недозволенными путями и способами»¹. В конечном итоге, для обслуживания линии и постоянных разъездов потребовалось «от 200 до 250 объездчиков при нескольких офицерах и 20 унтер-офицерах», на которых выделялось от 22 тыс. руб. ежегодно².

С ликвидацией таможни в Кяхте влияние на приграничную торговлю пыталась оказывать теперь уже Иркутская таможня. Косвенным подтверждением данному обстоятельству служит объявление кяхтинского градоначальника А.И. Деспот-Зеновича, опубликованное в местной газете: «Таможня не должна иметь на этот край и на производство торговли никакого влияния... Все распоряжения таможни, заключающие отмену или дополнение этого положения (от 3 апреля 1862 г.) не должны быть исполняемы в подведомственном мне градоначальстве»³. Примечательна позиция одного из авторов «Кяхтинского листка», который выражал мысль о том, что не следовало останавливаться на упразднении таможни только в Кяхте: «уничтожение таможни в Иркутске было бы очень справедливою мерой, в отношении к Западной Сибири, Енисейской, Иркутской и Якутской губерниям»⁴. Представляется любопытной одна из причин, из-за которой следовало упразднить Иркутское учреждение: «Но, кроме пользы материальной, в уничтожении таможен есть ещё и другая полезная сторона – уничтожение нравственного зла – контрабанды – необходимого следствия всех таможенных учреждений»⁵. В своей заметке автор также писал о том, почему в контрабандной деятельности принимали активное участие служители таможни: «таможенная стража, вообще не обеспеченная от правительства хорошим

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об образовании таможенной стражи в Восточной Сибири». 26 января 1898 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1901. Т. 18. Отд. 1. № 14931. С. 65–66.

² Неклюдова А.В. Иркутская таможня во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 87.

³ Объявление // Кяхтинский листок. 1862. № 13. С. 8.

⁴ Нужды торговли // Кяхтинский листок. 1862. № 9. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

содержанием и составляемая часто без всякого выбора, нередко принимает участие в провозе контрабанды»¹.

Свое мнение о переносе таможни ещё в 1861 г. высказал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Он негативно оценил перспективы переноса таможни в Иркутск, считая, что подобное действие «будет иметь своим следствием бесполезные издержки на содержание таможни, которая не сможет контролировать потоки товаров за Байкалом. Результатом же отсутствия надлежащего контроля станет разгул бандитизма и контрабанды в Забайкалье»².

Принятые государством шаги по преобразованию российско-китайских экономических отношений стали причиной приостановки деятельности таможенных учреждений в Забайкалье и на Дальнем Востоке практически на 40 лет. Но при разрешении свободной торговли по 50-верстной льготной полосе был определен перечень запрещенных к вывозу товаров в Китай (опиум и военные снаряды) и ввоза из Китая (хлебные вина и водка). Правда пресекать их тайную перевозку теперь должна была местная администрация и учрежденное в 1860-е гг. акцизное управление. Учитывая масштабы контрабанды алкогольной продукции в Забайкалье в начале XX в., когда таможня в Кяхте была восстановлена, представляется вполне вероятным, что в период ослабления контроля на границе во второй половине XIX в. тайный ввоз китайского алкоголя в кяхтинском приграничье также процветал.

Контроль за движением алкогольной продукции и других товаров из «акцизного перечня» через границу ложился на плечи должностных лиц акцизного управления. Подобные ведомства начали учреждаться на окружном и губернском уровнях в период реформ Александра II, в ходе которых были и изменения в организации сбора косвенных налогов. Суть этих изменений сводилась к тому, что вводилась акцизная система с постоянным сбором пошлины с определённых товаров, вместо существовавшей до этого практики

¹ Там же.

² Синиченко В.В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX в.–1884 г.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. С. 58.

откупок. Полномочия чиновников акцизного управления были достаточно широкими. Они контролировали деятельность табачных фабрик, места продажи алкогольной продукции на предмет соблюдения акцизного законодательства. При необходимости и «возникшему уважительному подозрению» чиновники ведомства имели право произвести осмотр таких мест даже в ночное время¹. В разделе «О служебных правах и преимуществах должностных лиц Акцизного управления» отдельно отмечалось: «вооружить винтовками кавалерийского образца сборщиков денег и конных контролеров Управления акцизными сборами Забайкальской области, как лиц, подвергающихся частым нападениям злоумышленников или имеющих столкновения с контрабандистами, и предоставить им употреблять это оружие против злоумышленников»². Данное примечание является ещё одним подтверждением того, что разгул контрабандной деятельности в Забайкалье был беспрецедентным и требовал особого регулирования.

Со временем компетенции чиновников дополнялись и расширялись. Закон от 3 июля 1867 г. позволял служителям акцизного управления Восточной Сибири осматривать в определённых пунктах Забайкальской области, в том числе и в Кяхте, «караваны с товарами в Кяхту из Китая, с целью удостовериться, не находятся ли на судах, пароходах и караванах напитки, запрещённые к провозу или без платежа пошлины ввезенные»³. Отметим, что в служебной переписке между Главным управлением Восточной Сибири и военным губернатором Забайкальской области особое внимание уделялось выполнению именно этого положения закона: «Генерал-губернатор Восточной

¹ Образование Акцизного Управления // Свод законов Российской Империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. Кн. 2. Т.5. СПб: Деятель, 1912. С. 246.

² Там же. С. 245.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О ввозе иностранных крепких напитков в Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области Восточной Сибири». 3 июля 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1871. Т. 42. № 44801. С. 1124–1125.

Сибири изволил приказать ныне же привести в исполнение 2 пункт Указа ... об осмотре караванов»¹.

Малочисленные чиновники акцизного надзора не могли эффективно бороться с нелегальным ввозом китайской водочной и спиртовой продукции. Огромный спрос на ханшин² в пределах Забайкалья был связан не столько со специфичными вкусовыми ощущениями и крепостью напитка, а скорее с дешевизной в сравнении с российским аналогом. В Китае не существовало акцизного сбора при розничной продаже ханшина, помимо этого его себестоимость не увеличивалась из-за таможенных сборов при переходе российской границы, так как она была запрещена к ввозу. В связи с этим одна бутылка контрабандной китайской водки, не очищенная налогами, стоила 40 коп., тогда как бутылка российской водки от 1 руб.³ Нелегальные поставки китайской водки в Россию стали выгодным бизнесом, в связи с чем на приграничных территориях развернулось кустарное производство по изготовлению ханшина. Разные по размеру и объему выпускаемой продукции «заводики» оборудовали не только на территории Китая, но и в России. Так, в 80-е гг. XIX в. в Уссурийском крае активно действовало более 130 таких заводов, а на территории Манчжурии, откуда спирт доставлялся в пределы Забайкалья, таковых было как минимум 18⁴. Организаторами подобных кустарных производств выступали не только китайские, но и российские подданные, а объёмы ежегодного ввоза ханшина из Маймачена в Забайкалье составляли более 8 тыс. пуд.⁵ Не облегчало ситуацию и то, что цены на российскую водку периодически поднимались. Один из современников в ответ

¹ ГАЗК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

² Ханшин – традиционный китайский крепкий алкогольный напиток, как правило, низкого качества, напоминающий неочищенную хлебную водку, характерными чертами которого являются мутноватый жёлтый цвет и специфический запах.

³ Гемерман Е.В. Дальневосточная преступность в дореволюционный период: исторические и региональные особенности // Ойкумена. 2006. № 3. С. 16.

⁴ Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (01.09. 2024).

⁵ Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX–начало XX в.) // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 148.

на повышение стоимости водки до 50 коп. на ведро рассуждал: «Достигнут ли они [оптовые водочные склады] этим какой-нибудь выгоды мы не знаем, но что тайная и явная торговля ханшином будет процветать ещё более, в этом нет сомнений»¹.

Помимо борьбы с нелегальным ввозом через границу алкогольной продукции в торговой слободе возникли более насущные проблемы. Начало 1860-х гг. оказалось трудным периодом для кяхтинских купцов. Это время ознаменовано медленным угасанием местного торгова. Не спасло ситуацию даже установление на кяхтинской границе более низких пошлин на ввозимый чай по сравнению с морской доставкой. Сведения о пошлинных сборах лишь подтверждают негативную для кяхтинского торгова тенденцию (табл. 6).

Таблица 6

Сведения о количестве ввезённого байхового чая через Кяхту и
собранных таможенных пошлинах²

Год	Привезено чая (в фунтах)	Поступило пошлин (в рублях)	5% сбор (в рублях)
1860	13698854	5664737	
1861	13435679	4251512	
1862	13585853	2266216	
1863	9880785	1819529	90979
1864	9399559	1471441	73572
1865	8660208	1330977	66548
1866	7962733	1194410	59730
1867	6485967	972895	48644

Материалы таблицы показывают, что наиболее резкое падение показателей ввоза чая произошло в 1863 г. (на 27 % по сравнению с 1860 г.), когда уже действовали новые правила торговли. Сокращение ввоза наблюдалось и в последующие годы. В 1867 г. этот показатель составлял 47 % от уровня 1860 г., что отразилось и на размере пошлинного сбора. Если в безбедный для Кяхты 1860 г. было собрано налогов с одного только байхового

¹ Современная летопись Кяхты-Троицкосавска // Байкал. 1898. № 11. С. 4.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 36. Л. 4.

чая на сумму 5 млн 664 тыс. руб., то в 1867 г. – всего лишь 972 тыс. руб. Согласно указу от 30 декабря 1861 г.¹ с иностранных товаров, ввозимых через европейскую и азиатскую границы, стали взимать дополнительно в виде пошлины 5 % с рубля. Так как указ вступил в силу с 1 мая 1862 г., достоверные сведения за 1862 г. не были собраны. Фактически новый сбор стал лишь надбавкой в виде 5% к уже собранным пошлинам.

Кяхтинским купцам приходилось конкурировать не только с кантонским чаем, но и с контрабандным, который продолжал ввозиться через западные границы: «при чем установилась контрабанда даже легальная, как её тогда называли, т.е. с пломбами»². О подобных махинациях, когда в цибиках «кяхтинской укупорки» с соответствующими пломбами местной таможни находился вовсе не китайский чай, а «польский», писал ещё в 1854 г. ротмистр Ярошевицкий в сообщении Министру внутренних дел: «цибики эти весьма легко могут заключать в себе не Китайский, но Польский чай, с сохранением даже на оных в целостном виде, самих пломб кяхтинской таможни, потому что когда на цибиках, выходящих из Кяхты бока вшиты сыромятным ремнём... Для примеси же в цибики Польского чая к китайскому, разрезав ремень, прикрепляющий на боку цибика вставную часть кожи, делают несколько значительных круглых дыр и через оные высыпают часть китайского чая, накладывая в те же дыры Польский чай... После чего ремнем подобным первому, прижимают боковую часть кожи, так что наружный вид цибика оказывается ненарушенным, тем более что и таможенная пломба остаётся при цибике на прежнем месте»³.

Положение кяхтинских купцов становилось всё более плачевным, в связи с чем генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков вынужден был в

¹ Именной «Об увеличении податей и налогов, возвышении гербового и почтового сборов и таможенных пошлин». 30 декабря 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37818. С. 669-670.

² Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту // Издание кяхтинского купечества. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. С. 70.

³ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 582. Л. 379.

1868 г. обратиться с прошением о даровании «нашей сухопутной торговле с Китаем через Кяхту льгот, необходимых для поддержания этой торговли, постепенно угасающей»¹. Проблема становилась насущнее из-за окончания строительства Суэцкого канала, который значительно облегчил бы морскую транспортировку, в том числе кантонского чая. У кяхтинского чая помимо налоговых льгот сохранялись другие преимущества перед ввозимым через море кантонским. Дело в том, что часть потребителей с центральной части Российской империи по-прежнему считала чай, доставленный сухопутной дорогой, более качественным. Причины такого мнения крылись не только в ностальгических чувствах, поскольку ранее весь легальный китайский чай доставлялся через Кяхту, но и имели вполне объективное объяснение. Морская транспортировка чая имела свои подводные камни, так как зачастую ценный напиток промокал в пути, что значительно портило товар².

Из Кяхты в этот период уезжали крупнейшие купцы. Они отправляли своих агентов в самое сердце китайской чайной торговли – город Ханькоу, где теперь покупался напиток, а затем вывозился уже знакомым путем через Монголию³. Оставшиеся купцы становились комиссионерами по отправке чаев из Кяхты в другие российские города, на крупные ярмарки и т.д. Сама же слобода к 1870-м гг. стала складочным пунктом, где «чай зашивался в кожи, для гужевой отправки через Сибирь, а кирпичный чистился от плесени, сортировался»⁴.

В начале 1860-х гг. в кяхтинском приграничье произошли изменения в структуре контрабанды драгоценных металлов. Контрабандисты начали всё чаще тайно провозить шлиховое золото, представлявшее собой продукт первичной обработки частиц золота (от мелких крупинок до самородков), которые добываются путем промывки рыхлых пород и остаются в лотке после

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 36. Л. 1.

² Трусов И.В. Чайное дело // Байкал. 1898. № 26. С. 3.

³ Губаревич-Радобыльский А.Ф. Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России. СПб: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. С. 122.

⁴ Там же.

удаления легких примесей. Купцы, получившие свободу в операциях с китайскими торговцами, перестали быть ключевыми фигурантами незаконного вывоза золота и серебра. Их место заняли старатели первой волны «золотой лихорадки» в Забайкалье, которые занимались добычей золота и его утайкой. Так, согласно статистическим данным, в 1864 г. на рудниках Баргузинского и Верхнеудинского округов было добыто 125 пуд. золота, в следующем же году, когда была разрешена частная золотопромышленность в Нерчинском крае, объём добычи увеличился до 165 пуд. Наивысших показателей забайкальская золотопромышленность достигла в 1877 г. – 268 пуд.¹ Однако отчёты по золоту «очищенного податью» не отражали полной картины оборота металла, поскольку золотопромышленникам, стремившимся снизить попудную подать, было невыгодно регистрировать полные данные. В документах также не фиксировались результаты добычи вольных старателей. Сотни пудов золота расхищались и беспощинно уходили в Китай². Ситуацию подтверждает «Отчёт окружного Ревизора о частной золотопромышленности Забайкальской области» за 1883 г., в котором отмечены неблагоприятные обстоятельства, препятствующие добыче драгоценного металла: «развившееся до высшей степени между крестьянами, населяющими эти местности, хищничество золота, и близкое соседство с Китайской границей, дающее возможность сбывать утаённое золото»³. По подсчётам П.М. Головачёва, объём контрабанды драгоценных металлов, нелегально провозившегося через Кяхту, достигал 100-150 пуд. золота⁴. Примечательно, что утаённое от таможи золото

¹ Отчёт окружного Ревизора о частной золотопромышленности Забайкальской области в 1883 году // Приложение первое к выпуску 1 Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Тип. Н.Н. Сеницына, 1884. Т. 7. С. 10.

² Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880-1920-е годы: региональная специфика // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 30.

³ Отчёт окружного Ревизора о частной золотопромышленности Забайкальской области в 1883 году // Приложение первое к выпуску 1 Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Тип. Н.Н. Сеницына, 1884. Т. 7. С. 41.

⁴ Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1905. С. 330–331.

обменивалось в Китае на русские кредитные билеты, которые китайцы приобретали за серебро по пониженному курсу. Золотопромышленники, желая сократить кражу золота, платили рабочим до 3 руб.¹ за найденный золотник драгоценного металла, но даже такая мера не помогала, так как скупщики покупали его дороже, поскольку им не нужно было сдавать золото в лабораторию и платить пошлину.

Усугублялось положение с контрабандой золота ещё и потому, что на забайкальских приисках работало очень много китайцев и корейцев. Они соглашались на меньшую заработную плату, чем российские старатели, охотнее выполняли черновую работу, отличались старательностью и неприхотливостью, а также для них не нужно было строить помещения для жилья, так как «они сами их строят и без всякой оплаты со стороны управления приисками»². Принимая такие условия, китайцы и корейцы организовывали тайную добычу и скупку золота у рабочих, а затем отправляли драгоценный металл за границу. Из донесений, приходивших от правоохранительных органов, становится очевидно, что бороться с этим было практически невозможно, так как преступники действовали крайне сплоченно, проявляя круговую солидарность во всех действиях, противопоставить же этому малочисленная горная полиция ничего не могла³. Размах преступной деятельности, учиненный иностранцами, требовал вмешательства со стороны правоохранительных органов, в связи с чем они периодически проводили операции по задержанию контрабандистов. Одна из первых крупных операций, в ходе которой удалось задержать несколько китайских старателей, занимавшихся хищением золота, была проведена в 1883 г. В ходе судебного разбирательства виновные были осуждены на три года⁴.

¹ О золотопромышленности в Забайкалье // Байкал. 1898. № 16. С. 2.

² Ланцова Ю.Н. Китайские и корейские рабочие в золотопромышленности Забайкальской области (середина XIX–начало XX вв.) // Ученые записки ЗабГГПУ. 2009. № 3(26). С.127.

³ Там же.

⁴ Единархова Н.Е. Восточная Сибирь и сопредельные страны в XIX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока. Иркутск: ИГПИ, 1996. С.11.

Проблему тайного провоза золота через границу иностранцами невозможно было решить точечными задержаниями, проводимыми правоохранительными органами, в связи с чем правительство начало ужесточать миграционную политику в отношении китайских и корейских отходников. Если в 1861 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский дал возможность китайским старателям участвовать в горных работах на территории России, то в ноябре 1886 г. был издан указ, который запретил выходцам из Китая и Кореи селиться в пограничной местности¹. Помимо этого, было введено ограничение на количество иностранных рабочих на горнопромышленных предприятиях – 25% от общего количества рабочих для китайцев и такой же процент для корейцев. Введенные квоты на количество иностранцев не соблюдались отечественными бизнесменами. Нанимать дешевую рабочую силу в лице китайцев и корейцев их подстёгивало и то, что запасы золотых руд на приисках с каждым годом сокращались, из-за чего уменьшался и доход промышленников. О масштабах вывозимого золота иностранцами говорит то обстоятельство, что в начале 1900-х гг., когда китайцы и корейцы были удалены с золотых приисков, добыча драгоценного металла увеличилась более чем на 100 пуд.² Данная статистика заинтересовала правительство, в связи с чем была учреждена специальная комиссия при Горном департаменте, по результатам работы которой выяснилось, что «китайские рабочие ежегодно утаивали золота на сумму не менее 2 млн руб. и сбывали его в Китай по цене 5 руб. 20 коп. за золотник³. В сравнении с официальной статистикой по вывозу драгоценных металлов через

¹ О воспрещении прибывающим в Россию корейцам и другим из китайских и корейских пределов выходцам селиться на пограничных с Китаем и Кореей местностях. 22 ноября 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1888. Т. 6. № 4035. С. 493.

² Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (01.09. 2024).

³ Белозерцев С.М. Деятельность российской администрации по противодействию... экономическим правонарушениям китайцев на горных приисках Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С.31.

Кяхту, предоставленной старшинами кяхтинского купечества Иркутской таможне, обороты нелегального вывоза выглядят устрашающими (табл. 7).

Таблица 7

Вывоз драгоценных металлов из Российской империи через Кяхту
в 1889 –1893 гг.¹

	Золото (в руб.)	Серебро (в руб.)
1889 г.	397669	1221011
1890 г.	141383	1672537
1891 г.	7050	1625263
1892 г.	1312	1061547
1893 г.	-	1115781

Приведенные данные свидетельствуют о том, что доля вывоза золота в сравнении с серебром была несоизмеримо ниже. Только в 1889 г. она составляла около 25%, в последующие годы – не поднималась выше 8%. Резкий спад вывоза золота через Кяхту в начале 1890-х гг. согласуется с ужесточением режима обращения этого драгоценного металла. Высокие и стабильные показатели вывоза серебра говорят о том, что оно оставалось главной валютой в российско-китайских торговых операциях.

Контрабандисты перевозили драгоценные металлы разными способами, порой очень изощренными. Один из случаев, произошедший в 1889 г., описывает современник событий М.В. Грулёв. Узнав о том, что генерал-губернатора А.Н. Корфа пригласили в Маймачен, контрабандисты подсунули в тарантас барона «с десятков грязных, захватанных мазью ящичков колёсной мази, в которых вместо мази было золото»². Как и предполагали находчивые преступники, тарантас генерал-губернатора никто не осматривал при переходе границы, что существенно облегчило работу контрабандистов в их нелёгком ремесле. Свою изобретательность в данном вопросе проявляли и китайцы, которые иногда вывозили драгоценный металл в трупах умерших и

¹ ИГАО. Ф. 153. ОЦ. Д. 5. Л. 121–130 об.

² Грулёв М.В. Записки генерала-еврея. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. С. 152.

забальзамированных соотечественников¹. Но гораздо чаще золото вывозилось китайскими промысловиками, возвращавшимися домой осенью.

Хищничество золота наносило ощутимый вред и чаеоторговле. Пожелавший остаться анонимным автор заметки, опубликованной в местном периодическом издании, проанализировав состояние российской торговли в Монголии, отметил, что китайские купцы занимали в ней доминирующие позиции, а отечественные торговцы теряли свою долю даже на забайкальском чайном рынке. Согласно приведённым в статье данным, в период с 1888–1892 гг. китайцами было ввезено в Забайкалье чая на сумму, превышающую 5 млн 550 тыс. руб., тогда так двумя десятилетиями ранее, с 1863 по 1867 гг., она составляла лишь 1 млн 96 тыс. руб.² Основную причину такого положения автор видит в том, что сбыт китайцами товара шёл рука об руку с контрабандой золота: «Золотник золота оценивается китайцами кяхтинского Маймачена в 5 руб. сер., русское правительство принимает его за 3 руб. 25 коп.; китаец, продавая цыбик чая за 4 золотника золота, имеет от такой продажи около 2 руб. чистого барыша; русский – 5 руб. убытка»³. Данная разница в курсе золота в приграничных городах создавала возможность китайским подданным сколачивать капитал на ворованном драгоценном металле, обналичив который, скупался и чай, который затем продавался в Забайкалье.

Ослабление надзора на границах, совпавшее по времени с расцветом золотодобычи в регионе, привело к тому, что во второй половине XIX в. был замечен масштабный отток драгоценного металла, не очищенного пошлиной, в Цинскую империю. Однако к концу XIX в. ситуация в кяхтинском приграничье начала меняться.

В 1890-е гг. основной внешнеполитический вектор Российской империи сместился в направлении стран Внутренней Азии. Строительство Великого

¹ Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (01.09. 2024).

² Современное положение и нужды русской торговли в Монголии // Байкал. 1898. № 15. С. 2.

³ Там же.

Сибирского пути и Китайско-Восточной железной дороги не только связало в единое экономическое пространство европейскую и азиатскую части державы, но и закрепило ее позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поиск необходимых для развития отечественной промышленности внешних источников дешевого сырья и рынков сбыта заставил самодержавие обратить более пристальное внимание на Цинскую империю в целом и Монголию в частности. В начале XX в. торговые операции российских купцов в Монголии заметно активизировались. Если в 1897 г. было ввезено в Россию монгольских товаров (кож, мехов, шерсти, драгоценных металлов и т.д.) на сумму свыше 100 тыс. руб.¹, то в 1898 г. она увеличилась более чем в два раза и составила 240 тыс. руб.² Через Кяхту продолжал идти большой поток китайских товаров, прежде всего чая, оборот которого оставался стабильно высоким на протяжении десятилетий после открытия морских портов и не падал ниже 10 млн руб. (табл. 8). Не мешали чайной торговле даже внутренние беспорядки в Цинской империи. Так, в 1899–1901 гг., несмотря на восстание ихэтуаней, через Кяхту было ввезено чая на сумму более 32 млн руб.³

Таблица 8

Сведения о стоимости провезенных через Кяхту разных сортов чая (в руб.)⁴

Год	Байховый цветочный и зелёный	Торговый неквадратный	Кирпичный обыкновенный	Кирпичный черный	Весь оборот китайских товаров
1875	217067	5284877	999737	4297367	11218655
1876	133195	6844823	1139992	4014188	12453349
1877	58500	7529545	761105	2786477	11262133
1878	40120	9622786	758151	4547219	15082088
1879	113585	10365297	1043236	3444024	15171505
1880	98240	14432844	1586470	7859064	24144523
1881	176755	8456516	1286952	5880447	16207674
1882	137330	6963524	1260712	4102593	12856547

¹ Обзор Забайкальской области за 1897 год. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко». 1898. С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Обзор Забайкальской области за 1902 год. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления. 1903. С. 53.

⁴ РГИА. Ф. 350. Оп. 82. Д. 13. Лю 8 об.–10 об.

1883	92020	9208092	1215656	5697572	16507551
1884	129263	9924757	822114	5151417	16269075
1885	113250	8343279	547941	3619721	12985608
1886	110385	9983119	610928	4893561	16873139
1887	89634	15046150	551224	7733531	24175608
1888	144770	9375332	963888	5955029	16631758
1889	14100	6775179	618769	4085877	11920584
1890	17360	7384384	472334	3338059	11883077
1891	31280	7144340	837882	3731517	12622755
1892	105330	7330439	921781	4179929	13279744
1893	86970	7634158	1019274	3874446	13387579
1894	24485	7145736	759811	4410750	13542867

Представленные данные демонстрируют, что на пике (1880, 1887 гг.) обороты чайной торговли через Кяхту достигали более 24 млн руб. Такие показатели стали возможны, в первую очередь, благодаря росту объема ввозимого «торгового неквадратного» чая, ставшего основным фактором развития чайной торговли. Под «неквадратным» подразумевался листовой чай, транспортировать который было значительно легче и дешевле, чем и объяснялась его популярность. Доля байхового цветочного и зеленого чаев оставалась минимальной, даже в периоды всплеска торговли. В целом, динамика торгового оборота чая ярко демонстрировала его «демократизацию» и рост потребления среди обширных масс покупателей, приобретавших преимущественно недорогие сорта чая.

На фоне расширения легальных торговых операций и устойчивого чайного оборота усиливалась и теневая составляющая приграничья, одной из форм которой был сбыт краденных вещей в Маймачен. К примеру, 30 марта 1898 г. сторож кяхтинского Гостиного двора Водовозов украл кожу из карантинного помещения и попытался её продать в китайском приграничном торговом пункте. Уличённый свидетелями вор был арестован на 3 месяца¹. Данный способ сбыта краденных вещей, вероятно, не являлся чем-то новым для конца XIX в., подобным образом преступники, скорее всего, промышляли с

¹ Из камеры Мирового судьи 16 участка // Байкал. 1898. № 16. С. 4.

момента основания приграничных торговых пунктов, но письменные подтверждения мы находим только начиная с этого времени.

С кяхтинским Гостиным двором связан ещё один курьёзный случай. В феврале 1896 г. купец Михаил Гнеушев и дворянин Иван Валов «мошенническим образом» вывезли из Гостиного двора 20 ящиков хорошего сорта чая, тогда так заплатили они за 20 ящиков чая бракованного. Купили мошенники бракованный чай по 24 руб. за один ящик, тогда как продали его китайскому торговцу в Маймачене по 35 руб. за ящик, но доверенный фирмы «А. Кузнецов и Ко» Василий Титов распознал обман, в связи с чем и началось следствие¹.

Активизация экономической деятельности в Забайкалье, в том числе в кяхтинском приграничье, стала причиной усиления контроля за товарами, проходившими через торговую слободу. С 4 июля 1899 г. вводилась пошлина на байховые и плиточные чаи, провозимые как по тихоокеанскому побережью, так и по сухопутной границе, взимать которую следовало в Кяхте. Для досмотра чая, очистки пошлиной и контроля за его передвижением в Иркутск назначались канцелярские чиновники и досмотрщики из местной таможни. Так, в Кяхту из Иркутска были направлены статский советник Ренгартен вместе с пакгаузным надзирателем Яковенко, а также таможенные досмотрщики в «потребном числе»². Согласно опубликованным 24 июля 1899 г. «Временным правилам для чинов таможенного надзора за пропуском чаев в слободе Кяхте», провоз чая из Китая и его вывоз из Кяхты должны были производиться под надзором таможенных чиновников. Действовавшее с 1860-х гг. правило беспошлинной торговли в 50-верстной полосе сохранялось, в связи с чем к чаю, который собирались продавать в пределах этой полосы, прикреплялась соответствующая пломба. Оплачивался пошлиной тот чай, который

¹ Из зала суда // Байкал. 1898. № 23. С. 3.

² От военного губернатора Забайкальской области // Байкал. 1899. № 20. С. 3.

реализовывался за пределами этой полосы. Купцы имели в запасе три месяца для того, чтобы доставить ценный напиток из Кяхты в Иркутск¹.

Продолжалась контрабандная деятельность не только внутри порто-франко. Часть контрабандистов орудовала в пределах беспошлинной зоны, промышляя здесь товарами, запрещёнными к ввозу или вывозу, а также товарами, полученными нелегальным способом. Были и те, кто пытался нелегально пронести товар через таможенные заставы, располагавшиеся теперь вдоль западного берега Байкала. Оценку иркутской таможенной линии в 1888 г. дал статский советник Езучевский, который был отправлен в Восточную Сибирь Департаментом таможенных сборов для проведения таможенной ревизии. Он отмечал, что во всех удобных для проезда местах стояли таможенные посты, а там, «где можно было пройти только пешком, хоть и не стояли заставы, но зато высылались пикеты из казаков и нижних чинов инвалидной таможенной команды, по два и по три человека, на смену в течении 3-6 суток, смотря по дальности расстояния»². Езучевский был удовлетворен количеством людей, находившихся в распоряжении Иркутской таможни: 106 нижних чинов инвалидной команды и 25 казаков. Не устраивало чиновника «качество» нижних чинов, оберегавших таможенные посты. Езучевский отмечал, что формированием отряда казаков и чинов инвалидной таможенной команды для охраны линии занимались начальники 1-го Конного полка Забайкальского казачьего войска и Иркутского резервного кадрового батальона, подразумевавшим, что вышеперечисленные отряды комплектовались в основном старослужащими, в моральных и профессиональных качествах которых статский советник не был уверен: «едва ли можно сомневаться в том, что действительно хороший и сколько-нибудь развитой человек может попасть в таможенную стражу разве только

¹ Там же. С. 3.

² Езучевский С. Отчет таможенного ревизора при Департаменте таможенных сборов по командировке его в Западную и Восточную Сибирь, а также в Приморскую область, согласно предписаниями департамента, от 13 января и 23 марта 1888г. за №№ 560 и 5600. СПб: Тип. В. Кишбаума. 1889. С. 34.

случайно»¹. Чиновник ставил под сомнение профессиональные навыки казаков-бурят, отмечая, что большинство из них не только не знали русский язык, но и не понимали в чем заключалась их служебная обязанность. Существовала проблема контроля над казаками, поскольку начальство находилось в Иркутске и приезжало с проверками только два раза в год, а местные досмотрщики и заведующие постами никакой власти над казаками не имели. Несмотря на довольно плачевное положение, которое фиксировал Езучевский, существовавшая таможенная линия не позволяла проникать через Иркутск крупным партиям контрабандного товара, а имевшиеся бреши в таможенной линии годились только для тайного проноса товара небольшими партиями, что не наносило серьёзный ущерб всей торговле. Это подтверждают и статистические данные. В 1897 г. Иркутской таможней было зафиксировано только 39 нарушений за год на общую сумму 7 тыс. руб., что было ниже в сравнении с другими таможнями Российской империи. К примеру, в Семипалатинском таможенном округе, который также граничил с Китаем, было выявлено 106 случаев контрабанды на общую сумму 10 тыс. руб.² Тот факт, что контрабанда через Иркутскую таможню не наносила серьёзного вреда кяхтинской торговле, подтверждал и сам Езучевский: «основываясь на общих отзывах местных властей и частных лиц, пришёл к тому заключению, что контрабанда чаёв (и только чаёв) идёт, но в сравнительно малых размерах, что существенного подрыва кяхтинской чайной торговле она сделать не может»³.

До 1900 г. Иркутская таможня из-за действовавшей с 1860-х гг. на востоке страны системы порто-франко была самой восточной на территории Российской империи. Но поступательно возраставший интерес к региону со стороны правительства привел к тому, что в 1899 г. Департаментом таможенных сборов был разработан план по устройству таможен в Приамурье,

¹ Там же. С. 35.

² Контрабанда // Байкал. 1900. № 1. С. 4.

³ Езучевский С. Отчет таможенного ревизора при Департаменте таможенных сборов по командировке его в Западную и Восточную Сибирь, а также в Приморскую область, согласно предписаниями департамента, от 13 января и 23 марта 1888г. за №№ 560 и 5600. СПб: Тип. В. Кишбаума. 1889. С. 46.

а следом последовал указ от 10 июня 1900 г. о закрытии порто-франко в Забайкалье и Приамурье, вступивший в силу с 1 января 1901 г.¹ Это означало, что необходимо вновь организовать работу таможенной охраны в обозначенных регионах.

15 мая 1900 г. император Николай II принял решение об учреждении в Кяхте и Сретенске таможен 1-го класса 2-го разряда², что подразумевало создание складочных таможен³, через которые можно было провозить любые незапрещённые товары для очистки пошлиной и в которых товар мог храниться установленное время⁴. Такие таможни обычно располагались в крупных торговых центрах, портах или важных, по мнению правительства, приграничных пунктах. Таможни же 2-го класса обычно располагались во внутренних региональных центрах или в местах важных с точки зрения логистики. Они не могли осуществлять очистку пошлиной товаров, которые требовали проведения технической экспертизы. Списки таких товаров утверждались заранее и обнародовались.

Таким образом, во второй половине XIX в. российско-китайская приграничная торговля подверглась значительным преобразованиям, существенно повлиявшим на экономическую ситуацию в регионе и, в частности, на контрабандную деятельность. Упразднение Кяхтинской таможни и передача ее функций местным властям, пограничным комиссарам и акцизному ведомству на некоторое время ослабили контроль на границе, что

¹ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «Об обложении таможенною пошлиною иностранных товаров, привозимых в Приамурский край». 10 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Соб. 3. 1902. Т. 20. Отд. 1. № 18787. С. 691.

² Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «Об устройстве таможенного надзора в Приамурском крае». 15 мая 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. III. 1902. Т. 20. Отд. 1. № 18615. С. 500.

³ Складочные таможни – это таможенные учреждения, появившиеся в России в 1822 г. Окончательно их функции закреплены в Таможенном Уставе 1892 г. При складочных таможнях действовали склады для хранения под таможенным надзором ввезённых товаров с отсрочкой уплаты пошлин до момента их вывоза из таможни или экспорта. Их основные функции заключались в приёме и учёте товаров, обеспечении сохранности, пересортировке или переупаковке груза, а также взимании пошлин при выпуске.

⁴ Савосина Н.Г. Территориальная организация таможенного дела XIX века // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 53.

привело к росту нелегальной торговли, особенно спиртными напитками и драгоценными металлами. Наибольшее влияние на масштабы контрабанды оказала «золотая лихорадка» и активное участие иностранных рабочих в тайном вывозе золота. Несмотря на ужесточение государственной политики в отношении иностранцев и попытки усиления контроля, полностью решить проблему контрабанды не удавалось.

К концу XIX века геополитические интересы Российской империи в Азии, развитие инфраструктуры, включая строительство Транссибирской и Китайско-Восточной железных дорог, а также отмена режима свободной торговли порто-франко, способствовали постепенному восстановлению таможенного контроля. Контрабанда продолжала оставаться актуальной проблемой, бросая вызов местной и центральной властям Российской империи.

3.2. Восстановление Кяхтинской таможни: организационные трудности, борьба с нелегальной торговлей и коррупцией (1900–1911 гг.)

Ключевую роль в восстановлении деятельности таможни в Кяхте сыграла Иркутская таможня, содействовавшая обеспечению необходимыми кадровыми и материальными ресурсами. К 1901 г. Кяхтинская таможня располагала полным комплектом служащих в количестве 30 человек. В штате значились управляющий с двумя помощниками, два пакгаузных надзирателя с четырьмя помощниками, секретарь-регистратор с помощником, бухгалтер с помощником, казначей и выкладчик пошлин с помощником¹. Объезд границы производился 14 вооруженными досмотрщиками². Из Иркутска в Кяхтинскую таможню было направлено все необходимое оборудование, в том числе канцелярские принадлежности, вооружение (револьверы, винтовки) и амуниция для досмотрщиков и др.³

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 102. Л. 18, 22.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 18, 18 об., 21.

К нанимаемым на службу в таможеню предъявлялись определённые требования. Наиболее подробно они описаны в отношении досмотрщиков, коих значилось в таможне больше всего. Ими могли стать люди «всякого звания, с хорошим поведением и обладавших грамотой»¹, так как работа предполагала не только досмотр товаров, но и заполнение различных отчётов и протоколов. Был определен и возрастной ценз. В досмотрщики принимались люди от 21 до 40 лет, при этом предельный возраст нахождения на службе составлял 60 лет. В некоторых случаях разрешалось работать до 65 лет, но только тем досмотрщикам, кто продолжал безошибочно и усердно выполнять свои рабочие обязательства². Согласно закону от 18 марта 1896 г. оклад таможенных досмотрщиков варьировался от 180 до 432 руб. в год. Помимо этого они могли рассчитывать на пенсии и пособия: «Из кредитов, ассигнуемых на содержание таможенных досмотрщиков, отчислять ежегодно шесть процентов. Означенные отчисления обращать в специальные средства Департамента таможенных сборов, с целью образования капитала для выдачи пенсий и пособий отставным досмотрщикам и их семействам»³.

Организационное восстановление Кяхтинской таможни сопровождалось конфликтами между её служащими. Сохранилась жалоба заведовавшего таможенным надзором кяхтинского участка Орлова, направленная управляющему Иркутской складочной таможней А.А. Нарбуту, в которой первый возмущался трудностями, мешавшими ему исполнять свои обязанности. По мнению Орлова, он не справлялся со своими полномочиями из-за вверенных ему «подчиненных, которые не знали своих обязанностей». Эти «затруднения» и заставили жалобщика вступить с управляющим «в переписку полемического характера». Управляющий таможней в ответ на жалобу написал: «У меня зародились мысли, что выбор мой по назначению вас

¹ Казанцева Н.Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX–начала XX века // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 38.

² Там же. С. 38.

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении действующих относительно таможенных досмотрщиков узаконений». 18 марта 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12655. С. 205.

заведывать серьёзным участком таможенного надзора оказался неудачным, так как вы очевидно теряетесь и не в состоянии справиться с порученным вам делом»¹. А.А. Нарбут также отмечал, что Орлов пытался оспорить его авторитет: «ваши неосновательные отрицания, какие вы позволили себе в отношении данных вам указаний моих на недостаточность знания людьми надзора своих обязанностей, дают мне повод усматривать с вашей стороны не признавать мою авторитетную власть»².

Управляющий таможенной обладал широким спектром административных и хозяйственных полномочий, куда, например, входили: «распределение занятий между служащими; назначение очереди дежурства между таможенными чиновниками; командирование чиновников к исполнению таможенных обрядностей; участие в производстве дел, являющихся необходимыми, например, по применению к товарам соответствующих статей Таможенного тарифа; наложение штрафов и акциденций на товарохозяев; ревизование денежных сумм, поступивших в таможенную»³. Согласно существовавшим правилам, в частности, предписанных Циркуляром департамента таможенных сборов от 28 октября 1898 г., все таможенные служащие были обязаны выполнять требования управляющего. Первым управляющим Кяхтинской таможенной после ее восстановления стал Антон Францевич Губаревич-Радобыльский⁴.

Одной из главных задач управляющего была организация таможенного надзора и оперативное решение локальных проблем. Приведем несколько показательных примеров, раскрывающих данный аспект. В подведомственных управляющему Иркутской складочной таможенной учреждениях досмотрщики и стражники, получив «дорожные» деньги для прибытия к месту службы, часто преждевременно увольнялись со службы. В результате казна несла

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

² Там же. Л. 1.

³ Казанцева Н.Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX–начала XX века // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 36.

⁴ Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1901. С. 91.

необоснованные расходы из-за большой текучки кадров и необходимости постоянно тратить средства на «дорожные» деньги для новых служащих. Это сподвигло управляющего к принятию решения об удержании этих денег с оклада служащего, если он проработал менее года. Исключение делалось для тех, чьё скорое увольнение было вызвано уважительными причинами¹. Другой пример раскрывает механизмы, с помощью которых управляющий боролся с контрабандной деятельностью. Осенью 1900 г. до А.А. Нарбута дошли сведения о распространившейся в селе Акша при молчаливом попустительстве местных досмотрщиков контрабанде чая. Управляющий отреагировал направлением в село «толкового и хорошо грамотного досмотрщика Смоленцева» для первичной проверки. Убедившись в халатности таможенных чинов, отправил туда управляющего Сретенской таможней с целью «лично обследовать место»², повысив тем самым уровень контроля.

В Иркутскую таможню под грифом секретно приходили сведения о коррумпированности нижних чинов Кяхтинской таможни. Так, два таможенника Подлопаточного поста Ключев и Удинцев, поймав контрабандистов, потребовали взятку в размере 300 руб.³ у злоумышленников. Получив её, благополучно отпустили контрабандистов с товаром. Узнав об этом, таможенники Мыльниковского поста догнали нерадивых контрабандистов и тоже потребовали с них 300 руб. У преступников оказалось всего 200 руб., за что таможенники «потребовали оставить товар как найденный охраной»⁴, самих же нарушителей отпустили. Подтверждением того, что по крайней мере один из вышеперечисленных чинов был отъявленным взяточником служил резкий рост его материального благополучия, что отмечалось в одном из рапортов: «У Ключева не было ни копейки, когда он был зачислен на службу... успел до конца апреля купить

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же.

лошадь и отправить домой 105 руб.»¹ Достичь такого финансового благополучия без незаконной деятельности Ключев объективно не мог.

Кяхтинской таможней было обустроено семь сторожевых постов – Бичурский, Билютайский, Подлопаточный, Селенгинский, Мыльниковский, Красноярский и Кяхтинско-Слободской². Перед учреждением постов инструкция предписывала: «Собрать данные и выяснить в каких пунктах местностей, прилегающих к Кяхтинскому району, следовало бы устанавливать посты таможни»³. Посты преимущественно устанавливались за 50-верстной полосой в наиболее удобных для контроля за провозом легальных и нелегальных товаров местах.

Ситуация в Кяхтинской таможне, изначально получавшей материальное обеспечение преимущественно из Иркутской, со временем стала меняться. Департамент таможенных сборов с 1903 г. начал высылать таможне с центрального вещевого склада Отдельного корпуса пограничной стражи предметы обмундирования для досмотрщиков и стражников – «мундиры, суконные шаровары, шинели, фуражки без подбородочных ремней, башлыки и плечевые жгуты»⁴. Количество отправленной амуниции подтверждает штатную численность досмотрщиков и стражников Кяхтинской таможни в 1903 г.: первых было 20 человек, вооруженных стражников – 8⁵. Большая часть чинов служила в Кяхтинско-Слободском таможенном участке.

Вооружение досмотрщиков состояло из шашек, револьверов системы Галана, некоторым из служителей выдавались винтовки Бердана, а также необходимая для переноски оружия амуниция – пояс, кобура, темляки, ремни для револьверов, портупеи к шашкам и др.⁶ Делопроизводственные материалы Кяхтинской таможни показывают, что к моменту возобновления деятельности учреждение страдало от нехватки вооружения. Для получения необходимого

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 2 об.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 398.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 166. Л. 1-10.

⁵ Там же.

⁶ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 89. Д. 1-2.

вооружения и снаряжения было направлено прошение в Департамент таможенных сборов: Кяхтинской таможне требовалось 22 шашки и 21 револьвер с принадлежностями. В ответ на прошение Департамент заверил, что всё будет отправлено в таможню по распоряжению штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. Требуемое вооружение Кяхтинская таможня получила к августу 1901 г., в том числе 1050 патронов к револьверам¹. Помимо этого, были выделены средства для починки устаревшего или вышедшего из строя оружия.

Применять по прямому назначению огнестрельное оружие досмотрщикам и стражникам приходилось довольно редко. В архиве сохранились сведения о том, что в 1911 г. винтовка системы Бердана была сломана, но причиной послужило не постоянное использование оружия по назначению, а ее падение с повозки, на которой везли конфискованный байховый чай². Наиболее показательный же случай использования огнестрельного оружия пришёлся на 1916 г., когда досмотрщики Яков Гауман и Андрей Челондаев, патрулируя у местности Боты, заметили следы, уходившие в лес. Предполагая, что это отпечатки транспортных средств контрабандистов, они направились по следам и вскоре обнаружили три телеги. Когда досмотрщики начали подходить к грузу, по ним начали стрелять. Открыв ответный огонь, Гауман и Челондаев вскоре убедились, что контрабандисты скрылись, оставив ценный груз. В ходе данного рейда удалось конфисковать товаров на общую сумму 2417 руб., часть которой досталась отважным таможенникам. Среди нажитого были американские и китайские ткани, зажигательные спички, табак, чай, сахар, свечи, чашки и корзины³.

В январе 1901 г. были опубликованы «Временные правила для действия Кяхтинской и Сретенской таможен, утвержденные министром финансов»⁴, состоявшие из 25 положений, 19 из которых касались регулирования Кяхтинской таможни. Примечательно второе положение, которое гласило:

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 10.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 906. Л. 2–10.

⁴ ГАЗК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–19.

«Гостиный двор разделяется перегородкой на две половины – купеческую, находящуюся лишь под общим надзором таможи и собственно таможенную»¹. Это означало, что товары, попадавшие в купеческую половину, должны были пройти перед этим через специальные ворота, где таможенный служащий производил общий учёт мест каждого рода товаров. Купеческая и таможенная половины Гостиного двора разделялись перегородкой, в которой устанавливалась дверь и все товары, как пошлинные, так и беспошлинные, выпускались только через таможенную часть двора. Если в купеческой половине товар хранился, то в таможенной стороне осуществлялись операции по взиманию различных сборов после проверки документации товара, если таковая требовалась. Не все положения «Временных правил» соблюдались сотрудниками таможи. В августе 1901 г. из Гостиного двора Кяхты злоумышленники сумели выкрасть 9 пуд. серебра, принадлежавшего местному отделению Русско-Китайского банка². Когда было проведено расследование, удалось выяснить, что Гостиный двор не был разделён, согласно предписанию, на две части. К тому же охранявшие двор сторожа получали оплату только от купцов, а потому не имели особой мотивации охранять его таможенную часть³. Вернуть похищенное серебро не удалось. Как позже выяснили сотрудники Кяхтинской таможи, благодаря сведениям тайного информатора, драгоценный металл попал в китайский Маймачен, где сумел сбить курс на серебро за один пуд на 50 руб. из-за большого объёма, попавшего на местный рынок⁴.

Согласно 19 положению «Временных правил» «в отношении клеймения товаров, взимания клеймильного и канцелярского сборов по конфискационной части и проч. Кяхтинская таможня руководствуется, если по сим предметам не последовало особых распоряжений, узаконениям о таможенном производстве в

¹ Там же. Л. 14.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 746. Л. 3об.

³ Ширапов А.А. Дело о краже серебра со склада Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в 1901 г. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 2 (50). С. 47.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 746. Л. 3об.

Восточной Сибири и правилами, действующими в Иркутской таможне»¹. Конкретных инструкций, направленных на противодействие контрабанде, во «Временных правилах» не было предписано, поэтому основным документом, на который опирались служители таможни был Таможенный устав 1892 г. Данный устав, не вносил кардинальных изменений в способы борьбы с контрабандной, в сравнении с предыдущим, принятым в 1857 г., он лишь дополнил существовавшие меры. К примеру, если служитель таможни подозревал, что в определённом доме хранилась контрабанда, то в присутствии понятых он мог произвести обыск. В феврале 1901 г. старший досмотрщик Качанов вместе со стражником Пнёвым произвели обыск в домах купчихи Веры Фишевой и крестьянина Ивана Кузьмина в деревне Шимбилик. При обыске ничего подозрительного обнаружено не было, но даже в таких случаях таможенниками составлялся протокол².

Таможенным уставом 1892 г. субъектами, ответственными за контрабандную деятельность, признавались не только «провозители» и непосредственные хозяева товара, но и «укрыватели», которым требовалось доказать, в случае их поимки, что они не являются хозяевами товара: «необходимо, чтобы это лицо могло или указать водворителей контрабанды, или доказать обстоятельства, при которых оно получило контрабанду, несомненно водворенную кем-либо другим»³. Так, в ноябре 1901 г. старшим досмотрщиком Подлопаточного поста Тихоном Захаровым и пешим досмотрщиком Фёдором Мельниковым в ходе обыска амбара казака Ара-Киретской станицы Ринчина Лубсанова, в присутствии понятых, было обнаружено 11 пуд. 36 фунт. контрабандного байхового чая. Казак признал, что собирался доставить товар до Хилокского урочища, за что ему должны были заплатить. Хозяином чая, по признанию казака, оказался «инородец Хоринской

¹ ГАЗК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–17об.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 46. Л. 3–4.

³ Цит. по: Макаров А.В., Савосина Н.Г. Правовые меры противодействия контрабанде в таможенном законодательстве: историко-правовой опыт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 114.

степной думы Хохорского улуса Дагбаев»¹, который предлагал Лубсанову оплату в размере 4 руб. за каждый из четырех ящиков груза, которые надлежало доставить. Дагбаев оплатил задаток в размере 8 руб. 50 коп., остальную же сумму Лубсанов должен был получить после успешной доставки. Оба нарушителя понесли наказание. Ринчин Лубсанов не смог оплатить наложенный на него штраф – 234 руб. 46 коп., именно в эту сумму был оценен конфискованный чай, и пени – 138 руб. 80 коп., в связи с чем его имущество было продано на аукционе². Поимка с контрабандой могла полностью разрушить судьбу человека, пойманного на преступлении. Становится очевидным, почему нечистые на руку таможенники задирали цену за возможность быть отпущенным без следствия. Другой случай, но с более благоприятным исходом, произошёл также в 1901 г., когда у крестьянина Баткова и его жены был конфискован чай весом 25 фунт. Доказать посредническую роль в провозе контрабанды у них не получилось, а потому они были вынуждены выплатить штраф в три раза больший, чем оценённый чай – 48 руб. 5 коп.³ Долг они успешно погасили, вырученный штраф, как и в других случаях, поступил в кассовую книгу таможи.

Неочевидным, на первый взгляд, представлялся расчёт, по которому выдавались наградные деньги таможенным чинам за проданный конфискованный товар или его изъятие. К примеру, по одному из дел таможенной было выручено 30 руб. 79 коп. от продажи контрабандного товара с аукциона, из них досмотрщику досталось 18 руб.⁴, остальная же часть ушла на уплату пошлины за товар, часть причиталась таможе за расходы по конфискации, часть шла в инвалидный и пенсионный капитал. Из-за всех этих «статей», служащий получал немногим больше половины, порой даже меньше. Пример, приведённый выше, позволяет констатировать, что досмотрщику повезло получить в награду больше половины от той суммы, в которую оценивалась

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 2-3.

² Там же. Л. 76.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 99. Л. 12-13.

выявленная контрабанда, так как оплата причиталась только для одного досмотрщика. Чаще в успешном выявлении контрабандной продукции участвовало несколько лиц, из-за чего полученная сумма делилась на доли, не всегда равные. Так, по еще одному делу, в ходе которого конфискованный товар был продан на сумму 70 руб., премиальная часть была разделена на 5 человек – 10 руб. 17 коп., 5 руб. 65 коп., 3 руб. 39 коп., и двое получили по 1 руб. 71 коп. В ещё одном случае на конфискованном товаре таможене удалось заработать 1 руб. 70 коп., из которых два досмотрщика после сложных расчётов «обогатились» на 28 коп.¹

Приведенные выше данные о размерах наградных выплат за конфискацию товара взяты из расчётной ведомости Кяхтинской таможни. Этот документ является важным источником информации и даёт представление об объёмах контрабандной деятельности. Так, согласно ведомости в период с 29 февраля 1901 г. по 11 января 1902 г. было выявлено 67 случаев изъятия контрабандной продукции, на которых таможене удалось заработать 5560 руб., из них примерно 2020 руб. причитались в качестве выплат за поимку². Расчётная ведомость наглядно демонстрирует механизм распределения средств, вырученных с продажи конфискованных товаров, и позволяет понять, почему задержавший контрабанду чаще всего получал меньше половины от этой суммы (табл. 9).

Таблица 9

Наградные за конфискованный товар (в руб.)³

№ дела	Сумма, вырученная от продажи	Расход по конфискации	Пошлина по § 9, ст. 1	Пошлина по § 9, ст. 5	В пенс. и инв. капитал	Награда за держателю	Награда со штрафа	Конечная сумма
1	30,79	1,80	1,85	8,93	0,23	16,88	1,12	18
2	2,43	-	0,81	0,81	-	0,81	-	0,81
3	70	2,9	22,64	22,64	-	22,63	-	1) 10,17

¹ Там же.

² Там же. Л. 12–47.

³ Там же.

								2) 5,65 3) 3,39 4) 1,71 5) 1,71
4	17	-	-	8,50	1,70	6,80	-	1) 3,40 2) 3,40
5	1,70	-	0,56	0,57	-	0,57	-	1) 0,28 2) 0,28

В приведенной таблице представлены лишь некоторые дела по конфискованным товарам. Из таблицы следует, что поимщик контрабанды, а им мог оказаться не только таможенник, получал в лучшем случае меньше половины от той суммы, которую удавалось выручить при продаже товара или его оценке, если конфискованный товар надлежало уничтожить. Примечательно то, что с некоторых товаров взималась вторая пошлина, помимо основной, чаще всего акцизная или 5%-ный сбор к пошлине. От уплаты сразу двух налогов не освобождался и поимщик. В случае, если поимщиков было несколько, наградные распределялись в зависимости от степени участия лиц, задержавших контрабанду, а не просто делились поровну.

В период со 2 января по 31 декабря 1903 г., согласно отчётам Кяхтинской таможни, на продаже с аукциона товаров и получении выплат за штрафы удалось заработать в общей сложности 9582 руб.¹, что на 72 % больше чем за 1901–1902 гг. К сожалению, среди сохранившихся документов Кяхтинской таможни нет статистических данных за более длительный период, имеются лишь за отдельные годы, что не позволяет проследить непрерывную динамику контрабандной деятельности.

Существовала неочевидная статья доходов таможни. Помимо контрабанды, конфисковывалось и транспортное средство, которое затем могло быть продано с аукциона. Наглядным примером служит дело казака Буянтуева, которого задержали в 1906 г. при попытке вывезти из Монголии через границу ханшин, который он хотел продать в селе Цаган-Усун. Конфискованный

¹ ГАРБ.Ф. 102. Оп. 1. Д. 222. Л. 1-265.

алкоголь был оценён в 1 руб. 80 коп.¹, тогда как за перевозочные средства, согласно описи, были выручены с аукциона 21 руб. 51 коп., куда вошли стоимость лошади, проданной за 19 руб. 60 коп., седла – за 1 руб. 60 коп. и сумки – за 31 коп.². Согласно протоколу, составлялось две описи: одна – на конфискованный товар, вторая – на изъятое перевозочное средство со всеми атрибутами. В описи помимо наименования изъятой продукции указывалась её оценочная стоимость, которую по Таможенному уставу 1904 г. устанавливал городской аукционист. Исходя именно из этой суммы, высчитывался штраф для нарушителя, и, обычно, он был меньше той суммы, которую в итоге выручали с аукциона. Показателен вышеприведенный случай, произошедший с крестьянином Батковым, который был вынужден заплатить штраф в три раза превышавший оценочную стоимость чая – 48 руб. 5 коп., следовательно, конфискованный чай был оценён в 16 руб. 2 коп., тогда как на аукционе он был продан за 19 руб. 25 коп.³ В описи также указывалась конечная сумма, вырученная при продаже товара, с которой выплачивались причитающиеся таможенникам вознаграждения. В случае с делом Буянтуева, из вырученных на аукционе 21 руб. 51 коп., в награду Петрову, задержавшему контрабандиста, было выдано 14 руб. 32 коп.⁴

Существовавшая 50-верстная беспошлинная полоса также становилась причиной для злоупотреблений. Так, в марте 1901 г. были задержаны китайские подданные в селении Мыльниковское, которое находилось за льготной чертой, и, соответственно, товары здесь облагались пошлиной. Задержанные начали указывать на то, что находились в льготной полосе и требовали вернуть им байховый чай весом в 4 пуд. 32 фунт., который, что примечательно, был «хорошо закутан в белые простыни и окутан своими вещами»⁵, косвенно

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 361. Л. 3 об.

² Там же. Л. 5.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 361. Л. 11.

⁵ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

намекая на то, что торговцы лукавили. В конечном итоге товар был конфискован.

Учреждение таможни и ужесточение таможенного надзора в Забайкалье, стали причиной того, что были пересмотрены льготные условия некоторых населенных пунктов, которые входили в 50-верстную зону беспошлинной торговли. Так, в 1901 г. было выявлено, что сёла Бичура¹ и Байхар² находились за этой линией, в связи с чем были исключены из льготной полосы. На адаптацию к новым экономическим реалиям торговцам давался ровно один месяц³. В течение этого месяца купцы должны были либо ввезти товар в пределы льготной полосы, либо оклеить свой товар установленными таможней бандеролями, уплатив соответствующие сборы. Также им давалась ровно неделя, когда они могли продать товар беспошлинно в указанных населённых пунктах.

23 декабря 1903 г. были опубликованы «Правила для действий Кяхтинской таможни»⁴, состоявшие из 26 параграфов, из которых большая часть дублировала «Временные правила», принятые в 1901 г. Но были и новые позиции. Так, первый параграф «Подлежащие таможенным обрядностям товары поступают в находящийся в ведении Кяхтинской таможни кяхтинский Гостиный двор», был дополнен расширенным примечанием: «Не подлежат обязательному доставлению в Гостиный двор для досмотра а) монгольские сырые продукты, привозимые без упаковки, каковые пропускаются по наружном осмотре постами досмотрщиков, действия коих в сем отношении контролируются чиновниками таможни по назначению управляющего таможнею, б) беспошлинные китайские произведения (за исключением шелковых тканей), не в товарном виде, а равно беспошлинный пассажирский багаж, пропускаемые дежурным чиновником таможни у Гостиного двора, без

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-2.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 1-2.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Правила для действий Кяхтинской таможни. 23 декабря 1903 г. // Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1862-1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. С. 42–48.

записи в таможенные книги, если о производстве досмотра багажа пассажир не требует особого удостоверения; в последнем же случае в книгу для досмотра товаров, словесно заявляемых, заносятся (сверх предметов, выпускаемых с оплатой пошлиною), предметы, подлежащие пошлине, но пропущенные беспошлинно на основании»¹.

Согласно 16 параграфу, вводилась специальная «книга словесных заявлений», куда заносились все подвергавшиеся досмотру в Гостином дворе товары, как пошлинные, так и беспошлинные. К таковым относились следующие товары: «1) товары, привозимые русскими подданными на сумму пошлин не свыше 15 руб.; 2) пассажирский багаж; 3) товары, не обложенные по тарифу пошлиною»². Если раньше срок хранения товаров на купеческой половине был неограничен по времени, теперь же он был лимитирован тремя годами. Среди товаров, с которых не взыскивалась пошлина в 50-верстной льготной полосе, остался только чай (по Правилам 1901 г. было ещё серебро). Изменился также пункт, связанный с клеймением товаров, взиманием «клеймильного» и канцелярского сборов, по конфискационной и другим частям таможенного производства. Теперь Кяхтинская таможня руководствовалась общими узаконениями и правилами, действовавшими по торговле Европейской. Каких-либо нововведений по контрабандной деятельности Правилами установлено не было, в связи с чем главным законодательным документом оставался Таможенный устав 1892 г., который вскоре заменил новый.

В 1884 г. произошли изменения в административной структуре – Забайкальская область, созданная ещё в 1851 г., стала частью Приамурского генерал-губернаторства (входила в её состав до 1906 г.). Поэтому все ведомственные инструкции и указы, адресованные учреждениям Приамурского генерал-губернаторства, распространялись и на Кяхтинскую таможню. К началу 1904 г. в Приамурском генерал-губернаторстве сложилась

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 45.

разветвленная система таможенных учреждений, учитывая, что до 1900 г. здесь не функционировало ни одной таможни. В 1901 г. помимо уже созданных Кяхтинской и Сретенской таможен, были учреждены морские – во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре. Но торговля на приграничных с Китаем территориях осложнялась потоком контрабандных товаров, остановить которые малочисленные таможенные служащие по растянутой границе не могли. Из-за этого нелегальный провоз легко проникал за пределы 50-верстной полосы беспошлинного торго¹. В связи с чем уже в 1902 г. были созданы ещё несколько таможенных застав – в Благовещенске, на станции Пограничной КВЖД, получившей название Маньчжурской таможенной заставы, а также ещё одной на территории Китая². Для контроля таможен учреждались ревизоры, чьи компетенции не ограничивались только ревизией. К примеру, ревизор Восточно-Сибирского таможенного района Добросмыслов, в мае 1902 г. осматривая в Верхнеудинске лавку китайского торговца, в присутствии других должностных лиц обнаружил у него 128 кусков китайской цветочной дабы и 31 кусок американской цветочной далембы, на распространение которой у китайца не было никаких свидетельств³. Так как Верхнеудинск находился «по отношению конфискационного производства в районе Кяхтинской таможни, как первой инстанции, по уставу таможенного казенного управления», то дело было передано на рассмотрение Кяхтинской таможни. Согласно проведенной описи, конфискованный товар был оценен на сумму 558 руб.⁴

В исследуемый период продолжало совершенствоваться таможенное законодательство. 22 марта 1903 г. было опубликовано Уголовное уложение⁵, а

¹ Беляева Н.А. Таможенная служба на Амуре в начале XX века: первые шаги таможенного надзора // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (59). С. 111.

² Там же. С. 111.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 41. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Высочайше утвержденное «Уголовное Уложение». 22 марта 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1905. Т. 23. Отд. 1. № 22704. С. 175.

в 1904 г. новый Таможенный устав¹. Согласно принятым законам, ужесточались наказания, связанные с контрабандной деятельностью. Устанавливался пятикратный штраф за попытку тайного провоза пошлинного товара, а если товар был запрещён к ввозу, то пеня составляла 2 руб. с каждого фунта конфискованной продукции без учёта веса упаковки. За попытку вывоза запрещённого товара штраф составлял двойную стоимость товара². Помимо денежных взысканий, предполагались и другие виды наказаний, вплоть до тюремного заключения или ссылки в отдалённые губернии. Такие меры пресечения вводились в отношении организованной контрабандной деятельности и вооружённых групп, оказывавших сопротивление задержанию. В Таможенном уставе 1904 г. особое внимание уделялось доносам как способу борьбы с контрабандой. О «тайнопровозимых» товарах можно было сообщить в таможеню либо в полицию, при этом доноситель должен был знать о предполагаемом месте хранения контрабанды, а не руководствоваться словами других людей. Доноситель за предоставляемую информацию отвечал своим имуществом. Согласно ст. 1119, он должен был предоставлять «обеспечение» в виде наличных денег или процентных бумаг, а в случае отсутствия таковых – ручательство «двух известных в том месте надежных лиц»³ на тот случай, если информация из доноса не подтвердится и таким образом будет с кого взыскать убытки. Если такого «ручательства» доносчик не предоставлял, то его информация не принималась к расследованию. В случае, когда сведения доносителя оказывались результативными, он имел право на вознаграждение «не менее третьей части всей наградной суммы, следующей от продажи

¹ Устав таможенный. Издание неофициальное с инструкциями, правилами, списками, разъяснениями, а также извлечениями из других частей свода законов, необходимыми в таможенном деле / Под ред. С.С. Антонова и А.В. Добротина. СПб: Гос. тип., 1905. 1107 с.

² Ерешко Е.В. Российское законодательство конца XIX – начала XX в. в борьбе с контрабандой // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3(8). С. 115.

³ Устав таможенный. Издание неофициальное с инструкциями, правилами, списками, разъяснениями, а также извлечениями из других частей свода законов, необходимыми в таможенном деле / Под ред. С.С. Антонова и А.В. Добротина. СПб: Гос. тип., 1905. С. 420.

конфискованного товара и из действительно поступившей пени, без вычета на его часть чего-либо на издержки, при конфискации бывшие»¹.

В Таможенном уставе 1904 г. подробно расписаны вознаграждения и схема распределения сумм за поимку контрабанды. Так, в ст. 1237 фиксировалось, что за иностранные товары, задержанные в пределах таможенной черты, поимщику причиталось 20% от вырученной за товар суммы, в случае, если контрабандист «вовсе пени внести не в состоянии», а в случае, если у преступника имелось имущество, а средств к выплате пени не было, то имущество продавалось с публичного торга и таким образом поимщику возмещалась та сумма, которую он должен был получить с пени. Напомним, что это только часть тех денег, которые мог выручить поимщик, основная же сумма шла с продажи конфискованного товара. Задержателю, после вычета издержек в ходе конфискации, доставалось не менее трети от наградной суммы². Примечательна ст. 1253, которая предусматривала награду от Министра финансов в размере до 750 руб. в случае, если сумма конфискуемого товара малозначительна, а поимщик сумел оказать особое усердие и принести особую пользу. Хотя тут же уточнялось: «впрочем требовать подобных наград никто права не имеет»³.

Последовательное укрепление таможенной системы в Приамурском генерал-губернаторстве, куда до 1906 г. входила Забайкальская область, прекратилось, так как 1 мая 1904 г. был восстановлен режим порто-франко из-за начавшейся войны с Японией⁴. В условиях военного конфликта возникала необходимость обеспечения бесперебойного снабжения и поддержки военных операций на Дальнем Востоке. Введение режима порто-франко должно было ускорить и упростить логистику поставок необходимых товаров и материалов. Но оно также вело к ослаблению таможенного надзора, что способствовало

¹ Там же. С. 450.

² Там же. С. 450.

³ Там же. С. 452.

⁴ Именной Высочайший указ, данный Министру финансов «Об установлении беспошлинного ввоза товаров в Приамурском генерал-губернаторстве» // ПСЗРИ. Собр. 3. 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24452. С. 404.

усилению контрабандной деятельности, в том числе в Забайкалье. Война с Японией создавала кадровый дефицит в рядах таможенных служащих. Досмотрщики подлежали призыву, казачье войско мобилизовывалось, из-за чего охранять таможенные кассы, склады с чаями и другими товарами становилось некому¹. Несмотря на возникавшие трудности, приграничные с Китаем таможни продолжали свою деятельность.

После революционных событий 1905 г. в таможенных ведомствах началась борьба с революционной деятельностью. Департамент таможенных сборов в 1906 г. разослал подведомственным учреждениям предупреждения о том, что в страну в бочках с кокосовым маслом должны были ввести «литературу революционного характера», помимо этого в одну из таможен должна прибыть партия контрабанды с револьверами и патронами². Департамент рассылал профилактические письма для служащих ведомства, предупреждая, что политические убеждения хоть и являются предметом личных взглядов каждого человека, но всякое участие «в организациях враждебных Правительству» преследуемы³. В этой связи примечателен рапорт, подготовленный 2 августа 1906 г. Желтуринским таможенным постом, в котором конный стражник Иннокентий Васильевич Москвитин обвинялся в том, что неоднократно покидал свой пост и имел связи с местным станичным писарем Стогневым, которого уже уличали в распространении социал-демократических прокламаций⁴.

С введением в эксплуатацию Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги начало постепенно сокращаться значение традиционного караванного пути. Торговля начала развиваться через Харбин, Владивосток и другие пункты, соединённые железной дорогой. В результате объем торговли через Кяхту сократился, а город потерял прежнее

¹ Беляева Н.А. Формирование таможенных учреждений в Забайкалье после отмены порто-франко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 3 (40). С. 129.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 269. Л. 7–8.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 4.

экономическое значение. Об этом свидетельствуют и доходы Кяхтинской таможни (табл. 10).

Таблица 10

Сведения о доходах Кяхтинской таможни¹

Год	Полученная таможенной пошлина (руб.)
1903	1140638
1904	684439
1905	787392
1906	704651
1907	205748
На 1 ноября 1908	92266

Исходя из представленных в таблице данных следует, что в предвоенный 1903 г. полученная Кяхтинской таможенной пошлина была пиковой, а в последующие годы она начала значительно сокращаться. Падение было стремительным и всего за несколько лет, с 1903 по 1907 гг., сбор пошлины сократился на 82 %. Неполные данные за 1908 г. только подтверждают негативную для кяхтинского торгова динамику и свидетельствуют о том, что альтернативные торговые маршруты становились более рентабельными для торговцев.

О положении кяхтинской чайной торговли писал первый управляющий восстановленной Кяхтинской таможни А.Ф. Губаревич-Радобыльский: «Путь на Кяхту с 1907 года надо считать окончательно прекратившимся»². По его мнению, торговая слобода в связи с развитием железнодорожного и морского путей сообщения утратила значение транзитного пункта, в связи с чем чай, порой «в количестве до 60 тысяч ящиков поровну байхового и кирпичного» продавался преимущественно в Забайкалье.

¹ Из записки Департамента таможенных сборов об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области в связи с закрытием порто-франко. 28 февраля 1909 г. // // Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1862-1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. С. 73.

² Губаревич-Радобыльский А.Ф. Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России. СПб: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. С. 96.

Существенные изменения в межгосударственной торговле, вызванные строительством Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги, оказали влияние и на характер приграничной контрабанды. Постепенно основной центр нелегальной торговли смещался к железнодорожным узлам, что подтверждается статистикой. За контролем товаропотока, проходившего через железнодорожные пути следила Маньчжурская таможня. Сопоставление числа задержаний контрабанды в районе Кяхтинской таможни (87 случаев) и Маньчжурской (265) показывает, что в юрисдикции последней нелегальная активность была в несколько раз выше. Отметим также динамику её роста: если в первом полугодии 1914 г. было зафиксировано 265 задержаний¹, то за аналогичный период 1915 г. цифра возросла до 1203².

Положение Кяхты как центра русско-китайской торговли стремительно менялось в связи со строительством железнодорожных путей, обходивших купеческий город стороной. Окончательно разрушить кяхтинскую приграничную торговлю мешало то, что в соседнем Маймачене продолжало свою деятельность множество торговых фирм, имевших экономические контакты со многими крупными сибирскими городами. Кяхта из важного центра международной торговли превратилась в транзитный пункт для регионального обмена. Это привело к пересмотру статуса Кяхтинской таможни. 2 мая 1909 г. был издан закон, в котором утверждалось: «Преобразовать Таможню I класса 2 разряда в слободе Кяхта в Таможню II класса»³. Понижение в классе сопровождалось и несущественным сокращением штата служащих. Полномочия помощника бухгалтера, согласно закону, теперь ложились на плечи секретаря таможни. Помимо этого, из Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области был образован Приамурский таможенный округ, что должно было централизовать и упростить управление,

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 34. Л. 105–106.

² ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14. Л. 175–176.

³ Об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и в Забайкальском и Якутском областях и Иркутской губернии Иркутского генерал-губернаторства. 2 мая 1909 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. № 31854. С. 322.

сделав контроль за торговыми потоками более эффективным и менее затратным в административном плане. Согласно принятому закону, штат таможенных учреждений в Приамурском таможенном округе, расположенных вдоль границы с Монголией, выглядел теперь следующим образом (табл. 11):

Таблица 11

Штат таможенных учреждений, расположенных вдоль границы с Монголией¹

Наименование и статус таможенного учреждения	Общий штат служащих	Общее содержание штата (в руб.)
Кяхтинская таможня II класса	7	15450
Акшинская таможенная застава	2	3450
Джидинская таможенная застава	2	3450
Кулусутайский пост	1	1950
Мангутский пост	1	1950
Кыринский пост	1	1950
Мензинский пост	1	1950
Шарагольский пост	1	1950
Кударинский пост	1	1950
Киранский пост	1	1950
Красноярский пост	1	1950
Бичурский пост	1	1950
Нижне-Маргитуйский пост	1	1950
Ново-Селенгинский пост	1	1950
Желтуринский пост	1	1950

Из приведенной информации следует, что вдоль границы с Монголией располагалось 15 таможенных учреждений разного типа: одна таможня II класса, две таможенные заставы и 12 постов. Суммарное содержание штата служащих обходилось в 45750 руб. Примерно 34 % всех расходов уходило на содержание Кяхтинской таможни. В таможенных постах в качестве

¹ Штаты таможенных учреждений в Забайкалье. 1909 г. // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 года. СПб: Деп. тамож. сборов, 1912. С. 9–17.

единственных штатных служащих значились надзиратели, основной задачей которых было осуществление круглосуточного наблюдения за участками границы и пропускными пунктами с целью выявления попыток нелегального провоза товаров.

В 1909 г. режим порто-франко был отменен. Положения принятого 16 января закона закрепляли тенденцию по внедрению таможен Восточной Сибири и Дальнего Востока в единую общероссийскую систему, в рамках которой все таможенные учреждения регулировались таможенным тарифом по Европейской торговле. Так, ввоз чая регулировался следующим образом: «Привозимые в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства чаи (кроме кирпичных, пропускаемых беспошлинно) облагаются таможенными пошлинами в размерах и на основаниях указанных в пункте 2 ст. 20 и в пункте 2 примечания к сей статье Общего Таможенного тарифа по Европейской торговле»¹. И всё же у таможен Приамурского таможенного округа оставались некоторые специфичные условия, необходимые для эффективного функционирования органов приграничного контроля в отдалённом от центра регионе. Так, таможенные заставы Приамурского таможенного округа, в том числе дислоцирующиеся на территории Забайкалья, «были наделены правами таможен 3-го класса по пропуску товаров, а таможенные посты, создававшиеся для предотвращения контрабанды, выполняли более широкие функции охраны границ»².

В 1910 г. таможенное законодательство было дополнено принятием нового Устава³. 18 февраля 1910 г. таможенным постам Забайкальской,

¹ О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, об отмене статьи 939 Устава Таможенного и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 года. 16 января 1909 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. № 31369. С. 19.

² Беляева Н.А. Формирование таможенных учреждений в Забайкалье после отмены порто-франко // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 3(40). С. 130.

³ Устав Таможенный // Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и узаконениями по 1 сентября 1910 года. Кн. 1. Т. 6. СПб: Издание книж. магазина «Законоведение», 1911. С. 2526–2818.

Амурской и Приморской областей была выслана инструкция¹. В обоих документах содержались уточнения, касавшиеся контрабанды. Так, согласно таможенному Уставу 1910 г. контрабандой считалось: «Водворение из-за границы мимо таможенных учреждений, либо даже через них, но с сокрытием от таможенного контроля следующих товаров:

а) иностранных – запрещённых к ввозу, разрешённых к ввозу с обложением пошлиной, либо допущенных к перевозке транзитом за границу без взыскания пошлин;

б) российского происхождения – допускаемых к вывозу за границу с возвратом таможенных пошлин, уплаченных за использованные при производстве материалы, либо разрешённых к вывозу с возвратом акцизных и других сборов.

Вывоз за границу, или попытка вывоза:

– мимо таможенных учреждений,

– либо через них, но с сокрытием от таможенного контроля российских товаров, вывоз которых либо запрещён, либо разрешён, но с обложением пошлиной»².

В инструкции уточнялось, что к ввозу в Россию из Китая запрещены хлебное вино и водка, опиум, а также другие товары, запрещенные к привозу общим таможенным тарифом. Вывозить же в Китай запрещалось следующие товары: порох, артиллерийские снаряды, пушки, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие, военные снаряды, припасы, соль, опиум и другие товары, запрещенные к вывозу таможенным тарифом по европейской торговле.

¹ Инструкция таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей. 18 февраля 1910 г. // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 года. СПб: Деп. тамож. сборов, 1912. С. 27–32.

² Устав Таможенный // Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и узаконениями по 1 сентября 1910 года. Кн. 1. Т. 6. СПб: Издание книжного магазина «Законоведение», 1911. С. 2634.

Ввоз в Китай селитры, серы и свинца допускался по особым разрешениям китайского начальства¹.

В Таможенном уставе были дополнены сведения о наказаниях. Виновный в повторном акте контрабандной деятельности наказывался не только изъятием товара, но также двойным штрафом и высыланием за пределы 50-верстной полосы сроком от одного до пяти лет. Ещё одним отягчающим фактором могло служить оружие, найденное в ходе изъятия контрабанды, при этом неважно, использовалось оружие или нет. Уголовно наказуемыми считались лица, виновные в подделке таможенных клейм, пломб, печатей, штемпелей и бандеролей².

В 1911 г. во время разразившейся в Китае Синьхайской революции, политические и религиозные лидеры Халхи объявили о создании независимого государства на территории Внешней Монголии при непосредственной поддержке России. Это привело к тому, что российская граница в Забайкалье фактически стала границей с зависимой от Российской империи территорией, что стало причиной дальнейшего размывания межгосударственных формальностей: торговля стала более свободной, а таможенный контроль слабее.

Таким образом, в начале XX в. Кяхтинская таможня, деятельность которой было возобновлена при поддержке Иркутской, достаточно быстро набрала штат сотрудников и обзавелась всем необходимым для работы – от канцелярии до вооружения. Формирование нового коллектива сопровождалось организационными трудностями и внутренними конфликтами. Однако наиболее острой была проблема коррупции: некоторые досмотрщики, пользуясь служебным положением, брали взятки и отпускали контрабандистов

¹ Инструкция таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей. 18 февраля 1910 г. // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 года. СПб: Деп. тамож. сборов, 1912. С. 27.

² Устав Таможенный // Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и узаконениями по 1 сентября 1910 года. Кн. 1. Т. 6. СПб: Издание книжного магазина “Законоведение”, 1911. С. 2633–2638.

вместе с их товаром, что не только подрывало авторитет таможи, но и облегчало нелегальный оборот товаров.

Для борьбы с процветающей в приграничном регионе контрабандой вводились различные меры: от штрафов и конфискаций до уголовных санкций и системы доноительства, при которой информаторы могли рассчитывать на определённое денежное вознаграждение. Однако усиление правовых норм на практике сталкивалось с дефицитом кадров, недостатком таможенных постов вдоль протяжённой границы и слабым материально-техническим обеспечением на местах. В результате начавшейся в 1904 г. русско-японской войны часть досмотрщиков была призвана на фронт, что вкупе с введением режима порто-франко значительно ослабило таможенный контроль.

Решающее влияние на судьбу Кяхты и некогда процветающую в купеческом городе торговлю оказали железные дороги. Постепенно основные караванные пути, связывавшие Россию и Китай, сместились к железнодорожным веткам Транссиба и КВЖД, а торговые потоки «съехали» в сторону больших узлов вроде Владивостока и Харбина. На этом фоне экономический вес Кяхты ощутимо упал, вместе с ним снизились и таможенные сборы. К 1909 г., когда Кяхтинскую таможню понизили в статусе, стало ясно, что прежнего расцвета городу уже не вернуть. Он перестал быть центральным пунктом российско-китайской торговли и превратился в один из рядовых приграничных постов, подчинённых Приамурскому таможенному округу.

Таким образом, Кяхтинская таможня, пройдя период восстановления и укрепления внутренней структуры, не смогла полноценно справиться с проблемами коррупции и контрабанды. Дополнительные сложности создали внешние факторы – война, развитие железнодорожной инфраструктуры и общее переформатирование торговых маршрутов. Всё вместе это привело к тому, что Кяхта лишилась своего бывшего статуса крупнейшего торгового центра, а её таможня фактически оказалась на периферии политических и экономических процессов того времени.

3.3. Контрабанда в кяхтинском приграничье в условиях реформ таможенного управления и вызовов военного времени (1911–1917 гг.)

Обретение политической независимости Внешней Монголией соответствовало интересам Российской империи в регионе. Китай же серьёзно опасался потенциального эффекта «домино», когда объявившая в одностороннем порядке о своей независимости Внешняя Монголия могла оказаться первым регионом, за которым последовали бы другие этнорелигиозные меньшинства: «Очевидно, что потеря одной территории и примирение с этим могли создать прецедент и в других регионах Китая»¹. В 1912 г. первый президент Китайской республики Юань Шикай не признал новый статус отделившихся от Китая территорий, декларировав, что они по-прежнему остаются китайскими провинциями, в том числе и Халха. Данное обстоятельство обострило отношения между Россией и Китаем, что сподвигло российскую сторону заключить соглашение непосредственно с Монголией. Одной из причин спешки в заключении договора со стороны России была конкуренция за влияние в регионе не только с Китаем, но и с Японией: «Россия стремилась не включать Монголию в свой состав, а создать буфер от влияния Китая и Японии»².

21 октября 1912 г. был подписан договор между Россией и Монголией, обозначенный российской стороной как «Соглашение между Россией и Монголией об автономии Внешней Монголии»³. Название документа и его первая статья закрепили позицию России в отношении независимости Внешней Монголии: «Императорское российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а

¹ Бабаян Д.К. Китай и Монголия: исторические, политические и психологические аспекты взаимоотношений // Известия Алтайского государственного университета. История. 2016. № 4 (31). С. 184.

² Кузьмин С.Л. Монархическое Монгольское государство в 1911–1924 гг. // Eurasia: Statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. Т. 1. № 4. С. 191.

³ Соглашение между Россией и Монголией об автономии Внешней Монголии. 21 октября 1912 г. // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. С. 126–127.

также право содержать своё национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами»¹. Вместе с соглашением был подписан протокол, статьи которого позволяли русским подданным не только свободно передвигаться по территории Монголии, но и торговать, а также заниматься промышленной деятельностью. Вторая статья протокола закрепляла ещё одно важное право, а именно возможность ввозить и вывозить без уплаты пошлины «всякого рода произведения почвы и промышленности» не только российского и монгольского происхождения, но и китайского, а также других стран².

Параллельно с внешнеполитическими договорённостями формировалась собственная законодательная база Внешней Монголии, в том числе регулировавшая таможенную деятельность. В 1912 г. были приняты правила «О сборе торговых пошлин». В ст. 5 устанавливались наказания для иностранных граждан, пойманных на контрабанде – выплата штрафа, запрет на торговлю на территории Монголии и изгнание из страны³.

Китай не признал заключенное между Россией и Монголией соглашение, что привело к затяжным переговорам, которые растянулись практически на год⁴. Лишь 23 октября 1913 г. была подписана «Декларация России и Китая о признании автономии Внешней Монголии»⁵, согласно которой Россия признавала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а Китай признавал её автономию. Торговые преференции России в Халхе сохранялись, благодаря чему объём торговли между двумя сторонами продолжал расти (табл. 12).

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 123.

³ Батсайхан Д. Возникновение и развитие монгольского законодательства об ответственности за контрабанду (209 г. до н.э. – 1926 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1 (45). С. 44.

⁴ Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. // Власть. 2017. № 9. С. 159.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е.А. Адамова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 418–419.

Импорт наиболее востребованных монгольских товаров в Россию
в 1908 и 1911 гг. (руб.)

Наименование товара	Объём ввоза в 1908 г. ¹	Объём ввоза в 1911 г. ²
Крупный рогатый скот (КРС)	754440	577150
Мелкий рогатый скот (МРС)	197085	181860
Тарбаганьи шкурки	414640	909615
Овечья шерсть	207566	837828
Верблюжья шерсть	64314	168846
Сливочное масло	45224	79592
Невыделанная скотская кожа	18852	155943
Общий объём импорта	2177937	4982964

Приведенные данные свидетельствуют о том, что общий объём импорта монгольских товаров с 1908 по 1911 гг. увеличился на 129 %. Основная доля в приросте приходилась на сырьевые товары. К примеру, показатели ввоза овечьей шерсти увеличились в четыре раза, а тарбаганьей – более чем в два раза. На этом фоне сократился вывоз живого скота. Смещение в пользу сырьевой продукции отражает изменившийся спрос российской промышленности в предвоенные годы.

Сокращение китайского участия в кяхтинской торговле способствовало падению оборотов контрабандной деятельности в этой области. Об этом свидетельствует отчет Читинского таможенного инспектора за первое полугодие 1913 г., из которого следует, что число задержаний в районе Кяхтинской таможни снизилось со 124 до 90, по сравнению с первым полугодием 1912 г. По мнению инспектора, это связано не только со «сравнительно густой цепью таможенных постов», но и обострением

¹ Обзор Забайкальской области за 1908 год. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко». 1909. С. 40.

² Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко». 1915. С. 48.

отношений между Китаем и Монголией, из-за чего в Маймачен не было подвоза новых китайских товаров, а старые запасы истощились¹.

Изменявшиеся реалии в приграничье, привели к ослаблению товаропотока через Кяхту, что не мешало преступникам изобретать изощренные способы для нелегальной перевозки товара. К примеру, кяхтинские таможенники фиксировали, что контрабандисты начали прятать запрещённые к ввозу товары внутри туши скота. Так, 4 февраля 1914 г. таможенниками был обнаружен сахар-рафинад в «скотской брюшине»². Иногда контрабандисты прятали «потаенный товар» в дровах, расщепляя их надвое так, чтобы при невнимательном осмотре дрова казались цельными³, или выдалбливали пространство в толстых досках ящиков, где прятали ханшин⁴. Полые пространства создавались даже в деревянных частях саней, внутри которых помещались жестяные банки со спиртом.

Таможни информировали друг друга о новых способах перевозки нелегальных товаров. Обмен опытом, безусловно, оказывал положительное воздействие на борьбу с контрабандой. В приведенных примерах важны не столько конкретные детали, сколько общий принцип – создание полых пространств внутри деревянных изделий, зная который рядовой досмотрщик мог руководствоваться им при выявлении контрабанды.

Отдельные случаи демонстрировали особую изобретательность нарушителей, но куда более опасной была организованная контрабанда, создававшая устойчивые каналы обхода контроля. В Кяхте наиболее востребованным предметом организованной контрабанды оставался чай, сокрытие которого в выдолбленных полых пространствах было неэффективным из-за объёмов тайного груза. Поэтому преступники нашли другую лазейку, с помощью которой с выгодой реализовывали контрафактный чай. Контрабандисты научились снимать таможенные пломбы с легально

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 23. Л. 313 об.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 668. Л. 11.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 31

ввезенного чая так, чтобы потом эти пломбы можно было вновь повторно навесить на ящики с чаем, но уже доставленными через обходные пути нелегально. При беглом осмотре обнаружить подлог было очень сложно, чем и пользовались контрабандисты. Такой чай с наклеенной пломбой спокойно продавался и не вызывал подозрений. Вот что об этом писал доносчик, раскрывший таможенникам данную схему: «Контрабандисты научились снимать с чайных мест ввозимых в льготную и не в льготную полосу таможенные пломбы. Эти пломбы они привозят с собой в Маймачен и там сами навешивают таможенные пломбы на места с чаем. Такие пломбы отличаются от таможенных постоянных тем, что один конец бечевки двигается в пломбе... Этот конец, который движется, контрабандисты зажимают плоскогубцами или просто зубцами и стараются по возможности миновать таможенные посты»¹.

Помимо таможенных пломб преступники активно фальсифицировали бандероли на чайных ящиках, в связи с чем в таможенные учреждения постоянно доставлялись под грифом «секретно» примеры подделок, с детальным описанием различий фальшивок от оригинальных бандеролей. К примеру, описание особых примет контрафакта гласило: «Рисунок государственного орла вполне произвольный, большая корона широка, шея и плечо не верно сделаны; ноги без бедер, скипетр не на левом крыле, а только касается перьев его; хвост не верно сделан»².

Важным инструментом в борьбе с контрабандой оставались доносы, что само по себе свидетельствует о доверии к таможенным органам и ожидании реального реагирования. К примеру, крестьянин, донёсший о манипуляции с пломбами, понимал, что, если его анонимность раскроют, ему будет грозить расправа, о чем прямо писал в своём донесении. В другом случае информатор даже не скрывал своего имени, отправляя письмо в таможеню: «Начальница глазного отряда докторша Левицкая, бывшая здесь в Урге и уезжающая отсюда в город Троицкосавск 25 августа [1913 г.] купила в Урге и везёт с собой

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–2.

² ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

китайские товары. Уложены они у неё в чемодан и с казённой кладью в ящик. Раз еду ..., она говорит, что меня никакая таможня не посмеет смотреть»¹. Приходили в таможню сведения и от анонимов. Запротоколирован случай, когда человек, подписавшийся как «Некто», отправил письмо управляющему Троицкосавским постом, в котором подробно описал преступные действия местного почтальона, использовавшего свое служебное положение: «Почтальон, едущий в Кяхту с разноской писем и газет, каждый раз заезжает в Маймачен и везёт оттуда всевозможную контрабанду. Посты ваши не препятствуют, потому что он с ними делает крепкое рукопожатие и пропускают его с контрабандою, а он едет из Кяхты в Троицкосавскую контору, заезжает на почтовую станцию и там сваливает контрабанду. В контору является чистым, а по возвращении из конторы забирает всё оставленное на станции и раздаёт кому следует»². Очевидно, что причиной доноительства чаще всего служило не благородное желание искоренить контрабанду, а собственный интерес или неприязнь к конкретной личности. Статистика Кяхтинской таможни по выявлению контрабанды в 1913 г. выглядела следующим образом (табл. 13):

Таблица 13

Объём выявленной контрабанды Кяхтинской таможей за 1913 г.³

Месяц	Количество случаев	Общая оценка стоимости контрафактного товара (в руб.)
Январь	19	132
Февраль	11	198
Март	21	287
Апрель	13	482
Май	14	331
Июнь	12	1490
Июль	17	582
Август	13	240
Сентябрь	18	803
Октябрь	25	596
Ноябрь	33	473
Декабрь	20	490

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 3–3 об.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 473. Л. 2–38.

Исходя из данных следует, что в 1913 г. Кяхтинской таможне удалось зафиксировать 216 неудачных попыток тайного провоза. Общая оценка стоимости задержанного составила 6104 руб., средняя «стоимость» одного задержания – чуть более 28 руб. Пик контрабандной активности пришёлся на период с октября по декабрь, когда было запротokolировано 78 случаев. Объясняется это сокращением светового дня в осенне-зимний период, замерзанием рек и других водоёмов, снижением видимости из-за ухудшения погодных условий, а также пиком кяхтинской торговли, который приходился на эти месяцы. Данные таблицы обнаруживают слабую корреляцию между числом дел и суммой задержаний, из чего следует, что в большинстве своём таможне удавалось пресекать деятельность мелкой контрабанды с эпизодическими облавами крупных партий.

Существенно ослабляли таможенное противодействие контрабанде в русско-китайском приграничье кадровый дефицит и чрезмерный объём обязанностей служащих таможни. Об этом писал Департамент Таможенных сборов в адрес Канцелярии генерал-губернатора, отмечая, что «в Забайкальской области ... всего 30 досмотрщиков при 19 лошадях. На этих досмотрщиков, кроме надзора за границею, возлагается обслуживание и окарауливание таможенных застав и постов и надзор в некоторых местах за судами каботажного и речного плавания. При таких обстоятельствах можно ожидать массового водворения в наши пределы контрабандных товаров, в особенности спиртных напитков»¹.

С 1 января 1913 г. 50-вёрстная льготная полоса была упразднена². Это означало, что товары, провозимые в том числе через кяхтинскую границу, для

¹ Из проекта представления Министерства финансов об отпуске дополнительных средств на содержание таможенных учреждений в пределах Приморской и Забайкальской областей. Временные правила для действия Кяхтинской и Сретенской таможен, утвержденные министром финансов. 1913 г. // Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1862-1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. С. 133.

² Нота русского посланника в Пекине В.Н. Крупенского управляющему китайским Министерством иностранных дел о продлении срока действия С.-Петербургского договора 1881 г. и упразднении льготной 50-верстной торговой полосы на русской стороне

дальнейшей их продажи внутри региона, теперь облагались пошлинами и подвергались клеймению. Безусловно, такое положение только усугубляло ситуацию с нелегальным ввозом. Ужесточение условий легального оборота, предсказуемо, вело к росту контрабандного оборота. Можно выделить несколько причин принятия столь важного для российско-китайского приграничья решения. Одна из них проговаривалась в ноте российского посла в Пекине: «Император... признает, что при современном положении, когда вдоль русско-китайской сухопутной границы создан ряд населённых пунктов, существование 50-верстной полосы, созданной в то время, когда эта граница была пустынной, является во многих местностях ненормальной»¹. Следует отметить, льготная зона вдоль границы в последний раз закреплялась сторонами Петербургским соглашением 1881 г. Однако в 1912 г. Россия, продлив действие соглашения ещё на 10 лет, в одностороннем порядке исключила из продлеваемых условий пункт о 50-верстной льготной полосе, оставив в силе прочие положения. Вероятно, российское правительство посчитало, что преимущество для приграничного населения дёшево покупать различные иностранные товары не перевешивает собой те злоупотребления, которые создавались на местах при наличии льготной полосы.

Ещё одна возможная причина кроется в том, что начиная с XX в., когда вдоль русско-китайской границы было восстановлено таможенное регулирование, таможни, в том числе на территории Забайкалья, интегрировались в общую государственную таможенную систему без привязки к азиатской или европейской границам. Поскольку одной из важных особенностей местной таможенной практики было наличие льготной беспошлинной зоны, было принято решение о её ликвидации². В целом же, отмена существовавшей преференции для кяхтинской торговли стала одним из

сухопутной границы. 24 августа 1912 г. // Известия Министерства иностранных дел за 1912 г. СПб, Кн. 6. 1917. С. 74–76.

¹ Там же. С. 75.

² Дугаров В.Д., Казанцева Н.Г. Государственная таможенная политика и её местная реализация в приграничных регионах в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 132.

последних шагов к окончательному замещению сухопутной караванной торговли с Китаем на морскую и железнодорожную.

Отказ от льготной полосы стал частью общего курса на унификацию таможенного регулирования и интеграцию приграничных учреждений в единую государственную структуру. В этом контексте правительство продолжало издавать акты, нацеленные на выравнивание статуса и условий службы на азиатской и европейской границах. Так, согласно указу от 14 мая 1912 г. штатным чинам таможен Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области определялись «служебные права и преимущества, предоставленные соответственным должностям в таможенных учреждениях Европейской России, с установлением для сих чинов следующих окладов содержания...»¹ (табл. 14).

Таблица 14

Оклад штатных чинов таможен второго класса (в руб.)²

Должность				Оклад
	Жалование	Столовые	Квартирные	
Управляющий таможней	1144	1144	572	2860
Член таможни	884	884	442	2210
Секретарь таможни	728	728	364	1820
Бухгалтер таможни	728	728	364	1820
Пакгаузный надзиратель	728	728	364	1820
Помощник пакгаузного надзирателя	624	624	312	1560

Данные таблицы свидетельствуют, что существенную часть оклада штатных чинов составляло не только жалование, но и расходы на питание и жильё. Выделяемая казной сумма на эти расходы у всех чинов рассчитывалась по одинаковой пропорции. Расходы на питание были равны жалованию, а «квартирные» составляли половину. Важность управленческих функций в деятельности таможни подчеркивает разница в заработной плате ее

¹ Об отпуске средств из государственного казначейства на усиление таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области. 14 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37063. С. 445–446.

² Там же.

управляющего и других сотрудников. Важно отметить, что казной выделялись средства в размере 44524 руб. для приобретения моторных лодок, обмундирования досмотрщиков, покупки и ремонта теплой одежды, снабжения досмотрщиков шашками, револьверами и патронами¹.

28 мая 1912 г. был принят указ «Об Учреждении местного таможенного управления и об установлении штатов таможенных инспекторских участковых управлений», повлёкший за собой существенные изменения в таможенном регулировании². Согласно закону, таможенные учреждения отныне входили в состав таможенных участков, состоявших в ведении инспекторов, тогда как ранее они находились в ведении начальников таможенных округов. Права и обязанности начальников таможенных округов перекладывались на управляющих таможнями, а также на участковых таможенных инспекторов. Фактически, таможенные инспекторы становились связующим звеном между таможенными ведомствами и Департаментом таможенных сборов. Их основной задачей было «производить ревизию всех учреждений таможенного участка» на предмет выполнения ими законов, инструкций и распоряжений³. В случае обнаружения злоупотреблений в подведомственных инспектору таможенных учреждениях, он мог инициировать расследование с возможностью отстранения подозреваемого от должности.

Делопроизводственные документы, в частности, отчетные ведомости Читинского таможенного инспектора показывают, что учет и контроль он осуществлял над всеми видами таможенных учреждений: таможнями, заставами и постами⁴. В последующем схема управления стала меняться. Для удобства управления инспекторство стало делиться на условные районы, в рамках которых более крупные таможенные учреждения контролировали деятельность находящихся рядом других учреждений. С 1914 г. в отчетной

¹ Там же.

² Об Учреждении местного таможенного управления и об установлении штатов таможенных инспекторских участковых управлений. 28 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37147. С. 488–496.

³ Там же. С. 493.

⁴ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 23. Л. 316–317.

документации управляющего Кяхтинской таможней мы видим, что в юрисдикции Кяхтинской таможни находились Усть-Кяхтинская застава, а также Кяхтинский, Киранский, Кударинский, Желтуринский, Шарагольский посты¹. Спустя год к ним добавился ещё один таможенный пост – Джидинский².

Указ от 28 мая 1912 г. уточнял особенности функционирования таможен второго класса. Если в таможни первого класса дозволялось привозить все разрешённые к ввозу товары, то таможни второго класса не принимали товары «применение к коим требует технической экспертизы или представляется особенно сложным»³. Список таких товаров оглашался отдельно. Полномочия таможенных застав и постов также были скорректированы. Первым разрешалось пропускать товар для местного потребления и только в том случае, если сумма пошлин за него не превышала 15 руб. Таможенные посты же не имели права пропускать иностранный товар, но к некоторым таможенным постам, в том числе расположенным в Забайкалье, разрешалось привозить товары местного потребления. Опять же список таких товаров оглашался отдельно.

Специальным небольшим блоком в законе были прописаны основные права и обязанности таможенной охраны, в частности, разрешение таможенным досмотрщикам и стражникам при необходимости использовать холодное и огнестрельное оружие. Отдельно для Забайкальской области указывалось, что ответственность за надзор границ возлагалась не только на таможенные ведомства, но и на местные власти⁴.

1 января 1913 г. вступил в силу ещё один напрямую касавшийся деятельности таможен указ, установивший «взамен действующего, прилагаемое при сем расписание должностей и окладов содержания штатных чинов

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 34. Л. 17–18.

² ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–96.

³ Об Учреждении местного таможенного управления и об установлении штатов таможенных инспекторских участковых управлений. 28 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37147. С. 490.

⁴ Там же. С. 491.

таможенных учреждений»¹, которым вводился новый табель с актуальными должностями и размерами их окладов. Упразднялись должности члена таможи и выкладчика пошлин, а их функции переходили к контролёру и бухгалтеру соответственно. Важно отметить, что люди, занимавшие упраздненные должности, не увольнялись, они либо получали новое назначение, либо их «оставляли за штатом на общем основании». Были также внесены поправки в некоторые статьи Таможенного устава 1910 г. Изменения касались досмотра товаров: «Досмотр товаров в таможенных учреждениях производится единолично контролерами, а где таковых должностей не имеется, — управляющими или помощниками управляющего»².

Принятые меры, безусловно, способствовали повышению материального благосостояния таможенных служащих и усиливали их мотивацию в противодействии контрабанде, но их было недостаточно. Сложившуюся ситуацию осознавало и Министерство финансов: «Установленный по границам с Китаем и Монголией таможенный надзор представляется в настоящее время снова недостаточным и должен быть усилен... представляется необходимым увеличить личный состав ... таможенных учреждений, так как состав этот является недостаточным для этой работы, которая ныне возлагается на таможенных чиновников»³. Обеспокоенность Министерства финансов массовой контрабандной деятельностью на русско-китайской границе в большей степени касалась теперь уже не столько Кяхтинской таможни, сколько Маньчжурской. Снижение роли традиционного сухопутного товарооборота через кяхтинскую границу и стремительный рост значения железнодорожных

¹ Об установлении расписания должностей и окладов содержания в таможенных учреждениях, введении единоличного досмотра товаров и обращении полностью в доход казны штрафов и пеней за неправильности в объявке товаров. 6 июня 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37216. С. 611–612.

² Там же. С. 612.

³ Из записки Министерства финансов «Об отпуске из Государственного казначейства средств на усиление таможенного надзора по морскому побережью Приморской области и по границам с Кореей, Китаем и Монголией и на увеличение состава таможенных участковых управлений и таможенных учреждений». Январь 1914 г. // Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1862–1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. С. 135–137.

перевозок привели к закономерным изменениям контрабандных потоков. Они начали смещаться в сторону железнодорожных узлов и станций, через которые проходили крупные партии грузов (табл. 15).

Таблица 15

Объем контрабандной деятельности за первое полугодие 1914 и 1915 гг.

	I полугодие 1914 г. ¹		I полугодие 1915 г. ²	
	Количество задержаний	Общая ценность (руб.)	Количество задержаний	Общая ценность (руб.)
Район Кяхтинской таможни	87	1261	73	2019
Район Маньчжурской таможни	265	13764	1203	49018

Приведенные данные свидетельствуют о взрывном росте (более чем в три раза) контрабандной деятельности в районе Маньчжурской таможни. Причиной послужил запрет на продажу спиртных изделий с началом войны, что привело к резкому увеличению спроса на алкогольную продукцию.

В июле 1914 г. правительство Российской империи объявило о всеобщей мобилизации, после чего последовало вступление России в войну со странами Тройственного союза. Ещё до объявления мобилизации, которая началась 18 июля (по старому стилю), в таможенные учреждения был доставлен циркуляр под грифом секретно, в котором декларировалось: «По Высочайшему повелению с 14 июля 1914 г. введено положение о подготовительном к войне периоде»³. «Подготовительное» положение предполагало, что приграничные таможни должны были на постоянной основе высылать в Штабы военных округов сведения о провозе грузов, а также информировать о лицах, подозреваемых в шпионаже. Управляющий Кяхтинской таможней был обязан к первому числу каждого месяца высылать сведения в Штаб Иркутского военного округа информацию о движении муки, фуража, скота и лошадей через

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 34. Л. 105–106.

² ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14. Л. 175–176.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 665. Л. 10.

подведомственный ему участок границы¹. Помимо прочего, таможни получили право изымать все «самодвижущиеся экипажи», принадлежавшие немецким подданным.

С началом первой мировой войны остро встал вопрос о мобилизации таможенных служащих, в связи с чем Читинский таможенный инспектор направил прошение в Штаб Иркутского военного округа об освобождении таможенных досмотрщиков от мобилизации и от поставок лошадей на фронт. Такое внимание по отношению к досмотрщикам в период войны неудивительно, поскольку нанимались в досмотрщики чаще всего военные, находившиеся в запасе – запасные нижние чины, урядники, унтер-офицеры, ратники государственного ополчения, за редким исключением на должность устраивались крестьяне или мещане². Простение Читинского таможенного инспектора было удовлетворено, но при этом предлагалось принять «к неуклонному исполнению» несколько пунктов. Во-первых, при увольнении досмотрщика он сразу же должен был встать на военный учёт; во-вторых, досмотрщикам, изъявившим желание поступить на военную службу, должна быть предоставлена такая возможность; в-третьих, досмотрщики, поступавшие на военную службу, обеспечивались единовременной выплатой в размере 1-2 месячных окладов, в зависимости от семейного положения³. Очевидно, что в условиях всеобщей мобилизации работа в таможне была одним из немногочисленных легальных способов избежать военную службу, в связи с чем таможенники находились под пристальным наблюдением. По этому поводу инспектор Читинского таможенного участка писал: «об увольнении со службы досмотрщиков, согласно их желанию или без прошения, объявлять последним, что по увольнению от таможенной службы, они обязаны немедленно явиться к подлежащему воинскому начальнику – запасные нижние чины и к Станичному атаману – льготные казаки»⁴.

¹ Там же. Л. 12.

² ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 26. Л. 107–144.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 665. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 18.

Принятые меры способствовали сохранению штата таможи, но военное положение в стране и связанные с ним ограничения привели к всплеску теневой торговли наиболее рентабельными товарами, к которым, безусловно, относился алкоголь. Контрабанда ханшина через кяхтинскую границу являлась одной из главных проблем местной таможи в начале XX в., которая с началом войны усугубилась. 22 августа 1914 г. в стране была запрещена продажа крепких спиртных напитков вплоть до окончания военного времени¹. В российско-китайском приграничье ещё со времени введения государственной монополии на продажу алкоголя в 1894 г.² хваткие отечественные промышленники научились обходить закон, создавая на китайской стороне алкогольные заводы, продукцию которых затем нелегально сбывали в Россию. Примечательно, что ханшин оставался «любимой водкой» только в кяхтинском приграничье, тогда как в других регионах, соседствующих с Китаем, предпочитали покупать фабричный алкоголь более высокого качества. По подсчетам В.В. Синиченко, «контрабанда ханшина не играла для интересов фиска в 1912-15 гг. большого значения, так как составляла от 15 до 0,5 % всего спиртового ввоза. Тайный импорт фабричного спирта вырос за три года более чем в 20 раз, в то время как контрабанда ханшина сократилась за тот же период времени в 2 раза. Таким образом, в основном происходил ввоз фабричного контрабандного спирта»³.

Активными контрабандистами спиртного по-прежнему оставались местные жители и казаки. Вот что об этом писал в Кяхтинскую таможню один из доносчиков: «Ханшин приобретается в Маймачене и провозится, по частным слухам далее Киранского посёлка Монгольской стороной, откуда попадает на Усть-Киранский или Мурочинский перевозы. По слухам в Маймачен за ханшином отправились трое крестьян, один из них прихрамывает на какую-то

¹ О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени. 5 сентября 1914 г. // Собрание Указаний и распоряжений Правительства. 1914. Отд. 1. 2-е полугодие. № 2348. С. 3458.

² Высочайше утвержденное положение о казенной продаже питей. 6 июня 1894 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1898. Т. 14. Отд. 1. № 10766. С. 404–410.

³ Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (30.06. 2025).

ногу... Отправившихся за ханшином можно задержать сегодня или завтрашней ночью»¹. Предположительно, трое крестьян являлись жителями села Окино-Ключевское, где, согласно наводке, распространилась тайная продажа ханшина. В другом случае, произошедшем в декабре 1915 г., был пойман казак Цаган-Усунской станицы Михаил Гаськов, которого тоже задержали с «живительным напитком».²

В борьбе с контрабандой забайкальским таможенникам оказывали содействие органы местной власти. Согласно отчётам Читинского таможенного инспектора, в подведомственных ему учреждениях за первую половину 1913 г. было зафиксировано 637 задержаний, из них 32 раза арест произвели акцизные ведомства, а в 64 случаях приняли участие полиция и другие ведомства³. Но приводило это порой к курьёзным эпизодам. Например, в январе 1916 г. чинами Троицкосавской полиции был задержан Михаил Жамбалов с жестяной банкой, в которой, предположительно, был ханшин. По словам Жамбалова, увидев городского, он заявил ему о находке. В банке ««очевидно со спиртом» оказалась обыкновенная сырая вода... Банку обратно получил её владелец М. Жамбалов»⁴.

Задержание контрабанды поощрялось вознаграждением, размер которого зависел от стоимости конфискованного товара. Поскольку продажа ханшина в России была официально запрещена, Кяхтинская таможня руководствовалась ценами, по которым алкоголь продавали в Маймачене. Для этого она направляла письма Императорскому вице-консулу в Маймачене, который уведомлял о стоимости товара. К примеру, в 1916 г. 0,6 литра ханшина продавались в китайском приграничье за 70-80 коп.⁵

С началом войны расширилась контрабанда опиума, в связи с чем 7 июня 1915 г. был принят закон, согласно которому запрещался посев мака в

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 534. Л. 67.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 995. Л. 1–9.

³ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 23. Л. 312 об. – 313.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 534. Л. 6–9.

⁵ Там же. Л. 42–46.

Приамурском генерал-губернаторстве и в Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства. Закон воспрещал «привозить из-за границы в Империю курительный опий, а также трубки и другие приспособления для курения опия»¹. Одной из вероятных причин принятия данного закона был поиск компромисса с китайской стороной, откуда шёл поток контрафактного алкоголя. Ещё в ноябре 1914 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в письме Председателю Совета министров И.Г. Горемыкину рекомендовал заключить договор с Китаем о запрете вывоза из Поднебесной спирта в обмен на запрет российской стороне сеять мак в Приамурье².

Согласно отчётам Кяхтинской таможни, только с июня по ноябрь 1916 г. удалось зафиксировать 8 случаев задержания с опиумом на общую сумму 3530 руб.³ Самая крупная партия составила 8 пуд. и оценивалась в 2506 руб.⁴ Поскольку продажа опиума в России была запрещена, Кяхтинская таможня для оценки товара обращалась также к вице-консулу в Маймачене, на что он отвечал: «имею честь уведомить, что стоимость фунта опиума в Маймачене мною не могла быть установлена по той причине, что опиум воспрещён к продаже. В Маньчжурии же один лан опиума стоит 30-40 руб.»⁵ Количество задержаний опиума, а также тот факт, что в одном из случаев было конфисковано 8 пуд. наркотического средства, говорили о том, что Кяхта становилась одним из узлов контрабанды запрещённого товара. Если ранее столкновения таможни с партиями опиума носили эпизодический характер и ограничивались небольшими объёмами, то с 1916 г. мы наблюдаем устойчивую тенденцию к наращиванию масштабов этой контрабанды. Одной из причин активизации нелегального наркотрафика могли стать условия трехстороннего договора между Россией, Китаем и Монголией, заключенные в 1915 г.

¹ О мерах борьбы с опиекурением. 17 июня 1915 г. // Собрание Указаний и распоряжений Правительства. 1915. Отд. 1. 1-е полугодие. № 1291. С. 1743.

² Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/ (10.07. 2025).

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 534. Л. 109.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп.1. Д. 921. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 60.

Согласно 12 статье соглашения, китайские торговцы не платили пошлину при ввозе «товаров любого происхождения» в пределы автономной Монголии¹, в связи с чем таможенный контроль границы ложился на плечи российской стороны².

С началом войны правительство приняло ряд актов, ограничивших внешнюю торговлю, прежде всего с недружественными странами. Уже 28 июля 1914 г. был издан указ, согласно которому минимизировались торговые контакты с неприятельскими государствами³. На раннем этапе войны законы, ограничивавшие торговлю, касались в основном европейской границы. Позднее регламент распространился и на азиатскую границу. Так, 2 марта 1916 г. был опубликован список товаров, допускавшихся к вывозу в Монголию, с припиской «исключительно для русских купцов» (табл. 16).

Таблица 16

Товары, допускаемые к вывозу в Монголию⁴

Категория	Перечень товаров	Условия вывоза
Первая	Хлеб всякий в зерне, в том числе рожь, пшеница, овёс, ячмень, чечевица, гречиха, просо, фасоль, отруби, бобы, картофель, рис; мука и крупа всех сортов; кормовые средства для животных; сухари, макароны, перец, чай, кроме зеленого байхового; соль поваренная, табак, шкуры корсака и белки; лапы и хвосты всяких зверей; туземная обувь кожаная и валеная; кожаные изделия и изделия из шкур; цветные сукна специально для монгольского употребления; лесные материалы; цемент и известь; нефть, керосин и другие нефтяные продукты кроме бензина; уксусная кислота, ткани и прочие х/б изделия кроме крашенных в защитный цвет; войлок, готовое платье	Сахар мог быть вывезен только по удостоверению акцизного ведомства; шкуры корсака и белки только в сыром виде.

¹ Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. С. 102–106.

² Mikhalev A. V. Empires' Keif, or Opium Trade on the Tea Route in the Era of Late Empires // Quaestio Rossica, 2024. Т. 12, № 1. С. 278.

³ О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года. 28 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Петроград, 1915. Книга 1. С. 71–72.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 628. Л. 29–35.

	всякое; изделия из металлов кроме платины, золота и меди	
Вторая	Выделанная кожа, юфть, специально вырабатываемая для туземной обуви, писчая бумага	Отпуск этих товаров не должен был превышать среднюю годовую норму их вывоза в Монголию за 1913-1915 гг.
Третья	Мешки и брезенты для укупорки сырья и покрытия товаров	Вывоз только при условии обратного привоза указанных материалов в империю в течение 6 месяцев. В связи с этим необходимо было оставить залог в размере рыночной стоимости этих материалов.

Данные таблицы свидетельствуют, что в российско-монгольском приграничье сохранялся практически свободный вывоз широкого ассортимента продовольствия и потребительских товаров, вероятно, с целью поддержания приграничной торговли и доходов от нее. При этом существовали ограничения на те товары, бесконтрольный вывоз которых мог нанести серьёзный ущерб военной отрасли.

Продолжавшаяся война требовала мобилизации ресурсов, в связи с чем увеличивался перечень товаров, запрещённых к вывозу, при чем не только во враждебные страны. К таким товарам, к примеру, относился керосин, который нельзя было свободно вывозить «в Манчжурию, Монголию, и Западный Китай»¹. В начале января 1917 г. Читинский таможенный инспектор уведомил Кяхтинскую таможню, что к товарам, запрещённым к вывозу, добавились кожаные изделия, изделия из шкур и «всякая кожаная обувь»². 8 мая 1917 г.

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 904. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

список заповедных товаров пополнили лесоматериалы, экспорт которых допускался только по особому разрешению.¹ 13 июля 1915 г. под запрет попадал вывоз юфти, однако уже 2 марта 1916 г. его разрешили с ограничениями. Это вызывало беспокойство кяхтинских купцов, которые докладывали, что с помощью подставных русских лиц юфть из страны вывозили китайцы. Купцы предлагали разрешить пропуск данного товара только тем, кому будет дано право общим собранием купечества². Во время войны потребность в коже значительно возросла во многом потому, что она являлась одним из важнейших материалов для производства солдатской обуви. Согласно приблизительным данным, в период с 1914 по 1918 гг. было «израсходовано 65 млн пар сапог и 460 тыс. пуд. кожаной подошвы, на производство которых было потрачено 650 млн руб. и 20 млн 240 тыс. руб.» соответственно³.

В условиях войны особенно важно было не допускать утечку драгоценных металлов из страны. Между тем, через китайскую границу вывозилось большое количество золота, серебра и других запрещённых товаров. Сведения об этом доходили даже до помощника главного начальника Петроградского военного округа. По этому поводу он писал: «через границу с Китаем, особенно через Манчжурскую Таможню, в большом количестве вывозится контрабандным путём золото, серебро и другие запрещенные товары»⁴. Возросшую контрабанду золота в Забайкальской области отмечал местный областной комиссар: «По имеющимся у меня сведениям золото вследствие повышенного спроса на него в Китае, ... из Забайкальской области утекает в Китай в большом количестве. Усилить таможенный надзор»⁵. Активизация таможенного контроля по этому вопросу дала свои плоды. 30 мая 1915 г. в Кяхтинскую таможенную заставу был отправлен анонимный донос на

¹ Там же. Л. 54.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 628. Л. 29 об.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Б.и., 1925. С. 61.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 670. Л. 11.

⁵ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 904. Л. 55.

бурята Бадмаева, который вёз «купленные в разных местах России золотые и серебряные вещи» и собирался их вывезти в Монголию¹. 22 сентября 1916 г. был задержан подданный Китая Че Чусу Лу с золотым самородком, стоимость которого была оценена в 124 руб.²

Война истощала ресурсы страны, что отражалось на материально-техническом оснащении таможен, в том числе Кяхтинской. Для эффективной организации охраны обширных границ, особенно в условиях отдаленности таможенных постов и застав друг от друга, наличие лошадей в достаточном количестве являлось необходимым условием. Однако, согласно данным о покупке лошадей Кяхтинской таможней, в 1914 г. их было приобретено 139 на общую сумму 3818 руб., а в 1916 г. – всего лишь 21 на сумму 2640 руб.³ (большая разница в стоимости одной лошади объясняется их дефицитом в условиях военного времени). В начале 1917 г. Читинский таможенный инспектор извещал Кяхтинскую таможню о необходимости экономии расходов на освещение, отопление и канцелярские нужды.

В обстановке войны рос уровень инфляции, в силу чего выделяемых на весь год средств для функционирования таможни не хватало. Об этом таможенный инспектор писал следующее: «Все материалы на рынке возросли, но вздорожание в виду исключительных обстоятельств данного времени, не должно служить основанием для истребования ассигнования сумм в повышенном размере в том предположении, что количество материалов должно быть заготовлено и обращено к расходу по расчёту мирного времени; этих норм ныне не следует придерживаться»⁴.

Затянувшаяся война, общая усталость населения от последствий военного времени оказывали негативное влияние на таможенных служащих. Управляющий Кяхтинской таможней все чаще отмечал факты дисциплинарного нарушения своих подопечных: досмотрщиков находили

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 668. Л. 12.

² ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 678. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 15–15 об.

⁴ Там же. Л. 13–13 об.

спящими или пьяными на службе¹. Разворачивались семейные драмы. В одной из таких историй оказался досмотрщик Даниил Марченко, который совершил самоубийство из-за неурядиц с женой, желавшей, чтобы он отправился на фронт². В неприятной ситуации оказался досмотрщик Михаил Юхновский, жена которого изменила ему с коллегой по службе Кузьмой Ожигановым. Обстановка для Юхновского осложнялась тем, что товарищи по службе грубо издевались над «создавшимся над ним положением»³. Разрешилась ситуация тем, что Ожиганова откомандировали в Усть-Кяхтинскую таможенную заставу, хотя изначально прошение о переводе подавал Юхновский. Начальство решило, что компетентность последнего была куда выше и заменить его было бы гораздо сложнее. В ночь с 11 на 12 июня 1916 г. произошло ещё одно резонансное событие – был убит досмотрщик кяхтинского таможенного поста Иван Сосновский, который находился в это время не на службе. Убийцами следствие признало казаков Кударинской станицы Ивана Фролова и Бориса Вяткина, а также ссыльного поселенца Семена Воронина. Причиной убийства стал личный конфликт. Для того, что запутать следствие, убийцы симулировали грабеж, сняв с трупа сапоги и оттащив тело от дороги⁴. В 1916 г. внутренняя дезорганизация и моральная усталость служащих стала очевидной. Ситуация усугубилась в 1917 г., обнажив кризис таможенного надзора.

В условиях революционных событий 1917 г., краха монархии и стремительной смены властных институтов, возникли перебои в управлении и финансировании ведомств, включая таможенную службу. В 1917 г. существовавшая система таможенного надзора начала постепенно разрушаться. 28 февраля 1917 г. было опубликовано постановление Временного комитета членов Государственной Думы о незамедлительном восстановлении работы в учреждениях Министерства финансов. В апреле этого же года служащие

¹ ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 74. Л. 14, 15, 31.

² Там же. Л. 72–76 об.

³ Там же. Л. 22–23.

⁴ Там же. Л. 47–48.

Кяхтинской таможни приняли присягу перед новым правительством¹. В этом же месяце Временное правительство дало отсрочку от военной службы до 1 июля досмотрщикам таможенных учреждений².

Архивные документы свидетельствуют об ослаблении таможенного надзора и раздраженности местных жителей, начавших открыто противодействовать таможенным чинам в их работе. Вот что об этом писал Забайкальский областной комиссар Временного правительства А.А. Дудукалов: «По сообщенным мне Инспектором Читинского таможенного участка сведениям в некоторых пограничных местностях Забайкальской области население в высшей степени враждебно настроено и относится к чинам таможенного надзора, и разными способами препятствует им в исполнении их служебных обязанностей, доходя до открытого противодействия названным чинам и до предъявления им требования немедленно оставить им служебные посты и выехать из порученных им надзору районов»³. Местные власти, обязанные помогать таможенным чинам, нередко потворствовали местным жителям в их желании вытеснить служащих.

Ослабление государственного контроля обнажило ещё одну проблему. Известно, что в контрабандной деятельности активное участие принимали казаки, коих порой задерживали таможенники. В условиях нараставшей анархии, увеличивался антагонизм между служащими таможни и казаками. Ещё в феврале 1916 г. был зафиксирован случай, когда Березинский поселковый атаман Швецов с несколькими сослуживцами не оказал должной помощи при поимке контрабандистов, из-за чего последние сумели скрыться вместе с контрафактным спиртом⁴. 23 марта 1917 г. был обнародован приказ Забайкальскому казачьему войску: «Не допускать никаких насильственных действий над чинами приграничных таможенных постов, так как они

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 904. Л. 33.

² Постановление Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. № 29 (75). 12 апр. С. 1.

³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 904. Л. 52 об.

⁴ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 628. Л. 55–70.

обслуживают общегосударственные нужды»¹. Данный указ говорил о наличии острых проблем. В условиях слома государственной структуры и ослабевающего контроля государства таможенники воспринимались как препятствие для людей, пытавшихся реализовать свои личные интересы. Однако из-за ослабления возможностей административного контроля государства у таможенников не оставалось эффективных способов противодействия контрабанде.

Таким образом, период с 1911 по 1917 гг. стал временем значительных перемен в деятельности Кяхтинской таможни и борьбе с контрабандой. Геополитические изменения, вызванные обретением автономии Внешней Монголии и нарастающим влиянием России в регионе, привели к расширению легального товарооборота, однако одновременно создали новые условия для контрабандной активности. Несмотря на предпринятые государством меры по совершенствованию законодательства и укреплению таможенного контроля, борьба с нелегальным перемещением товаров была осложнена кадровыми трудностями, недостатком технических ресурсов, а также адаптацией контрабандистов к новым условиям, в том числе военного времени. Значительный рост контрабанды свидетельствовал о сохранении и даже усилении привлекательности нелегального промысла. Постепенное смещение товарооборота от сухопутных караванных путей к железнодорожным маршрутам вызвало и перемещение основных потоков контрабанды, в связи с чем Кяхтинская таможня окончательно выпала из списка статусных приграничных таможен.

Начавшаяся Первая мировая война усугубила и без того напряжённую ситуацию: введённые государством запреты и ограничения, нехватка средств и ресурсов сделали борьбу с контрабандой практически невыполнимой задачей. К 1917 г. на фоне ослабления государственного контроля и нарастающих революционных настроений, Кяхтинская таможня оказалась в состоянии

¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 904. Л. 23.

глубокого кризиса, утратив возможность эффективно противостоять контрабандной деятельности.

Таким образом, период с 1861 по 1917 гг. стал важным этапом в истории контрабандной деятельности и борьбы с ней на кяхтинском приграничье. Начало этого периода было ознаменовано отменой особого таможенного статуса Кяхты и введением режима порто-франко, что, с одной стороны, способствовало развитию торговли, а с другой – резко увеличило контрабандные потоки из-за ослабления таможенного надзора. Необходимость восстановления эффективного таможенного регулирования вскоре стала очевидной и власти предприняли попытки вернуть контроль за приграничным оборотом товаров, заново учредив Кяхтинскую таможню.

Однако восстановление таможенной структуры столкнулось с серьёзными трудностями. Организационные проблемы, острый дефицит квалифицированных кадров и недостаток материально-технических ресурсов значительно ограничивали возможности таможенных органов эффективно пресекать нелегальную торговлю. Несмотря на принимаемые меры, масштабы контрабанды оставались устойчиво высокими.

В начале XX в. кяхтинское приграничье столкнулось с новыми геополитическими реалиями на фоне ослабления Китая и провозглашения автономии Внешней Монголии. Эти изменения ещё больше усложнили задачу борьбы с контрабандой. Введение новых торговых соглашений и отмена 50-верстной льготной полосы в 1913 г. вынудили контрабандистов разрабатывать новые схемы и пути нелегального перемещения товаров.

Дополнительным вызовом стала Первая мировая война, которая существенно повлияла на деятельность таможенных органов. Частичная мобилизация кадров, ограничение экспорта и импорта ряда важных товаров, особенно продовольствия, алкоголя, оружия и наркотических средств, повысили экономическую привлекательность контрабанды. В этот период таможня особенно активно противодействовала ввозу опиума и спиртных

напитков, объёмы которых значительно возросли в военное время. Однако к 1917 г. борьба с контрабандой стала практически неосуществимой задачей вследствие общего ослабления государственной власти и нарастающей революционной дестабилизации в регионе.

Таким образом, с 1861 по 1917 гг. Кяхтинская таможня находилась в постоянном противостоянии с контрабандной деятельностью, пройдя путь от полного ослабления контроля до восстановления и последующего кризиса, обусловленного военным и революционным кризисами. Этот этап наглядно показывает сложность и противоречивость подходов Российской империи к решению проблемы контрабанды в Забайкалье и подтверждает значимость Кяхты как важного пункта борьбы с нелегальным товарооборотом на российско-китайской границе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования исторического опыта борьбы Кяхтинской таможни с контрабандой сделаны следующие выводы:

1. На протяжении XVIII – начала XX в. контрабанда в кяхтинском приграничье представляла собой устойчивый элемент приграничной торговли России с Китаем, а позднее и с Монголией, чем объясняется широкий интерес к ее научному исследованию. В дореволюционной литературе были заложены подходы к изучению таможенной политики России и торговых отношений с Китаем, однако контрабанда рассматривалась лишь как фоновое явление, сопутствующее торговле. Исследователи выявили основные причины контрабанды – высокие пошлины, наличие государственных монополий и запретов, но специального анализа борьбы с «потаенным провозом товаров» не предпринимали. Советская историография внесла важный вклад за счёт расширения источниковой базы и углубления знаний о механизмах нелегальной торговли, но контрабанда по-прежнему оставалась «на периферии» исследований российско-китайской торговли. В современной историографии деятельность Кяхтинской таможни стала самостоятельным объектом изучения. Учёные проанализировали организационно-штатную структуру таможни, нормативно-правовую базу ее функционирования и материально-техническое обеспечение, однако до настоящего времени отсутствует специальное исследование правоохранительной деятельности Кяхтинской таможни в имперский период, детально раскрывающее способы и механизмы борьбы с контрабандой с учетом меняющихся геополитических условий функционирования российско-китайской границы, правовых норм регулирования внешней торговли и таможенных тарифов.

2. Различные аспекты деятельности Кяхтинской таможни нашли отражение в опубликованных и в еще не введенных в научный оборот исторических источниках, в числе которых международно-правовые акты

(Нерчинский, Буринский, Кяхтинский, Айгунский, Тяньцзиньский, Пекинский договоры и др.), законодательные и нормативные акты (Соборное Уложение 1649 г., Новоторговый устав 1667 г., Таможенные уставы 1755, 1819, 1857, 1892, 1904, 1910 гг., Сибирский тариф 1761 г., Кяхтинские тарифы 1800 и 1841 гг.), делопроизводственные материалы (организационные, распорядительные, протокольные, учётные и отчётные документы), статистические сведения, периодическая печать («Кяхтинский листок», «Байкал», «Восточное обозрение»), материалы личного происхождения (воспоминания Г.М. Осокина, В.В. Птицына, Д.И. Стахеева, М.В. Грулёва). Основной массив неопубликованных материалов, характеризующих правоохранительную деятельность Кяхтинской таможни, содержится в фондах Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. Комплексное использование источников разных типов позволило составить целостное представление о характере и специфике противоконтрабандной деятельности в кяхтинском приграничье.

3. Продвижение России на Восток в XVII в. привело к столкновению с интересами Цинской империи, что потребовало формализации отношений. Нерчинский договор 1689 г. заложил основу свободной торговли, но не устранил споры. Кяхтинский трактат 1727 г. определил место приграничного торгового пункта — Кяхту, и закрепил караванную торговлю как основную модель экономического сотрудничества. Практически одновременно с основанием слободы была учреждена Кяхтинская таможня. Её создание было обусловлено необходимостью взимания пошлин и пресечения уже сложившихся практик нелегального оборота. Ещё до учреждения таможни контрабанда существовала в форме тайного вывоза мехов и корня ревеня купцами, которые использовали слабый контроль границ и коррумпированность местных властей. Регламентация караванного торгового пункта, квота на число купцов, допускаемых к легальной караванной торговле, привязка торговли к строго определённому месту и маршрутам, а также зависимость от политической конъюнктуры

создавали ситуацию, при которой любой сбой в «официальном» режиме, будь то торговые неурядицы или же приграничные конфликты, немедленно усиливали теневые формы обмена. Таким образом, Кяхтинская таможня возникла как институциональный ответ на уже сложившиеся вызовы.

4. В 1720–1750-е гг. основным контрабандным товаром оставалась пушнина, продажа которой в Китай составляла государственную монополию. Высокие цены на меха в Пекине стимулировали частных купцов к тайному провозу. Вторым значимым товаром был корень ревеня, торговля которым также оставалась монополизированной.

Практики противодействия контрабанде включали: организацию разъездов пограничной стражи, учреждение застав, строительство рва, надолбов и засек, введение особого кяхтинского клейма, материальное стимулирование поимщиков контрабанды. Однако эффективность этих мер была низкой из-за отсутствия сплошной линии застав, коррупции таможенников и участия должностных лиц в незаконных схемах.

5. Во второй половине XVIII в. Кяхта закрепилась в качестве ключевого узла российско-китайской торговли, обеспечивая приток товаров и доходы, но одновременно демонстрируя ограниченность административного контроля в условиях удалённости, слабой инфраструктуры надзора и значительных расстояний между пунктами наблюдения. Приграничная торговля и деятельность Кяхтинской таможни все чаще стали регулироваться отдельными законодательными актами. Однако контрабанда процветала, «подпитываясь» не только экономической выгодой, но и особенностями социальной среды приграничья: в нелегальные операции вовлекались купцы, местные жители, таможенники, разного рода посредники, а теневой оборот становился способом адаптации к дефициту определенных товаров, запретам и сезонным ограничениям.

Существенным фактором роста контрабандной активности выступала нестабильность международной обстановки: периодические торговые кризисы из-за приграничных инцидентов (убийства, кражи, споры о надолбах)

приводили к остановкам официального торгова, создавая спрос на нелегальные каналы перемещения товаров и расширяя роль посредников, хорошо ориентировавшихся в местной географии и практиках неформального обмена. В этих условиях государственные усилия по упорядочению торговли нередко давали краткосрочный эффект, не устраняя системных причин контрабанды, поскольку сами рамки регулирования порождали мотивацию к их нарушению. Более того, российское правительство, с одной стороны, запрещало, а с другой – для пополнения казны санкционировало тайную торговлю через монгольских посредников. В нелегальный оборот оказались вовлечены даже высшие монгольские чины (амбани, ламы).

Борьба с контрабандой осложнялась переносами таможни из Кяхты в Петропавловскую крепость (1766), затем в Иркутск (1775) и обратно (1792) – эти перемещения создавали дополнительные «окна» для беспошлинного провоза. Таможенный устав 1755 г. и Сибирский тариф 1761 г. ужесточили наказания и расширили список запрещённых товаров (шар-табак, алкоголь, оружие, драгоценные металлы). Однако контрабанда не только не прекратилась, но и приобрела организованные формы. Периодические закрытия торгова не искореняли контрабанду, а лишь переформатировали её, делая ещё более скрытой.

6. Особенно заметно на развитие контрабанды повлияли изменения политики Российской империи в отношении торговли с Китаем в начале XIX в. С 1800 г. Кяхтинская таможня стала объектом отдельного тарифного регулирования. Кяхтинский тариф 1800 г. повысил пошлины на чай и закрепил меновой характер торговли. Запрет на использование денег и драгоценных металлов привёл к расцвету контрабанды золота и серебра. Одновременно чай стал главным импортным товаром, его контрабанда через западные границы (кантонский чай) наносила серьёзный удар кяхтинской торговли.

Желание упорядочить торговлю посредством принятия специализированного тарифного плана, с одной стороны, привело к значительному росту товарооборота в Кяхте и подстегнуло производство

отечественной текстильной промышленности, продукция которой стала основной разменной монетой с российской стороны в условиях менового торга. Наряду с этим власть пыталась повысить эффективность надзора за приграничной торговлей – стал прозрачнее и удобнее расчет сбора пошлин, были уточнены правила обмена и провоза товаров и предприняты попытки адаптировать таможенное законодательство к реалиям местного торга.

Однако меновой характер торговли и ограничения на использование наличных средств сформировали разницу между выгодой легальной и нелегальной сделки. Именно это обстоятельство, в сочетании с недостаточностью пограничного контроля и укоренённостью коррупционных практик, поддерживало постоянный спрос на нелегальные способы перемещения товаров. Для борьбы с контрабандой в этот период стали активно привлекаться казаки, проводившие ежедневные разъезды вдоль границы. Нельзя не отметить их эффективность в условиях нехватки таможенных кадров для охраны протяженной границы. Но вместе с тем, именно казаки стали одними из активных участников контрабандной деятельности.

В середине XIX в. произошли законодательные послабления, выразившиеся в возможности использования в коммерческих операциях сначала изделий из драгоценных металлов, а затем и монет, что значительно упростило процесс приграничной торговли и избавило многих дельцов от необходимости искать нелегальные способы. Но оживление торговли сопровождалось параллельным ростом контрабанды, прежде всего драгоценных металлов и чая, а формирование среди контрабандистов отдельных хитростей и уловок отражало профессионализацию данного промысла и его адаптацию к действиям надзора. Усиливающиеся внешнеполитические изменения и расширение коммуникаций в торговле с Китаем постепенно подтачивали экономические позиции Кяхты: допуск альтернативного маршрута ввоза чая – морского, снижение конкурентных преимуществ сухопутного направления и изменение логистики привели к

падению оборотов и стали основанием для перехода к новому режиму регулирования.

7. «Правила для сухопутной торговли с Китаем» 1862 г. ввели 50-вёрстную беспошлинную полосу и ликвидировали Кяхтинскую таможню. Иркутская таможня стала самой восточной в империи. Введение режима порто-франко в Забайкалье в 1860-е гг. принципиально изменило конфигурацию контроля на границе: облегчение легальной торговли сочеталось с ослаблением таможенного надзора и ростом возможностей для нелегального перемещения товаров. Передача функций контроля различным административным структурам, которые не могли заменить в полной мере возможности таможенного надзора, создавали благоприятную среду для теневого оборота, особенно тех товаров, разница в цене которых по обе стороны границы существенно различалась. По этому принципу наиболее распространенным товаром для нелегального ввоза становится спирт, а для вывоза — необработанное золото. В 1860–1880-е гг. в ходе развернувшейся в Забайкалье «золотой лихорадки» китайские и корейские рабочие, нанимавшиеся на прииски, массово похищали золото (шлиховое и самородки) и переправляли его в Китай. Стоит особо отметить, что в условиях введения на приграничной с Китаем территории порто-франко существенно изменилась номенклатура контрабанды, к коей теперь относились только товары, запрещенные к ввозу-вывозу — опиум, оружие, отдельные виды спиртных напитков, а также необработанное золото и др., тогда как ранее в разряд контрабандных входили и утаенные от пошлинного налога ценности.

Для борьбы с нелегальным промыслом использовались традиционные для таможенного законодательства меры, а именно конфискация товара, денежные штрафы, вознаграждение лиц, участвовавших в выявлении контрабанды, использование доноительства как инструмента борьбы с преступниками. Но сохранялись ровно те же проблемы, связанные со слабой возможностью контролировать протяженную границу, из-за чего борьба с контрабандой не всегда была результативной, что, в конечном итоге, стало одной из причин

отказа от политики свободной торговли на восточных окраинах и восстановления таможенного надзора в начале XX в.

8. Отмена порто-франко и возобновление деятельности Кяхтинской таможни в 1900 г. стало признанием необходимости возврата к более чёткой системе регулирования. Однако организационные сложности, дефицит квалифицированных служащих, и недостаточность материально-технического оснащения ограничивали эффективность восстановления таможенной службы, а коррупция и покровительство контрабандистам со стороны таможенных чиновников подрывали доверие к институту контроля и облегчали нелегальный оборот. Государство отвечало усилением правовых норм, расширением репрессивных и фискальных инструментов, Кяхтинская таможня – применением штрафов и конфискации, использованием системы доноительства и материального стимулирования как способа вовлечения населения и служащих в выявление нарушений. Однако контрабандисты тоже не отставали, адаптируя маршруты, способы сокрытия и организацию перевозок к изменяющимся правилам, находя все более изощренные способы для провоза нелегальной продукции. Дополнительное давление на систему оказали внешние обстоятельства: русско-японская война и сопутствующие управленческие решения, ослабляющие контроль именно в тот момент, когда риск нелегального оборота возрастал.

Решающее влияние на судьбу кяхтинской торговли оказало смещение торговых потоков к железнодорожным веткам, что изменило географию легального и нелегального оборота. Кяхта стала окончательно терять прежний статус, что выразилось в снижении экономического веса, падении таможенных сборов и понижении институционального статуса таможни.

9. Период 1911–1917 гг. выявил новую конфигурацию вызовов, связанную с геополитическими переменами и войной. Синьхайская революция 1911 г. и провозглашение автономии Внешней Монголии привели к подписанию российско-монгольского соглашения 1912 г. и трёхстороннего договора 1915 г. Эти акты расширили пространство легальных контактов и

стимулировали рост товарооборота, но одновременно создали дополнительные возможности для контрабандной активности, поскольку менялся правовой режим, усиливалась мобильность участников торговли.

В это же время в ходе реформы таможенного управления 1912 г. были созданы таможенные инспекторства, Кяхтинская таможня вошла в Читинское таможенное инспекторство, а штатные чины уравнены в правах с европейскими таможнями.

С началом Первой мировой войны запреты и ограничения на оборот целого ряда товаров, дефицит ресурсов, частичная мобилизация кадров, рост цен и общий кризис управления превратили нелегальный промысел в распространенный способ извлечения прибыли и удовлетворения спроса. В этот период особенно заметным стало усиление нелегального ввоза спиртных напитков и опиума, что фиксировалось отчётностью и приводило к принятию специальных запретительных актов и ограничительных списков. Одновременно нарастала дезорганизация службы: противоречия между таможенными служащими, случаи неоказания содействия при задержаниях и необходимость издания приказов о недопустимости насилия в отношении чинов приграничных постов демонстрировали падение управляемости и снижение административных возможностей.

К 1917 г. Кяхтинская таможня оказалась в ситуации, когда сочетание военного истощения, кадровой и ресурсной недостаточности и общей политической дестабилизации в условиях революций фактически лишило её инструментов эффективного противодействия контрабанде.

История борьбы с нелегальным перемещением товаров в кяхтинском приграничье наглядно показывает, что контрабанда здесь выступала устойчивым спутником приграничной торговли, напрямую зависевшим от характера правовых условий, состояния инфраструктуры, логистических маршрутов и степени вовлечённости местного населения и чиновничества в теневой оборот. Эволюция мер – от первых конфискаций и локальных запретов до усложнения правового режима, кадрово-организационного укрепления и

применения стимулирующих и репрессивных механизмов – демонстрирует стремление государства институционализировать контроль, но одновременно выявляет пределы эффективности, обусловленные географией, социальными практиками приграничья и масштабными внешними потрясениями. Выявленный исторический опыт подчёркивает: устойчивость таможенного контроля в пограничных регионах определяется не только жёсткостью законодательства, но и способностью власти обеспечить непрерывность надзора, кадровую устойчивость, материально-техническую оснащённость и доверие к институтам – условия, которые многократно нарушались, что и поддерживало воспроизводство контрабандной деятельности на протяжении всего исследуемого периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники:

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Фонд 13. Департамент министра коммерции

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 48.

2. Фонд 19. Департамент внешней торговли Министерства Финансов

РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 582, 469.

3. Фонд 350. Планы и чертежи по сооружению железных дорог в

России

РГИА. Ф. 350. Оп. 82. Д. 13.

4. Фонд 796. Канцелярия Синода

РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 285.

5. Фонд 1152. Департамент государственной экономики

Государственного Совета

РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Раздел 1848. Д. 129.

6. Фонд 1282. Канцелярия министра внутренних дел

РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 954.

7. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД

РГИА. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 961.

8. Ф. 1287. Хозяйственный департамент МВД

РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 36.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

9. Фонд 153. Иркутская таможня

ГАИО. Ф. 153. ОЦ. Д. 1.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

10. Фонд 92. Канцелярия кяхтинского градоначальника

ГАРБ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26, 30, 45, 149, 150, 263, 266, 298, 299, 300, 341, 343, 361, 617, 623; Оп. 2. Д. 903; Оп. 3. Д. 266.

11. Фонд 102. Кяхтинская таможня

ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4, 5, 26, 46, 56, 60, 75, 78, 89, 99, 102, 166, 222, 269, 361, 367, 470, 473, 534, 665, 668, 670, 746, 921, 995; Оп. 2. Д. 32, 41, 628, 678, 904, 906.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)

12. Фонд 42. Сретенская таможня

ГАЗК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5.

13. Фонд 68. Канцелярия Кяхтинского градоначальства

ГАЗК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 21, 34.

14. Фонд 78. Инспектор Читинского таможенного участка

ГАЗК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14, 26, 74, 85; Оп. 2. Д. 1, 23, 34.

II. Законодательные и нормативно-правовые акты

15. Уложение. 29 января 1649 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. С. 1–161.

16. Именной с боярским приговором указ «О взимании пошлины с товаров в Москве и городах, с показанием по сколько взято и с каких товаров». 25 октября 1653 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 1. № 107. С. 302–305.

17. Новоторговый устав. 22 апреля 1667 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 408. С. 677–695.

18. Сенатский «О пошлинах с вывозимого из Китая золота и серебра и о не продаже оною никому, кроме Денежных дворов». 20 декабря 1723 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 7. № 4397. С. 189–190.

19. Регламент Коммерц-Коллегии. 1724 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 7. № 4453. С. 243–246.

20. Именной, данный Сенату указ «О позволении Российским купцам производить торг за границую Китайскою всеми товарами, кроме мягкой рухляди». 30 декабря 1726 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 7. № 4992. С. 722–724.

21. Именной, состоявшийся в Верховном Тайном Совете «О дозволении вольной торговли сибирскими соболями и другими заповедными товарами». 26 июня 1727 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 7. № 5110. С. 821.

22. Генеральный трактат между Россиею и Китаем «О вечном между обеими Империями мире, о утверждении границ, о неудержании перебежчиков; об оставлении Удинских границ по прежнему и о свободной торговле». 14 июня 1728 г. // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 8. № 5286. С. 49–53.
23. Сенатский «О Российском караванном торге с Китайским государством». 3 января 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 8. № 5666. С. 354–358.
24. Сенатский «О восстановлении казенного торгоу ревенем». 8 апреля 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. № 5741. С. 450.
25. Именной, данный Сенату «О запрещении вывозить ремень под опасением отписания в казну всего имущества». 15 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6749. С. 531.
26. Именной «О запрещении вывозить частным людям из Сибири ремень и отпускать за море, под смертною казнию». 22 июня 1735 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9. № 6750. С. 531.
27. Сенатский «О правилах оценки и продажи привозимых в Сибирский приказ ясачных и десятичных товаров». 15 марта 1736 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 9. № 6916. С. 779–782.
28. Именной «О учинении смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки». 9 июля 1736 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 9. № 7009. С. 876–879.
29. Именной, данный Сибирскому приказу «О вымене у иноземцев ревеня на товары при Кяхтинском форпосте». 11 июля 1737 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7324. С. 217.
30. Именной «О запрещении Российским подданным торговать разною мягкою рухлядью в Пекин и в прочих местах, подвластных Китаю». 12 сентября 1739 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7895. С. 895–896.
31. Именной «Об отмене Китайского караванного казённого торгоу». 21 сентября 1739 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 10. № 7906. С. 908.

32. Сенатский «О воспрещении ввоза в Россию Китайских и подобных оным Индийских товаров из Европейских государств, как морем, так и сухим путём». 5 декабря 1743 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 11. № 8828. С. 955–956.
33. Сенатский «О населении посада при Кяхтинском форпосте». 13 декабря 1743 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 11. № 8833. С. 961–962.
34. Сенатский «О сделании о Китайской границе, между реками Чикоем и Селенгою, рва и надолбов, для предосторожности от тайного провоза товаров». 11 января 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8852. С. 3.
35. Сенатский «О сделании при Кяхтинском форпосте и при Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской Таможнях, обособливых клейм для печатания товаров; о приложении печатей сургучом на самих товарах, а не на бумагах; о неторговании на заводах Демидова при Екатеринбурге ничем, кроме харчевых припасов, и о не продавать Китайских товаров, без клейма». 20 февраля 1744 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 12. № 8875. С. 26–29.
36. Именной «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». 1 января 1754 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 13. № 10164. С. 947–953.
37. Сенатский «О назначении чиновников и канцелярских служителей в пограничную Китайскую таможню». 23 августа 1754 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. №. 10281. С. 199–201.
38. Сенатский «О бытии в Кяхтинской таможне двум Директорам». 8 марта 1756 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. № 10520. С. 522–523.
39. Регламент Коммерц-Коллегии // ПСЗРИ. Собр. I. 1830. Т. 7. № 4453. С. 243–246.
40. Сенатский «Об уничтожении состоящей при Сенате Комиссии о пошлинах, и о учреждении, вместо оной, Комиссии о Коммерции». 9 октября 1760 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 15. № 11117. С. 527 – 528.
41. Тариф «О сборе пошлин в Сибирских пограничных Таможнях с привозных и отвозных товаров». 31 мая 1761 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 15. № 11260. С. 722.

42. Именной, состоявшийся в Сенате «о разных постановлениях касательно торговли». 31 июля 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Том 16. № 11630. С. 31–38.

43. Высочайше утверждённый доклад Сената «О переводе Петропавловской таможни с Кяхтинского форпоста в Троицкую крепость и об учреждении там Коммерческой Экспедиции, а в Иркутске для сбирания пошлин Комиссарства». 18 марта 1775 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 20. № 14277. С. 87–97.

44. Именной, данный Сенату «Об учреждении особой Таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаённого провоза товаров». 27 сентября 1782. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 21. № 15522. С. 682–685.

45. Именной, данный Сенату «О сборе пошлин с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможне и Цурухантуевской таможенной заставе». 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19327. С. 74–75.

46. Высочайше утверждённые правила, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торга, поступать долженствует. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19328. С. 75–79.

47. Тарифы по Азиатской торговле // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 45: Книга тарифов. С. 1 – 83.

48. О сборе пошлин с привозных и отпускных товаров в Кяхтинской таможне и Цурухантуевской таможенной заставе. 15 марта 1800 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 26. № 19327. С. 74 – 75.

49. Приложения к тарифам по Азиатской торговле // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 45: Книга тарифов. С. 1–3.

50. Таможенный Устав по Европейской торговле. 14 декабря 1819 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. 36. № 28030. С. 417–499.

51. Высочайше утвержденное Положение об устройстве пограничной Таможенной стражи. 5 августа 1827 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1830. Т. 2. № 1282. С. 645–648.

52. Именной, данный Сенату «О новом тарифе по Европейской и Кяхтинской торговле». 28 ноября 1841 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1846. Т. 16. Отд. 2. № 15064. С. 73.

53. Именной, данный Сенату «О допущении облегчений и других мер для поддержания Кяхтинской торговли». 20 июля 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1846. Т. 20. Отд. 1. № 19218. С. 545.

54. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении существующих правил о Кяхтинской торговле». 15 января 1851 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1852. Т. 26. № 24830. С. 42–44.

55. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О взысканиях и наказаниях за нарушение правил о Кяхтинской торговле». 29 октября 1851 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1852. Т. 26. Отд. 2. № 25689. С. 70.

56. Именной «О дозволении на Кяхте промена китайцам серебряных изделий». 6 августа 1854 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1855. Т. 29. Отд. 1. № 28461. С. 728–729.

57. Высочайше утверждённое положение «Об изменении правил Кяхтинского торгога». 1 августа 1855 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1856. Т. 30. Отд. 1. № 29554. С. 528–529.

58. Высочайше утвержденное мнение «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское». 30 марта 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36784. С. 518–520.

59. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О дозволении пропускать беспошлинно по Азиатской торговле все вообще Китайские товары, кроме чая, об учреждении надзора за непропуском через границу воинских снарядов и опиума в Китай, а вин и хлебных водок из Китая, и о применении общего по Европейской торговле тарифа к Европейским и колониальным товарам, доставляемым через порты Приморской и Амурской областей». 2 апреля 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38123. С. 286–287.

60. Именной «О упразднении Кяхтинского градоначальства, управлении пограничным городом Троицкосавском, с принадлежащими к нему слободами: Кяхтою и Усть-Кяхтою, и о некоторых преобразованиях по гражданскому управлению Восточной Сибири». 9 февраля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39267. С. 150–151.

61. Высочайше утвержденное положение об управлении пограничным городом Троицкосавском, с принадлежащими к нему слободами: Кяхтою и Усть-Кяхтою. 9 февраля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39269. С. 152–153.

62. Высочайше утвержденное Положение об устройстве таможенной части и таможенном производстве в Восточной Сибири. 3 апреля 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38123. С. 289–294.

63. Высочайше утвержденное положение «О порядке довольствия сеном лошадей казаков Забайкальского казачьего войска, отправляющих таможенную службу на постах, заставах и в городе Иркутск, а также наблюдающих за непропуском контрабанды в Тункинском крае» // ПСЗРИ. Собр. 2. 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39278. С. 155–156.

64. Образование Акцизного Управления // Свод законов Российской Империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. Кн. 2. Т.5. СПб: Деятель, 1912. 447 с.

65. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О ввозе иностранных крепких напитков в Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области Восточной Сибири». 3 июля 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1871. Т. 42. № 44801. С. 1124–1125.

66. Именной «Об увеличении податей и налогов, возвышении гербового и почтового сборов и таможенных пошлин». 30 декабря 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37818. С. 669–670.

67. О воспрещении прибывающим в Россию корейцам и другим из китайских и корейских пределов выходцам селиться на пограничных с Китаем

и Кореей местностях. 22 ноября 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1888. Т. 6. № 4035. С. 493.

68. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении действующих относительно таможенных досмотрщиков узаконений». 18 марта 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12655. С. 205–206.

69. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об образовании таможенной стражи в Восточной Сибири». 26 января 1898 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1901. Т. 18. Отд. 1. № 14931. С. 65–66.

70. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «Об устройстве таможенного надзора в Приамурском крае». 15 мая 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. III. 1902. Т. 20. Отд. 1. № 18615. С. 500–501.

71. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «Об обложении таможенною пошлиною иностранных товаров, привозимых в Приамурский край». 10 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1902. Т. 20. Отд. 1. № 18787. С. 691–692.

72. Высочайше утвержденное «Уголовное Уложение». 22 марта 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1905. Т. 23. Отд. 1. № 22704. С. 175–274.

73. Устав таможенный. Издание неофициальное с инструкциями, правилами, списками, разъяснениями, а также извлечениями из других частей свода законов, необходимыми в таможенном деле / Под ред. С.С. Антонова и А.В. Добротина. СПб: Гос. тип., 1905. 1107 с.

74. Именной Высочайший указ, данный Министру финансов «Об установлении беспошлинного ввоза товаров в Приамурском генерал-губернаторстве» // ПСЗРИ. Собр. 3. 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24452. С. 404.

75. О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, об отмене статьи 939 Устава Таможенного и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 года. 16 января 1909 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. № 31369. С. 18–20.

76. Об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и в Забайкальском и Якутском областях и Иркутской губернии Иркутского генерал-губернаторства. 2 мая 1909 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. № 31854. С. 322–323.

77. Штаты таможенных учреждений в Забайкалье. 1909 г. // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 года. СПб: Деп. тамож. сборов, 1912. С. 9–17.

78. Устав Таможенный // Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и узаконениями по 1 сентября 1910 года. Кн. 1. Т. 6. СПб: Издание книж. магазина «Законоведение», 1911. С. 2526–2818.

79. Инструкция таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей. 18 февраля 1910 г. // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 года. СПб: Деп. тамож. сборов, 1912. С. 27–32.

80. Нота российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского управляющему китайским Министерством иностранных дел о продлении срока действия С.-Петербургского договора 1881 г. и упразднении льготной 50-верстной торговой полосы на русской стороне сухопутной границы. 24 августа 1912 г. // Известия Министерства иностранных дел за 1912 г. СПб, Кн. 6. 1917. С. 74–76.

81. Об отпуске средств из государственного казначейства на усиление таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области. 14 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37063. С. 445–446.

82. Об Учреждении местного таможенного управления и об установлении штатов таможенных инспекторских участковых управлений. 28 мая 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37147. С. 488–496.

83. Об установлении расписания должностей и окладов содержания в таможенных учреждениях, введении единого досмотра товаров и обращении полностью в доход казны штрафов и пеней за неправильности в объявке товаров. 6 июня 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1915. Т. 32. Отд. 1. № 37216. С. 611–612.

84. О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени. 5 сентября 1914 г. // Собрание Указаний и распоряжений Правительства. 1914. Отд. 1. 2-е полугодие. № 2348. С. 3458.

85. Высочайше утвержденное положение о казенной продаже питей. 6 июня 1894 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. 1898. Т. 14. Отд. 1. № 10766. С. 404–410.

86. О мерах борьбы с опиекурением. 17 июня 1915 г. // Собрание Указаний и распоряжений Правительства. 1915. Отд. 1. 1-е полугодие. № 1291. С. 1743.

87. О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года. 28 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Петроград. 1915. Книга 1. С. 71–72.

III. Справочные и статистические издания, сборники документов

88. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1762 год / Н.Н. Бантыш-Каменский. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. 565 с.

89. Таможня в Забайкалье: документы и материалы. 1962–1926 гг. / Авторы-сост.: Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. 211 с.

90. Езучевский С. Отчет таможенного ревизора при Департаменте таможенных сборов по командировке его в Западную и Восточную Сибирь, а также в Приморскую область, согласно предписаниями департамента, от 13 января и 23 марта 1888г. за №№ 560 и 5600 / С. Езучевский. СПб: Тип. В. Киршбаума, 1889. 152 с.

91. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту / Издание кяхтинского купечества. – М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1896. 90, [27] с.
92. Обзор Забайкальской области за 1897 год. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко», 1898. 243 с.
93. Обзор Забайкальской области за 1900 год. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1901. 58, [109] с.
94. Обзор Забайкальской области за 1902 год. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1903. 119, [83] с.
95. Обзор Забайкальской области за 1905 год. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1906. 105, [66] с.
96. Обзор Забайкальской области за 1908 год. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1909. 84, [78] с.
97. Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1915. 97, [70] с.
98. Описание государственного разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов, составленное Петром Ивановым / сост. П.И. Иванов. М.: Тип. С. Селивановского, 1842. 452 с.
99. Отчёт окружного Ревизора о частной золотопромышленности Забайкальской области в 1883 году // Приложение первое к выпуску 1 Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1884. Т. 7. 424 с.
100. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1901. 427 с.
101. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Б.и., 1925. 104 с.
102. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. П. Е. Скачков и В. С. Мясников. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 139 с.

103. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е.А. Адамова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. 462 с.

104. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / Изд. Д. Пещуров. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1889. 270 с.

105. Статистические сведения об оборотах сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту с 1875 по 1894 год и торговли Китая с другими государствами за последние годы. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1896. 27 с.

IV. Периодическая печать

106. Александр Иванович Деспот-Зенович // Восточное обозрение. 1892. № 51.

107. Из камеры Мирового судьи 16 участка // Байкал. 1898. № 16.

108. Из зала суда // Байкал. 1898. № 23.

109. Контрабанда // Байкал. 1900. № 1.

110. Нужды торговли // Кяхтинский листок. 1899. № 9. 8 с.

111. Объявление // Кяхтинский листок. 1899. № 13. 8 с.

112. О золотопромышленности в Забайкалье // Байкал. 1898. № 16.

113. Постановление Временного правительства № 22 // Вестник Временного правительства. 1917. № 29 (75).

114. По поводу заметки «Кяхтинского листка» О прекращении коммерческого агентства в Китай // Кяхтинский листок. 1899. № 5. 10 с.

115. Современная летопись Кяхты-Троицкосавска // Байкал. 1898. № 11.

116. Современное положение и нужды русской торговли в Монголии // Байкал. 1898. № 15.

117. Трусов И.В. Чайное дело // Байкал. 1898. № 26.

V. Мемуары

118. Грулёв М.В. Записки генерала-еврея / М.В. Грулев. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 270 с.

119. Осокин Г.М. «На границе Монголии». Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья / Г.М. Осокин. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1906. 304 с.

120. Птицын В.В. Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края: В 2 ч. с 10 рис. и геогр. карт. Забайкалья / В.В. Птицын. СПб.: Экон. типо-лит., 1896. 307 с.

121. Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины / Д.И. Стахеев. СПб: Тип. К. Вульфа, 1869. 347 с.

VI. Статьи и монографии

122. Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / В.К. Андриевич. СПб.: Воен. тип., 1887. 249 с.

123. Бабаян Д.К. Китай и Монголия: исторические, политические и психологические аспекты взаимоотношений / Д.К. Бабаян // Известия Алтайского государственного университета. История. 2016. № 4 (31). С. 181–185.

124. Базаров А.Б. Русско-китайская торговля через Кяхту: экономические аспекты взаимодействия XVIII – начала XX в. / А.Б. Базаров // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2025. № 1 (57). С. 65–71.

125. Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. / В.Б. Базаров // Власть. 2017. № 9. С. 158–163.

126. Базаров Б.В., Гомбожапов А.Д. Заметки о деятельности Кяхтинской ратуши на Чайном пути / Б.В. Базаров, А.Д. Гомбожапов // Oriental Studies. 2025. Т. 18, № 3. С. 576–585.

127. Балковая В.Г. Откупной способ укомплектования таможенных учреждений России (XV–XVIII вв.) / В.Г. Балковая // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 11–15.

128. Батсайхан Д. Возникновение и развитие монгольского законодательства об ответственности за контрабанду (209 г. до н.э. – 1926 г.) /

Д. Батсайхан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1 (45). С. 42–46.

129. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946) / О. Батсайхан. Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с.

130. Белозерцев С.М. Деятельность российской администрации по противодействию... экономическим правонарушениям китайцев на горных приисках Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. / С.М. Белозерцев // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С. 30–34.

131. Беляева Н.А. Таможенная служба на Амуре в начале XX века: первые шаги таможенного надзора / Н.А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (59). С. 109–118.

132. Беляева Н.А. Формирование таможенных учреждений в Забайкалье после отмены порто-франко / Н.А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 3(40). С. 125–132.

133. Берков Е.А., Галанжин Е.Ф. Учебное пособие в помощь людям, изучающим таможенное дело / Е.А. Берков, Е.Ф. Галанжин. М: Изд-во Аллель, 1988. 436 с.

134. Блех И.И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии / И.И. Блех. СПб: Тип. Муллер и Богельман, 1895. 211 с.

135. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого и до наших дней / В. Витчевский. СПб: Издание Д.А. Казицына и Ю.Д. Филипова, 1909. 362 с.

136. Гемерман Е.В. Дальневосточная преступность в дореволюционный период: исторические и региональные особенности / Е.В. Гемерман // Ойкумена. 2006. № 3. С. 13–21.

137. Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь / П.М. Головачев. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1905. 401 с.

138. Губаревич-Радобыльский А.Ф. Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России / А.Ф. Губаревич-Радобыльский. СПб: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. 174 с.
139. Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / О.М. Долидович // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 173–182.
140. Дугаров В.Д., Казанцева Н.Г. Государственная таможенная политика и её местная реализация в приграничных регионах в конце XIX – начале XX в. / В.Д. Дугаров, Н.Г. Казанцева // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 128–135.
141. Единархова Н.Е. Восточная Сибирь и сопредельные страны в XIX в. / Н.Е. Единархова // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: подгот. матер. ко второй междунар. науч-практ. конф., 23–26 сент. 1997. Иркутск: ИГПИ. 1996. С. 3–24.
142. Единархова Н.Е. О чае и чайной торговле / Н.Е. Единархова // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 17–18.
143. Ерешко Е.В. Российское законодательство конца XIX – начала XX в. в борьбе с контрабандой / Е.В. Ерешко // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3(8). С. 111–119.
144. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России / Е.М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1958. 320 с.
145. Занданова Л.В., Пузыня Н.Н. Дипломат и реформатор С.Л. Владиславич-Рагузинский: «... вечный мир заключили и границу утвердили» / Л.В. Занданова, Н.Н. Пузыня // Вестник РУДН. История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 8-19.
146. Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. / В.Н. Захаров // Государственные учреждения России в XVI–XVIII вв.: сб. ст. М.: Изд-во МГУ. 1991. С. 49–76.

147. Казанцева Н.Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX – начала XX века / Н.Г. Казанцева // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 35–41.
148. Казанцева Н.Г. Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торго (на примере Забайкальского района) / Н.Г. Казанцева // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 6–13.
149. Кази М.И. По поводу таможенной войны с Германией / М.И. Кази. СПб: Типо-лит. С.Ф. Яздовского и Ко, 1893. 67 с.
150. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 442. С. 122–125.
151. Кальмина Л.В., Плеханова, А.М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 29–35.
152. Кириллова С.В. Беспшлинная и контрабандная торговля России с Китаем и Монголией в XVII–XVIII вв. / С.В. Кириллова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 53. С. 138–141.
153. Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. / С.В. Кириллова, В.В. Шевцов // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 435. С. 121–126.
154. Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / А.К. Корсак. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 445 с.
155. Крит Н.К. Будущность кяхтинской торговли. / Н.К. Крит. СПб.: тип. Артиллерийского департамента Военного Министерства, 1862. 101 с.
156. Кузьмин С.Л. Монархическое Монгольское государство в 1911–1924 гг. / С.Л. Кузьмин // Eurasia: Statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. Т.1. № 4. С. 187–198.
157. Кулишер И.М. История русской торговли / И.М. Кулишер. СПб: Изд-во Атеней, 1923. С. 236.

158. Курас Л.В. Кяхтинская таможня первой половины XIX в.: контрабанда и борьба с ней / Л.В. Курас // Власть. 2012. № 10. С. 179–182.
159. Курц Б.Г. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст. / Б.Г. Курц. Киев: [б. и.], 1929. 76 с.
160. Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях / Б.Г. Курц. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. 158 с.
161. Ланцова Ю.Н. Китайские и корейские рабочие в золотопромышленности Забайкальской области (середина XIX – начало XX вв.) / Ю.Н. Ланцова // Ученые записки ЗабГГПУ. 2009. № 3 (26). С. 127–130.
162. Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа / К.Н. Лодыженский. СПб: Типография В.С. Балашева, 1886. 312 с.
163. Лю Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией / Ц. Лю // Теория и практика общественного развития: Культурология. 2009. С. 63–75.
164. Макаров А.В., Савосина Н.Г. Правовые меры противодействия контрабанде в таможенном законодательстве: историко-правовой опыт / А.В. Макаров, Н.Г. Савосина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 110–117.
165. Маланова А.В. Кяхтинское градоначальство и А.И. Деспот-Зенович / А.В. Маланова // Молодой учёный. 2011. № 9 (32). С. 163–167.
166. Малов В.В., Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н. Российское законодательство о контрабанде: история становления и развития / В.В. Малов // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2001. № 4(17). С. 196–206.
167. Малыгина О.А. Кяхтинское градоначальство – особый административный проект преобразования Забайкальского трансграничья (вторая половина XIX в.) / О.А. Малыгина // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 90–94.
168. Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследования о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года / Д.И. Менделеев. СПб: Тип. В. Демакова, 1892. 730 с.

169. Мерзон А.Ц. Таможенные книги XVII века: Учебное пособие / А.Ц. Мерзон. М.: [б. и.], 1957. 68 с.
170. Минаева Т.С. Проблема контрабанды в таможенной политике России XVIII века / Т.С. Минаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. С. 34–40.
171. Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. 19–25.
172. Мишакова О.Э. Кяхта: от караванной торговли до Порто-Франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. / О.Э. Мишакова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. № 7. С. 46–50.
173. Неклюдова А.В. Иркутская таможня во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Неклюдова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 86 – 89.
174. Неклюдова А.В. Развитие Кяхтинской таможни во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / А.В. Неклюдова // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. №2 (85). С. 272–278.
175. Никольский С.О. внешних таможенных пошлинах / С.О. Никольский. М.: Университ. тип. (Катков и Ко), 1865. 124 с.
176. Новиков Я.А. Протекционизм / Я.А. Новиков. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 292 с.
177. Носков И.А. Кяхта: о кяхтинской торговле чаем / И.А. Носков. Иркутск: Иркутская публ. б-ка, 1861. – 30 с.
178. Носков И.А. Кяхтинская торговля за последние восемь лет / И.А. Носков. СПб: Тип. тов. Обществ. польза, 1870. 18 с.
179. Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева // Вестник всемирной истории. СПб: Столичная типография. 1900. 164 с.
180. Петров А.И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) / А.И. Петров // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–14.

181. Плотникова А.В., Ноздрина И.О. Результаты таможенной реформы 1753-1757 гг. и их влияние на развитие торговых сношений / А.В. Плотникова, И.О. Ноздрина // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 43–48.
182. Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) / Ф.И. Покровский. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1914. 48 с.
183. Потяев А.И. Теория таможенного дела / А.И. Потяев. М.: Изд-во Наркомторга СССР и РСФСР, 1927. 164 с.
184. Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен / И.Ф. Попова // Mongolica. 2013. Т. 11. С. 28–36.
185. Прокопович Г.А. История таможенного дела и таможенной политики. Часть 1 (X – XIX века): Учеб. пособие / Г.А. Прокопович. СПб: ИЦ «Интермедия», 2020. 156 с.
186. Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в. / Г.Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 101–112.
187. Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX–начало XX в.) / Г.Н. Романова // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 142–151.
188. Савосина Н.Г. Особенности регулирования таможенно-торговых сношений на территории Забайкалья во второй половине XVII века / Н.Г. Савосина // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 44–51.
189. Савосина Н.Г. Территориальная организация таможенного дела XIX века / Н.Г. Савосина // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 51–57.
190. Сандровский К.К. Таможенное право: учеб. пособие / К.К. Сандровский. Киев: Вища шк., 1974. 175 с.
191. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли) / Е.П. Силин. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.

192. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М.И. Сладковский. М.: Наука, 1974. 439 с.
193. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века / М.Н. Соболев. Томск: Типо-лит. Сибирского товарищества печатного дела, 1911. 850 с.
194. Солонченко Е.А. Запрещенные товары в контексте российско-китайских отношений в 40-50 гг. XIX в. / Е.А. Солонченко // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 226–231.
195. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб: Тип. В. Киршбаума, в д. М-ва Финанс., на Дворц. площ., 1882. 214 с.
196. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других странах. Производство, потребление, и распределение чая / Сост. А.П. Субботин. СПб: Тип. Северного Телеграф. Агентства, 1892. 706 с.
197. Суходолов А.П. Иркутская таможня. Этапы становления и развития / А.П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 749-757.
198. Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е.И. Сычевский. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. университете, 1875. 292 с.
199. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
200. Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д.А. Толстой. СПб: Тип. К. Жернакова, 1848. 258 с.
201. Третьякова Г.А. Таможенная политика России в начале XIX века / Г.А. Третьякова // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. С. 122–125.

202. Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века) / Х.И. Трусевич. М: Тип. Т. Малинского, 1882. 306 с.
203. Угаров Б.М. Международная борьба с контрабандой / Б.М. Угаров. М.: Международные отношения, 1981. 213 с.
204. Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е гг. XVIII – 50-е годы XIX в.) / А.Н. Хохлов. М.: Мысль, 1982. С. 99-147.
205. Черникова Н.В. Контрабанда в России второй половины XIX в. как государственная проблема и пути её решения / Н.В. Черникова // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. матер. Четвертой междунар. научн. конф. Нижний Новгород. 2018. С. 511–519.
206. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. / Ш.Б. Чимитдоржиев. Москва: Наука, 1978. 241 с.
207. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. / Ш.Б. Чимитдоржиев. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. 233 с.
208. Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) / Ш.Б. Чимитдоржиев // Кяхте – 250 лет: сб. статей. / Редкол.: Д.Д. Лубсанов и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1978. С. 36 – 40.
209. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах / М. Чулков. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1785. Т. 3, кн. 2. 739 с.
210. Чулуун С. Монголын худалдаа, эдийн засгийн товчоон / С. Чулуун. Уланбаатар, 2009. 341 с.
211. Шапошников Н.Н. Таможенная политика до и после революции / Н.Н. Шапошников. Ленинград: Тип. им. Володарского, 1924. 74 с.
212. Шахеров В.П. Вопросы совершенствования и реорганизации русско-китайской торговли в записках и проектах ее участников / В.П. Шахеров // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 303–313.

213. Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей / В.П. Шахеров // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 128–139.
214. Шахеров В.П. Таможенное дело в Сибири и в Забайкалье / Авт. и сост.: В.П. Шахеров, И.И. Козлов, Н.И. Гаврилова и др. Иркутск, 1999. 79 с.
215. Ширапов А.А. Дело о краже серебра со склада Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в 1901 г. / А.А. Ширапов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 2 (50). С. 44–49.
216. Ширапов А.А., Плеханова А.М. «Серебряный путь» из Европы в Азию: роль Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в экспорте драгоценных металлов в Цинскую империю / А.А. Ширапов, А.М. Плеханова // Монголоведение. 2023. № 1. С. 83–94.
217. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.) / М.М. Шумилов. СПб: Наука, 2006. 471 с.
218. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года / П.Т. Яковлева. М.: Изд. Академии наук, 1958. 235 с.
219. Edmund Clubb O. China and Russia: the “Great Game” / O. Edmund Clubb. New York: Columbia University Press. 1971. 578 p.
220. Friters G.M. Outer Mongolia and its international position / G.M. Friters. New York: Octagon Books, 1974. 358 p.
221. Kholiev A.G. The “Mongolian question” to Russian foreign policy / A.G. Kholiev // National University of Uzbekistan. 2019. V. 2. Issue VI. P. 67–72.
222. Mancall M. Russia and China. Their diplomatic relations to 1728 / M. Mancall. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 396 p.
223. Mikhalev A.V. Empires’ Keif, or Opium Trade on the Tea Route in the Era of Late Empires // A.V. Mikhalev // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 268–285.

VII. Диссертации и авторефераты

224. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные направления и формы экономической деятельности: 1861–1921 гг. / Н.Е. Единархова. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Владивосток, 2006. 456 с.

225. Казанцева Н.Г. История таможенного дела Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.) / Н.Г. Казанцева. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2016. 376 с.

226. Калашников С.Д. Исторический опыт протекционистской таможенной политики России, 1877-1913 гг. / С.Д. Калашников. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1996. 222 с.

227. Крихунов В.Н. Таможенная политика России в конце XIX – начале XX веков: опыт и уроки борьбы протекционистов и фритредеров / В.Н. Крихунов. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1998. 163 с.

228. Переслегина И.В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни: 20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв. / И.В. Переслегина. Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 221 с.

229. Синиченко В.В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX века – 1884 г. / В.В. Синиченко. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 199 с.